

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1900 г.

№ 22.

Воскресенье 28 мая.

„Право“ издается в С.-Петербургѣ под редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи: Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. И. Петражицкаго и В. М. Устинова.

Содержаніе: 1) Договорная неустойка по проекту гражданского уложенія. Профессора М. Я. Пергамента. 2) Мірскіе передѣлы. — Прив.-доц. С. П. Никонова. 3) V Съездъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ. 4) Судебные отчеты: I. Засѣданія: кас. деп. а) Угол. деп. 16 мая 1900 г. б) Граждан. деп. 10—13 мая 1900 г. II. Пензенскій окр. судъ. (Дѣло Карповыхъ). III. Выѣздная сессія Кіевской суд. палаты. (Дѣло бр. Скитскихъ). 5) Хроника. 6) Библиографія: Журн. Мин. Юст. № 4, апрѣль 1900 г. 7) Отвѣты редакціи. 8) Справочный отдѣлъ (послѣ текста и на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается расрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ 1 Іюня по 1 Сентября, редакція будетъ открыта для личныхъ объясненій по пятницамъ отъ 12 до 2 часовъ дня.

Договорная неустойка по проекту гражданского уложенія.

Что договорная или, какъ ее еще называютъ, добровольная неустойка является однимъ изъ важнѣйшихъ институтовъ т. наз. общей части обязательственнаго права, что она играетъ выдающуюся роль въ жизни и судебной практикѣ, что среди юристовъ и неюристовъ наблюдается живой интересъ къ вопросамъ, связаннымъ съ неустойкой, — все это хорошо извѣстно и поясненія не требуетъ. Равнымъ образомъ извѣстно и то, что нормировка неустойки въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ, въ т. X ч. 1, не выдерживаетъ никакой, даже снисходительнѣйшей, критики. Здѣсь въ существѣ дѣла (если отвлечься отъ положеній партикулярнаго права — для губерній Черниговской и Полтавской) все сводится къ одной лишь статьѣ 1585. Но статья эта регулируетъ только отношеніе неустойки „къ взысканію по неисполненію самаго договора“, т. е. въ лучшемъ случаѣ къ исполненію *in natura* и къ вознагражденію за вредъ и убытки, — и, вдобавокъ, регулируетъ въ высокой степени неудовлетворительно. Если статья на почвѣ твердо установленнаго и послѣдовательно проведеннаго сенатскаго толкованія, то оказывается, что ст. 1585 построена на принципѣ строго *кумулятивно* или, говоря иначе, требуетъ присужденія всякій разъ не только договорной пени, но и возмѣщенія ущерба, либо, вза-

мѣвъ послѣдняго, выполненія самаго обязательства. При неустойкѣ, призванной обезпечить *своевременное* или вообще *надлежащее* исполненіе, наша норма, слѣдовательно, санкціонируетъ уже *тройное* взысканіе: можно добиваться и совершенія условленнаго дѣйствія, разъ, и вознагражденія за понесенный вредъ, два, и полученія неустойчивой суммы, три ¹⁾. Драгъ *одну* шкуру, такимъ образомъ, совершенно недостаточно. Злополучнаго должника, имѣвшаго несчастье obligatus подѣ страхомъ неустойки, щадить, очевидно, нечего. Пусть онъ серьезно восчувствуетъ, пусть жестоко поплатится: неустойка должна явиться *наказаніемъ* за его неисправность, это — настоящая *кара*.

Къ счастью, редакторы проекта отвергли эту точку зрѣнія, создававшую для русскаго права исключительное въ данномъ вопросѣ, серьезно исключительное положеніе. Редакторы исходятъ изъ *альтернативнаго* взгляда на отношеніе неустойки къ интересу, — взгляда, который можно формулировать такъ: *либо* неустойка, *либо* соотвѣтственный интересъ, *одно* изъ двухъ, отнюдь не то и другое. При этомъ редакціонная ко-

¹⁾ См. обо всемъ этомъ подробнѣе мою книгу „Договорная неустойка и интересъ въ римскомъ и современномъ гражданскомъ правѣ“, особенно §§ 22 сл., гдѣ я, впрочемъ, значительно расхожусь съ нашимъ кассационнымъ Сенатомъ, настаивая на томъ, что на самомъ дѣлѣ въ ст. 1585 принципъ кумуляціи осуществленъ далеко не вполне, вовсе не абсолютно.

миссія склонилась въ сторону строгой и чистой альтернативы, т. е. системы римской, а не прусско-французско-австрийской. Последняя, какъ известно, отличается отъ первой тѣмъ, что признаетъ связаннымъ силою неустойчиваго соглашения не только должника, но въ нѣкоторой степени и самого вѣрителя. Разумѣется, поскольку дѣйствіе основного обязательства еще выполнимо, постольку и прусское, напримѣръ, право предоставляетъ вѣрителю *выборъ* между двумя требованіями, изъ которыхъ одно вытекаетъ изъ главнаго договора, а другое изъ придаточнаго. Пока, слѣдовательно, — по крайней мѣрѣ, для неустойки, условленной на случай неисполненія, — различія между системами нѣтъ. Но оно проявляется съ той минуты, какъ основное дѣйствіе перестало быть выполнимымъ *in natura* или оказалось нежелательнымъ для кредитора: теперь, по Ландрехту, или Code'у, или австрийскому уложенію, у кредитора остается только *одно* право — право взыскать неустойку. ¹⁾ Наоборотъ, по римскому ученію и основаннымъ на немъ законодательствамъ для вѣрителя тутъ доступенъ еще искъ объ убыткахъ *на общемъ основаніи*: этотъ искъ дастъ ему или *полное* удовлетвореніе, если онъ не взыскивалъ неустойки, или удовлетвореніе въ размѣрѣ *разности* между цифрою убытковъ и цифрою неустойки, если послѣдняя уже взыскана. Короче: принадлежащія вѣрителю два требованія онъ вправѣ комбинировать какъ ему угодно, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ итогѣ получить удовлетвореніе, хотя и *ординарное, но максимальное*. Для большей ясности приведу еще простой примѣръ: выговорена пеня въ 1000, убытки отъ нарушенія должникомъ обязательства достигаютъ, вопреки ожиданію, цифры 1200. На какую, спрашивается, сумму имѣетъ право кредиторъ? Согласно съ изложеннымъ, мы скажемъ: если по прусскому или французскому праву кредиторъ ограниченъ требованіемъ въ размѣрѣ неустойки, т. е. тысячи, то по римскому праву онъ не обязанъ довольствоваться этой цифрою. Онъ можетъ, игнорируя условіе о неустойкѣ, возбудить искъ о возмѣщеніи вреда и требовать 1200 на *этомъ* основаніи; онъ можетъ, далѣе, буде сначала обратился къ неустойкѣ и успѣлъ получить условленную тысячу, а затѣмъ только убѣдился, что она не покрываетъ его убытковъ, — довыискать еще 200 путемъ предъявленія дополнительнаго иска въ размѣрѣ разности между суммою убытковъ и уплаченной пеней. Словомъ, онъ можетъ добиваться и добыется 1200, этого, повторяю, ординарнаго максимума. (Но о томъ, чтобы вѣрителю могло быть присуждено 1000 + 1200 = 2200, какъ то происходитъ повседневно у насъ, въ нашей русской практикѣ, — въ римскомъ правѣ, понятно, не можетъ быть и рѣчи: отношеніе здѣсь чисто альтернативное *quo ad quantitates concurrentes*; вѣритель вознаграждается одинъ разъ, а не дважды).

Которая изъ двухъ системъ (единственно возможныхъ съ точки зрѣнія правоваго чувства современнаго человѣка) заслуживаетъ предпочтенія? римская-ли или прусско-французская? Думаю, что римская. И вотъ по-

чему. За нее говорятъ, во-первыхъ, *логическія* соображенія. Неустойка призвана обезпечить вѣрителя, а не ограничивать его въ дѣлѣ осуществленія своихъ притязаній. Выговаривая себѣ дополнительнымъ, придаточнымъ порядкомъ нѣкоторую пеню, вѣритель, очевидно, не хочетъ и не думаетъ отказываться отъ правъ, принадлежащихъ ему помимо того, уже на основаніи главнаго обязательства, заключеннаго съ тѣмъ же должникомъ. Онъ, вѣритель, очевидно желаетъ улучшить свое положеніе и не допускаетъ и мысли объ его ухудшеніи. Между тѣмъ по прусскому праву неустойчивое условіе въ состояніи, какъ мы видѣли, лишить его весьма интереснаго для него иска, естественно притомъ вытекающаго изъ основнаго договора. Неустойка, такимъ образомъ, оказывается способной вредить кредитору, какого-вотъ отрицательнаго для него значенія она, казалось бы, имѣть не должна, не можетъ. — Противъ прусско-французской системы говорятъ, далѣе, и соображенія *справедливости*. И съ этой стороны система даетъ, по вѣрному замѣчанію прусскихъ же юристовъ, результатъ неудовлетворительный, въ особенности во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда при самомъ опредѣленіи неустойки еще нельзя или, по меньшей мѣрѣ, трудно составить себѣ хотя приблизительно точное представленіе о высотѣ будущаго интереса, когда размѣръ вреда можетъ выясниться лишь впослѣдствіи, въ зависимости отъ будущихъ, неизвѣстныхъ пока обстоятельствъ. — Наконецъ и моменты цивильно-политическаго характера точно также должны склонить чашку вѣсовъ въ пользу регулированія вопроса по образцу римскому. Прусская норма, обличающая въ извѣстномъ смыслѣ неустойку съ отсутственнымъ, опасна въ томъ отношеніи, что создаетъ для должника соблазнъ не выполнить принятаго имъ на себя обязательства. Гдѣ вслѣдствіе какихъ-либо, нерѣдко случайныхъ, обстоятельствъ и причинъ, отразившихся на рынкѣ, цѣны и условія труда, добыванія матеріала и т. п. измѣнились, тамъ легко можетъ случиться, что для должника будетъ выгоднѣе уплатить пеню (по времени установленія даже правильно исчисленную и достаточно высокую), чѣмъ надлежащимъ образомъ исполнить требуемое дѣйствіе. Должникъ, естественно, подвергнется, а неразъ и поддастся искушенію, цѣною уплаты неустойки, *преднамеренно* нарушить свое обязательство и договоръ. Этика оборота, юридической императивъ: *pacta sunt servanda* не могутъ, очевидно, извлечь для себя пользу изъ прусской нормировки вопроса.

Остается порадоваться тому факту, что новѣйшіе гражданскіе кодексы — швейцарскій союзный законъ объ обязательствахъ 1881 года и германское гражданское уложеніе — въ интересующемъ насъ здѣсь отношеніи стали на почву римскаго права, и двойнѣ порадоваться тому, что ихъ благому примѣру послѣдовали и проектъ нашего русскаго уложенія. ¹⁾ Наши редакторы — констатируютъ это съ особеннымъ удовольствіемъ — не увлеклись плохо обоснованными нападками на римское право вообще, а въ ученіи о неустойкѣ въ ча-

¹⁾ ALR: I, 5 §§ 292, 293; ср. Code art. 1228, 1152; a. b. G. B. § 1136. См. мое назв. соч. §§ 15 сл., а къ послѣдующему §§ 5 сл. и II. 41 sq. Д. 17,2 и 28 Д. 19,1.

¹⁾ Что наше остзейское законодательство (Св. мѣстн. узак. Прибалт. губ. ч. III ст. 3369—3378) и въ главѣ о неустойкѣ лишь кодифицируетъ пан-дектное, т. е. современное римское, право, поясненія не требуютъ.

стности и не отказались от нормъ, высокая пригодность которыхъ всего лучше доказывается въковымъ историческимъ опытомъ. Какъ мало заслуживали вниманія нареканія противниковъ разсматриваемаго нами римскаго ученія, видно уже изъ того обстоятельства, что сильнѣйшій изъ нихъ, извѣстный (между прочимъ, и своими крайними германистическими тенденціями) Оттонъ Гирке не находилъ никакихъ иныхъ доводовъ, кромѣ указанія на „безмѣрные притязанія“, будто бы порождаемыя нормами римскихъ корифеевъ.¹⁾ Если, очевидно думалъ онъ, неустойка связываетъ должника, то справедливость требуетъ того же по адресу вѣрителя: пусть и онъ не вправѣ будетъ перешагнуть за опредѣленную ею границу. Но при этомъ упускалось изъ виду, что, прекрасный самъ по себѣ, принципъ равенства контрагентовъ никакого рѣшительно отношенія къ нашему вопросу не имѣетъ; что договоръ о неустойкѣ по своему смыслу безконечно далекъ отъ какого-нибудь *contractus aleatorius*, котораго, соответственно, онъ не долженъ напоминать и по своей нормировкѣ; что, наконецъ, при наличности неустойчнаго обезпеченія, предъ нами, собственно говоря, *два* обязательства — одно изъ главнаго, скажемъ, договора, а другое изъ договора побочнаго, — принимаемая на себя должникомъ, *два* права требованія, которыя выговариваетъ себѣ вѣритель и которыми онъ, разумѣется, вправѣ воспользоваться въ полной мѣрѣ, при соблюденіи одного только вопльв естественнаго условія — не предъ-являть повторныхъ требованій.

Уловивъ себѣ римскую точку зрѣнія, нашъ проектъ, такимъ образомъ, въ договорной неустойкѣ видитъ *in dubio* „заранѣе произведенную въ пользу вѣрителя оцѣнку его интереса“ (Виндшейдъ), чѣмъ въ значительной степени предрѣшается все остальное изъ области нашего института. Можно бы, пожалуй, еще только спросить: но развѣ такая „оцѣночная“ неустойка еще способна удовлетворять своему назначенію, служить дѣлу усиленія или укрѣпленія обязательства? — Несомнѣнно, отвѣчу я. Наша неустойка устраняетъ неопредѣленность взысканія, вытекающую изъ необходимости нечислять *ex post facto* цифру интереса. Она, съ одной стороны, слагаетъ съ вѣрителя трудную обязанность доказывать существованіе и размѣръ понесеннаго ущерба, а, съ другой, лишаетъ должника права доказывать отсутствіе этого вреда или наличность его въ меньшемъ противъ условленной пени размѣрѣ. Оцѣночная неустойка, затѣмъ, можетъ дать и въ дѣйствительности весьма часто извѣстный (нерѣдко очень почтенный) плюсъ, нѣкоторое имущественное обогащеніе въ видѣ разности между суммами неустойки и дѣйствительно причиненнаго вреда. Все это, безъ сомнѣнія, въ такой же мѣрѣ выгоды для вѣрителя, какъ и невыгоды для его противника, — невыгоды, которыя, весьма естественно, создадутъ для должника серьезный психологическій стимулъ исполнить свой долгъ и, при нормальномъ ходѣ вещей, окажутся совершенно достаточными, для того чтобы сломить его неправомѣрную волю, заставить его побориться и тѣмъ самымъ осуществить цѣль, преслѣдуемую неустойкой, —

укрѣпленіе обязательства, обезпеченіе его выполнения. — А все-таки, могутъ возразить, кумуляція дѣйствительнѣе: она является еще болѣе страшнымъ для должника Дамокловымъ мечомъ и вслѣдствіе того еще лучше въ состояніи „укрѣпить“ обязательство. — Безспорно, замѣчу я. Но что изъ этого слѣдуетъ? Никто не станетъ отрицать, что если бы неисправнаго должника подвергнуть, положимъ, какому-нибудь штрафу вдесятеро противъ цѣны договора, то угроза оказалась бы еще сильнѣе. Равнымъ образомъ, въ то доброе старое время, когда извѣстнаго рода неустойчныя условія сопровождались, при нарушеніи обязательства, лишеніемъ свободы или позорящимъ наказаніемъ¹⁾, обезпеченіе вѣрителя, нельзя не согласиться, было еще полнѣе. Но, вѣдь, никто, конечно, не станетъ дѣлать отсюда логически мыслимыхъ выводовъ — въ извѣстномъ, по крайней мѣрѣ, практическомъ направленіи....

Итакъ, руководящая точка зрѣнія нашего Проекта на неустойку вѣрна; онъ здѣсь стоитъ на безусловно правильной почвѣ, которую покинуть не долженъ. Это необходимо подчеркнуть возможно настойчивѣе.

Обратимся теперь къ разбору отдѣльных статей, посвященныхъ нашему институту. Здѣсь, главнымъ образомъ въ частностяхъ, Проектъ не всегда, къ сожалѣнію, на достодолжной высотѣ: инья его опредѣленія оставляютъ желать много лучшаго. Отчасти это произошло оттого, что онъ уже слишкомъ близко держался своего образца — германскаго гражданскаго уложенія, постановленія котораго имъ подчасъ переписываются слѣпо и почти дословно. Въ особенности же неудовлетворительна техническая, редакціонная сторона дѣла,²⁾ къ которой относятся совершенно явные и безспорные недочеты.

Неустойкѣ редакторы посвятили ст. 57 и слѣдующія по 64-ую включительно.

Изъ нихъ первая, 57-ая, говоритъ:

„Денежная сумма, которую одна изъ договаривающихся сторонъ обязывается уплатить другой въ случаѣ неисполненія или ненадлежащаго исполненія принятаго на себя обязательства, признается неустойкою.

Въ этой статьѣ, на мой взглядъ, прежде всего такой недостатокъ. Къ чему опредѣлять неустойку, какъ *денежную сумму*? О правильности и цѣлесообразности такого ограниченія можно бы, пожалуй, еще спорить, если бы редакторы въ дѣйствительности, кромѣ неустойки, состоящей непременно въ деньгахъ, никакой другой не признавали³⁾ или, по меньшей мѣрѣ, на эту другую не желали распространять тѣ правила, которыя идутъ за ст. 57. Но ничего подобнаго редакторы не думаютъ и не хотятъ. Послѣдняя изъ указанныхъ статей, 64-ая, гласитъ:

¹⁾ См. напр., Kohler, *Schakespeare vor dem Forum der Jurisprudenz I. Der Kaufmann vor Venedig*, стр. 55 слл. Воспоминаніемъ о подобномъ, отдаленномъ порядкѣ вещей объяняется, между прочимъ, еще ст. 3370 св. гражд. узак. губ. Прибалт. (ср. ALR: I, 5 § 297).

²⁾ На это обращено вниманіе уже Г. Ф. Шершеневичемъ: „Право“ № 45 за 1899 годъ стр. 2173.

³⁾ Подобный взглядъ — неправильный, впрочемъ, даже для оборота древняго Рима — проводится въ литературѣ небезизвѣстными писателями, какъ, напр., Heimbach, омъ, Maunz, омъ и друг.

¹⁾ См. его громкую критику перваго Entwurf'a (Jahrb. Schmoller'a XIII стр. 215).

„Правила ст. 57—63 имѣютъ соответственное при-
мѣненіе и въ томъ случаѣ, когда по договору условлено
въ видѣ неустойки, доставленіе какихъ либо вещей или
исполненіе какой либо работы“.

Такимъ образомъ, Проектъ понимаетъ неустойку
сравнительно широко, подводя подъ ея объектъ не только
вещи, но даже и работу. Зачѣмъ же, спрашивается, при
такихъ условіяхъ, вводитъ ограниченіе, которое, повторяю,
затѣмъ устраняется? Единственный результатъ такого
отношенія тотъ, что, вмѣсто одной статьи, ихъ получается
двѣ,—результатъ едва-ли, однако, особенно цѣнный,
если даже и забыть на минуту, что наша «Книга пя-
тая» уже (помимо имѣющихся привзойти нормъ о век-
селѣ) обнимаетъ цѣлыхъ 1106 статей!

Мы едва ли ошибемся, предположивъ, что въ дан-
номъ случаѣ плохую услугу оказалъ не кто иной какъ
германскій законодатель. Дѣйствительно: въ BGB. пер-
вый по мѣсту параграфъ, регулирующий неустойку
(§ 339), говоритъ о „Zahlung einer Geldsumme
als Strafe“, а одинъ изъ дальнѣйшихъ (§ 342) пе-
реноситъ установленныя для денежной неустойки поло-
женія и на неустойку съ другимъ, кромѣ денегъ, пред-
метомъ. Но дѣло въ томъ, что это перенесеніе проис-
ходитъ не цѣликомъ, а съ извѣстнымъ ограниченіемъ:
въ послѣднемъ случаѣ требованіе вѣрителемъ неустой-
ки исключаетъ притязаніе на возмѣщеніе ущерба;
другими словами, при неденежной пенѣ кредиторъ ли-
шается своего обычнаго правомочія взыскивать допол-
нительнымъ порядкомъ разницу между причиненнымъ
ущербомъ и неустойкою, тотъ плюсъ, который заклю-
чается въ не предъявленномъ требованіи. Отмѣтимъ:
какъ бы по существу ни относиться къ данному ново-
введенію германскаго кодекса ¹⁾, нельзя не согласиться
съ тѣмъ, что наличность въ немъ, при упомянутой по-
становкѣ вопроса, двухъ статей, вмѣсто одной, вполне
понятна. Но совсѣмъ другое дѣло у насъ. Наши редак-
торы ограниченія, заключающагося въ BGB. § 342,
не замѣтили, а потому для нихъ исчезало всякое
основаніе создавать отдѣльно статью 57 и отдѣльно
же ст. 64. То обстоятельство, что денежная неустойка
случай нормальный, встрѣчающійся изъ ста случаевъ
въ 99-ти, объясненіемъ служить не можетъ и не оправ-
дываетъ недостаточно сознательнаго отношенія къ опре-
дѣленіямъ прототипа, т. е. германскаго уложенія.

Слѣду однако сдѣлать оговорку. Простое измѣне-
ніе выраженія, употребленнаго въ ст. 57, на болѣе ши-
рокое, которое охватывало бы и предметы, указанные
въ ст. 64, въ родѣ, напримѣръ, термина „имуществен-
ная невыгода“ (ср. Св. остзейск. ст. 3369),—было бы
нецѣлесообразно въ виду одного обстоятельства. Тогда
могло бы возникнуть сомнѣніе, не слѣдуетъ ли подъ
неустойкой разумѣть т. наз. *lex commissoria* и дру-
гія тому подобныя условія, направленныя на *разруше-
ніе* обязательства („*Verwirkungsverträge*“ или
„*cassatorische Clauseln*“, по терминологіи романи-
ста Вендта) и въ дѣйствительности не подходящія подъ
понятіе договорной пени въ настоящемъ и психиче-

¹⁾ Нѣкоторыя соображенія на этотъ счетъ вы-
сказаны мною въ назв. соч. стр. 231.

скомъ смыслѣ слова ¹⁾—А потому я предлагаю слѣ-
дующую редакцію ст. 57:

„Договоромъ о неустойкѣ признается такой прида-
точный договоръ, которымъ одна сторона обязуется
что либо дать или сдѣлать на случай неисполненія или
ненадлежащаго исполненія принятаго на себя обяза-
тельства“.

Думается, что формулировка: „что-либо дать или
сдѣлать“, удовлетворяя цѣли (соединенія ст. 57 и 64),
не создаетъ въ то же время повода къ какимъ нибудь
новымъ затрудненіямъ. Она въ требуемой мѣрѣ точна
и болѣе или менѣе соответствуетъ ст. 1226 Наполео-
нова кодекса (ср. также *Badisches Landrecht Satz*
1226). Это во-первыхъ. Но предлагаемая редакція за-
служиваетъ, во-вторыхъ, предпочтенія предъ ст. 57
проекта еще и потому, что она содержитъ извѣстную
квалификацію неустойчаго договора, который въ ней
названъ *придаточнымъ* ²⁾.

М. Пергаментъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мірскіе передѣлы.

Крестьянская община, приобретаемая—ранѣе,
по уставнымъ грамотамъ, въ постоянное поль-
зованіе, а нынѣ, по владѣннымъ записямъ и
выкупнымъ договорамъ, себѣ всѣмъ обремененъ—
весь земельный надѣлъ, имѣетъ право раз-
вертки, по своему усмотрѣнію, этой земли для
пользованія между своими членами (ст. 160
положен. о выкупѣ; ст. 100 мѣстн. полож.
Великорос.). При этомъ община, смотря по
своимъ свойствамъ, качествамъ и природѣ надѣльной
земли, часть ея оставляетъ обыкновенно на
общее пользованіе всѣмъ членамъ своимъ не-
раздѣльно (наприм., выгоны, лѣса, рѣки, озера
и т. п.), другую часть надѣла (землю полевую,
напр.), распределяетъ между общинниками, въ
извѣстныхъ доляхъ, для обработки и извлече-
нія дохода послѣдними, и, наконецъ, изъ на-
дѣльной же земли она выдѣляетъ извѣстные
участки для наследственнаго пользованія сво-
имъ членамъ (усадебныя земли частнаго поль-
зованія).

Причитающееся каждой семьѣ домохозяина
пространство полевой земли отводится въ раз-
ныхъ мѣстахъ. Невозможность приурочить

¹⁾ См. Дернбургъ *Pand. II* стр. 130 и его же *Das
bürgerliche Recht des Deutschen Reichs II*, 1 стр.
220 сл.

²⁾ Въ своей рецензіи на мою „Договорную не-
устойку“ (Ж. М. Ю. сентябрь 1899, стр. 153) Е. В.
Васьковскій, по поводу этой проектированной уже
мною статьи, замѣчаетъ: она излишня, ибо „давать
догматическія опредѣленія дѣло не законодатель-
ства, а науки“. Съ послѣднимъ я согласенъ, но
мой уважаемый критикъ, въ свою очередь, въ виду
сказаннаго и нижеслѣдующаго, согласится, думаю,
что проектированная норма стремится дать нѣчто
иное и большее, чѣмъ простое опредѣленіе.

участки отдѣльныхъ семействъ къ однимъ мѣстамъ обусловливается прежде всего трехпольной системой хозяйства и общею пастьбою скота на жнивья и на пару, вызывающими необходимость раздѣленія всей пахотной земли общины на три клена—озимое поле, яровое поле и паръ. Каждый изъ этихъ трехъ кленьевъ дѣлится въ свою очередь на нѣсколько коновъ (ярусовъ, столбовъ, загоновъ), и въ каждомъ изъ нихъ отдѣльный дворъ (семья) получаетъ по одной полосѣ, ширина которой соответствуетъ числу душъ даннаго двора.

Единицу, на которую дѣлится конь, составляетъ *душевая полоса* или *душевой участокъ*, т. е. тотъ, который получается отъ дѣленія кона на число душъ (ревизскихъ душъ, наличныхъ душъ, работниковъ въ семьѣ, словомъ, смотря по принятому въ общинѣ способу развертки земли). Душевыя полосы, приходящіяся на каждый дворъ, слагаются при этомъ вмѣстѣ и образуютъ одну болѣе широкую половину.

Основаніемъ къ дѣленію поля на коня служить какъ различіе въ свойствахъ почвы, такъ и сравнительная отдаленность отъ усадебъ, имѣющая особенное значеніе при вывозѣ удобренія на поля.

Болѣе обширныя селенія не ограничиваются дѣленіемъ на коня, а прибѣгаютъ къ другому подраздѣленію, при которомъ вся община дробится на нѣсколько группъ домохозяевъ, равныхъ по числу. Каждая такая группа, члены которой относительно другъ друга называются *шабрами*, кидаетъ жребій заодно и затѣмъ уже распредѣляетъ между шабрами ту часть кона, которая на ея долю припала. Эта часть получаетъ названіе жребія (также осьмака, доли, четвертухи, пятахи и т. д., смотря по мѣстности).

Земля, отводимая такимъ образомъ общиной въ пользованіе отдѣльнымъ семьямъ домохозяевъ, не безусловно остается за ними, но можетъ и должна иной разъ мѣняться по мѣсту и объему. При общинномъ землевладѣніи каждый домохозяинъ, какъ представитель отдѣльной семьи, имѣетъ право на пользованіе извѣстнымъ участкомъ общинной земли. Отсюда ясно, что самое количество субъектовъ, обладающихъ такимъ правомъ, можетъ увеличиваться и уменьшаться; возможно какъ принятіе въ общину новыхъ домохозяевъ, такъ и выходъ послѣднихъ и приписка ихъ къ другимъ обществамъ. Еще болѣе крупныя измѣненія въ наличномъ составѣ и хозяйствѣ общины происходятъ вслѣдствіе смерти и рожденія, раздѣловъ, отказа нѣкоторыхъ лицъ отъ надѣловъ и т. п. Отсюда, въ интересахъ возможнаго уравниенія земельныхъ тяготъ, равно какъ и доходовъ съ земли, неизбѣжны періодическіе передѣлы вновь земли общины на участки между наличнымъ числомъ семействъ общинниковъ-домохозяевъ.

Такіе передѣлы бываютъ трехъ родовъ:

а) общіе, б) частныя, называемыя въ положеніяхъ скидкой и накидкой тяголь, и в) мѣна полосами между ихъ владѣльцами (пережеребевка).

При *общихъ передѣлахъ* какъ это видно уже изъ самаго названія, происходитъ новое распредѣленіе всей мірской земли между семьями однообщинниковъ. Общимъ передѣломъ, благодаря этому, измѣняется число, равно какъ самый размѣръ и форма полосъ, на которыя дѣлятся коня. При этомъ измѣняется самый размѣръ надѣла на каждую семью.

Пережеребевками измѣняется только мѣсто надѣла мірской земли на семью. При этомъ мѣняются владѣльцы участковъ, самый же размѣръ послѣднихъ остается прежнимъ.

Нѣкоторые писатели относятъ къ случаямъ пережеребевки измѣненіе площади общинной земли вслѣдствіе отчужденія части ея, напр., подъ желѣзную дорогу или вслѣдствіе покупки всею общиной земельного надѣла, хотя бы изъ казенныхъ земель, по закону 1897 года. Въ такихъ случаяхъ размѣръ владѣнія каждаго двора пропорціонально уменьшается или увеличивается (сравн. первоначальный проектъ статей о кр. землевладѣніи Спб. 1898 г. стр. 40). Мнѣ кажется такой взглядъ неправильнымъ. Отличительнымъ свойствомъ пережеребевки является измѣненіе личности владѣльцевъ надѣловъ, при чемъ самыя надѣлы, величина ихъ, остаются прежними; здѣсь же, напротивъ, измѣняется именно величина надѣла на семью, тогда какъ владѣльцы остаются прежними. Поэтому случаи такого рода было бы правильнѣе отнести къ общимъ передѣламъ земли, а не къ пережеребевкамъ.

Частными передѣлами измѣняется число и составъ полосъ надѣла только между нѣкоторыми семьями; именно, изъ надѣла семействъ, въ которыхъ уменьшился личный составъ или которыя оказались не въ силахъ платить соотвѣтственные размѣры земельного участка повинности, отнимается (скидывается) извѣстное число душевыхъ полосъ въ каждомъ конѣ и прирѣзывается (накидывается) на семьи, личный составъ которыхъ или ихъ платежная способность увеличились. Такіе частныя передѣлы наступаютъ равнымъ образомъ въ случаяхъ, когда земельные надѣлы мірской земли окажутся свободными послѣ выхода семьи изъ общины или при выморочности послѣднихъ.

Цѣль установленія частныхъ передѣловъ понятна; они являются лучшимъ средствомъ на время устранить необходимость общаго передѣла, что достигается здѣсь посредствомъ раскладки вакантной земли между наиболѣе нуждающимися въ ней семьями. Но въ томъ же заключается и дурная сторона частныхъ передѣловъ, ибо при посредствѣ ихъ дается сходу возможность произвольно и неосновательно отбирать надѣлы у отдѣльныхъ семей. Возможность этого послѣдняго нестроенія озабо-

чивала Сенать, который въ цѣломъ рядѣ своихъ указовъ пытался поставить на болѣе точно регулированныхъ началахъ вопросъ о скидкѣ и накидкѣ тяголь (наприм., рѣш. 2 департ. Сен. 1885 г. № 5532; 1884 г. № 171; 1-го общаго собранія сен. 1889 г. № 123 и др.). Окончательное разрѣшеніе вопросъ о частныхъ передѣлахъ получилъ однако лишь съ изданія закона 8 іюня 1893 года (собран. узакон. 1893 г. ст. 239). Говоря вообще, закономъ этимъ были точно и подробно опредѣлены порядокъ и условія производства передѣловъ и поставлены подъ контроль земскихъ начальниковъ и утвержденіе уѣздныхъ сѣздовъ. Кромѣ того, имъ назначенъ наименьшій (12 лѣтъ) срокъ, не ранѣе котораго могутъ быть производимы новые общіе передѣлы, причемъ право сельскихъ сходовъ на отобраніе общинной земли у отдѣльныхъ домохозяевъ въ промежутокъ времени между общими передѣлами (скидка, накидка тяголь, частные передѣлы) ограничено немногими, перечисленными въ законѣ случаями (они суть: 1) смерть домохозяина, увольненіе его изъ общества, ссылка по суду или общественному приговору, безвѣстная отлучка или оставленіе хозяйства безъ понеченія, если при этомъ въ общинѣ не осталось членовъ того же семейства, за которыми участокъ можетъ быть оставленъ; 2) отказъ самого хозяина отъ пользованія землею; 3) неисправность его въ платежѣ повинностей). Наконецъ, хозяевамъ, качественно улучшившимъ свои участки, обезпечено право на удержаніе за собою этихъ участковъ и при передѣлѣ, или же на полученіе соответствующаго вознагражденія за понесенныя при меліорациі издержки.

По поводу означеннаго закона замѣчу слѣдующее:

Сенать неоднократно указывала на то, что община не имѣетъ права обезземеливать крестьянъ полнымъ лишеніемъ земельныхъ надѣловъ кого либо изъ домохозяевъ (рѣшен. 2 департ. сен. 1884 г. № 171; 1885 г. № 5532 и др.) и отбирать надѣлы, слѣдующіе малолѣтнимъ сиротамъ (ст. 51 п. 4 общ. положен. о кр., по продолжен. 1890 г.) Это—обязанность общины. Съ другой стороны, желательно было бы установить аналогичную обязанность и для общинниковъ, въ томъ смыслѣ, чтобы и домохозяинъ самъ не обезземеливалъ себя отказомъ отъ пользованія землею, чтобы онъ не обременялъ напрасно общину излишнею землею и платежами за нее. Поэтому слѣдовало бы въ самомъ законѣ указать, что отказъ домохозяина отъ земли долженъ быть *временнымъ*, наприм., вслѣдствіе продолжительной отлучки, на годъ и болѣе, лишенія работниковъ въ семьѣ и т. п., такъ чтобы домохозяинъ или другіе члены его семейства, при измѣнившихся обстоятельствахъ, могли снова получать изъ общества участокъ земли въ частное пользованіе (рѣшен. 2 департ. Сен. 1885 г. № 3900). Точно также

необходимо добавленіе къ закону въ томъ смыслѣ, что отобраніе земельного участка отъ неисправнаго плательщика должно быть тоже временнымъ, до погашенія недоимки (рѣшен. 2 департ. Сен. 1889 г. 1049). Въ силу этихъ правилъ, въ каждомъ приговорѣ общиннаго схода объ общемъ передѣлѣ земли сначала должно быть сдѣлано распределеніе участковъ на всѣ семьи безъ исключеній, а потомъ уже опредѣлено, отъ какихъ семей отбираются участки и почему, и въ пользованіе какимъ другимъ семьямъ передаются они, въ полномъ составѣ или по частямъ, въ качествѣ дополнительнаго надѣла, или же обращаются въ оброчныя статьи. Цѣль установленія подобнаго порядка распределенія участковъ та, чтобы въ послѣдствіи, по истеченіи извѣстнаго срока или по желанію самихъ домохозяевъ, неполучившихъ надѣла, заняться снова хозяйствомъ,—можно было по тому же приговору знать, отъ кого и какіе участки слѣдуетъ возвратить въ надѣлъ этимъ домохозяевамъ, безъ нанесенія ущерба ихъ однообщинникамъ. При такомъ порядкѣ все не потребуетъ дѣлать особыя передѣлы, чтобы найти участки явившимся членамъ при требованіи ими выдѣла въ частное себѣ пользованіе надлежащаго количества земли.

Кромѣ сказаннаго, желательно было бы законодательнымъ порядкомъ выяснитъ значеніе домохозяина лишь какъ представителя своей семьи во внѣшнихъ сношеніяхъ, а не какъ самостоятельнаго субъекта вещныхъ правъ и распорядителя надѣльнымъ участкомъ земли. Поэтому и самый отказъ его лично за себя, а не за семью, отъ пользованія надѣломъ не долженъ еще влечь за собою и для его семьи утрату пользованія этимъ участкомъ. Прекращеніе и для семьи пользованія послѣднимъ должно наступать въ томъ лишь случаѣ, когда домохозяинъ отказался, какъ представитель, выражая общую волю, согласіе на то всѣхъ членовъ своей семьи.

Какъ показала уже прежняя практика, въ крестьянскихъ общинахъ передѣлу въ томъ смыслѣ, какъ понимается его законъ 8 іюня 1893 года, подлежала ранѣе, да по всей вѣроятности, и теперѣ будетъ подлежать только земля полевого надѣла и усадебныя земли, не принадлежащія къ наслѣдственнымъ участкамъ (ст. 112 мѣстн. полож. Великорос.). Выгоны и водопой остаются въ общемъ пользованіи. Луга, или вѣрнѣе, покосъ съ нихъ, дѣлятся обыкновенно ежегодно, такъ какъ количество и качество сѣна съ нихъ каждый годъ различно. Усадьбы, состоящія въ наслѣдственномъ пользованіи семей домохозяевъ, въ общій раздѣлъ не поступаютъ, подвергаясь дробленію почти исключительно лишь при семейныхъ раздѣлахъ. Но и въ послѣднемъ случаѣ для дробленія установленъ закономъ извѣстный *minimum* (10 сажень по улицѣ), далѣе котораго дробить усадьбы не дозволяется. Для прибы-

лыхъ душъ и при передѣлахъ, если усадьбы уже дошли до означеннаго minimum'a, почти вездѣ оставляются запасные участки или отводятся новые усадебные участки изъ полевой общинной земли.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ дѣйствующихъ крестьянскихъ положеніяхъ не выяснено въ достаточной степени, что именно слѣдуетъ считать общимъ передѣломъ земли, въ отличіе отъ частнаго передѣла. Во многихъ мѣстахъ крестьяне, а нерѣдко и администрація считаютъ общимъ передѣломъ лишь такой, при которомъ вводятся новыя основанія распределенія полевого надѣла между общинниками, на примѣръ, передѣлъ на наличныя души, вмѣсто ревизскихъ; ежегодная же перерѣзка полевыхъ участковъ и распределеніе ихъ между домохозяевами по жребію считается передѣломъ частнымъ.

Необходимо опредѣлить въ законодательномъ порядкѣ, что именно должно разумѣть подъ общимъ передѣломъ, а равно указать, что съ момента его установленія участки полевой земли должны быть предоставлены въ пользованіе тѣмъ именно семьямъ домохозяевъ, которымъ они были отведены при передѣлѣ. Частными же передѣлами, которые могутъ имѣть мѣсто и въ промежуткахъ между передѣлами общими, т. е. безъ установленія какого-либо разграничительнаго срока (какимъ являются по закону 12 лѣтъ при общемъ передѣлѣ), должны считаться только такіе, при которыхъ происходитъ передача извѣстнаго участка земли отъ одного домохозяина другому, или отобраніе такого участка въ пользу общины въ случаяхъ, указанныхъ въ законѣ (см. выше), на примѣръ, при безуспѣшности другихъ мѣръ взысканія недоимокъ, при уступкѣ надѣла, съ согласія общины, въ случаѣ безпомощной смерти домохозяина и т. п.

Община, разверстывая землю при передѣлахъ ея между семьями своихъ домохозяевъ, руководствуется разными къ тому основаніями сообразно съ мѣстными условіями, а часто и вкоренившимися уже обычаями: одни принимаютъ за основаніе разверстки земли души наличныя или ревизскія, другіе—рабочую силу. Тамъ, гдѣ надѣльная земля не приноситъ выгоды крестьянину, и ему приходится для удовлетворенія своихъ потребностей обращаться, къ постороннимъ, помимо земли, источникамъ дохода, какъ то: отхожимъ промысламъ, ремесламъ, работѣ на фабрикахъ,—тамъ на землю крестьяне смотрятъ часто, какъ на бремя—на обязательную денежную повинность, и потому распределяютъ ее по рабочей силѣ, способной къ отправленію этой повинности. Гдѣ, напротивъ, земля, представляя выгоды, служитъ источникомъ для удовлетворенія жизненныхъ потребностей, тамъ общинники стремятся получить больше и преслѣдуя это, всегда дѣлаютъ разверстку по наличнымъ душамъ.

Предусмотрѣть въ законѣ всѣ мѣстныя условія невозможно, почему и нельзя законодѣрнымъ порядкомъ установить основанія для общихъ передѣловъ полевой земли. Здѣсь все должно быть предоставлено волѣ и усмотрѣнію самихъ общинъ.

С. П. Никонковъ.

V Съѣздъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ.

12 мая въ Москвѣ открылся V съѣздъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ. Всѣхъ членовъ съѣзда прибыло 53. Почти всѣ общества, преслѣдующія цѣли исправленія малолѣтнихъ преступниковъ, а также и отдѣльные пріюты прислали своихъ представителей, а именно: варшавское, виленское, владимірское, воронежское, елецкое, екатеринославское, казанское, калужское, кубанское, костромское, курское, нижегородское, одесское, петербургское, рязанское, смоленское, симферопольское, тамбовское, тверское, черниговское, эстляндское и ярославское общества; Большевскій пріютъ для дѣвчонокъ, вятскій, Галкинской и Рукавишниковскій пріюты, московскій дамскій благотворительно-тюремный комитетъ. По открытіи съѣздъ единодушно постановилъ: повергнуть къ стопамъ Его Величества Государя Императора выраженіе безпредѣльной, благодарной преданности и готовности вложить всю душу, всѣ силы въ дѣло, столь милостиво принятое подъ Свое Высочайшее Покровительство Его Величествомъ. По предложенію К. В. Рукавишникова, собраніе единогласно постановило отправить привѣтственную телеграмму Августѣйшему Покровителю съѣзда Великому князю Сергѣю Александровичу. Затѣмъ приступлено было къ выбору предсѣдателя. По предложенію проф. В. В. Микляшевскаго, предсѣдателемъ былъ избранъ единогласно К. В. Рукавишниковъ, предсѣдательствовавшій на всѣхъ четырехъ предыдущихъ съѣздахъ. Товарищемъ предсѣдателя былъ избранъ В. В. Микляшевскій.

Въ первомъ очередномъ собраніи съѣзда были выслушаны сообщенія о ходѣ дѣла въ исправительныхъ заведеніяхъ, причемъ эти сообщенія не обсуждались, а только, такъ сказать, принимались къ свѣдѣнію. Нѣкоторыя сообщенія вызвали рядъ вопросовъ, на которые представители охотно давали объясненія. Былъ, между прочимъ, отмѣченъ тотъ фактъ, что у Вятскаго общества 416 членовъ, но половина (204) членовъ юридическія лица, а не физическіе: думы, земства, волости, селенія, церковныя попечительства; послѣднія съ переводомъ архіерея въ другую епархію мало по малу уходятъ изъ общества. Такой составъ членовъ вятскаго общества придаетъ ему, конечно, извѣстную устойчивость.

Затѣмъ, приступлено было къ обсужденію вопросовъ, предложенныхъ съѣзду главнымъ тюремнымъ управленіемъ. Главное тюремное управленіе предложило вопросъ: существуетъ ли достаточное основаніе считать побѣгъ малолѣтняго преступника наказуемымъ по ст. 161 ул. о нак. Съѣздъ, соглашаясь съ постановленіемъ бюро, отвѣтилъ отрицательно. Другой вопросъ о нормѣ дисциплинарныхъ наказаній вызвалъ очень оживленные пренія. По этому вопросу постоянное бюро съѣзда предложило слѣдующія нормы наказаній: 1) темный карцеръ на однѣ сутки; 2) свѣтлый карцеръ не болѣе 7 дней и лишеніе занятій не болѣе одного дня. Оставленіе на хлѣбѣ и водѣ не можетъ продолжаться болѣе сутокъ.

лишение пищи в течение 7 дней не может превышать $\frac{1}{3}$ обычно выдаваемых порций. Представитель главного тюремного управления Д. А. Дриль замечает, что вопрос, предложенный на обсуждении съезда, вызван тем обстоятельством, что некоторые заведующие исправительными приютами часто злоупотребляли своею властью: поили детей чаемъ съ табакомъ, ставили на колѣны, били и т. п. Поэтому главное тюремное управление и предполагается выработать норму, которую никто не могъ бы переступить въ силу закона. Проф. В. В. Микляшевский, напоминая, что наказанія не должны быть педагогическимъ средствомъ въ дѣлѣ исправленія малолѣтнихъ преступниковъ, высказался за установление известнаго предѣла наказанія. В. В. Пржевальскій доказывалъ, что виды наказаній въ родѣ лишения пищи и карцера уже давно осуждены не только наукой, но и практикой. Лишение пищи вредно дѣйствуетъ не только на взрослыхъ людей, но, конечно, и на малолѣтнихъ, разстройство здоровья которыхъ особенно опасно. Что касается темнаго карцера, то всѣмъ известно вредное вліяніе темноты на психику дѣтей. Въ томъ же смыслѣ высказались и представители нѣкоторыхъ обществъ. Проф. И. Т. Тарасовъ высказывался противъ оставленія дѣтей на одномъ хлѣбѣ и водѣ, указывая, что 10 дневное лишеніе пищи въ московской военной тюрьмѣ ведетъ къ гастрическимъ заболѣваніямъ. По мнѣнію представителя эстляндскаго общества В. Я. Фукса, лишеніе горячей пищи даже и не есть наказаніе для большинства питомцевъ приюта, которые происходятъ преимущественно изъ крестьянской среды, гдѣ хлѣбъ и вода составляютъ главный предметъ питанія. Директоръ Рукавишниковскаго приюта А. А. Фидеръ приводилъ мнѣніе проф. Ѳ. Ѳ. Эрисмана, по которому питаніе хлѣбомъ и водою въ течение сутокъ не можетъ вести къ вреднымъ послѣдствіямъ. Съездъ 19-ю голосами противъ 12 принялъ мѣру наказанія въ видѣ оставленія на хлѣбѣ и водѣ въ теченіе сутокъ. Темный карцеръ былъ отвергнутъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Предложеніе представителя курскаго общества М. С. Антипова объ ограниченіи свѣтлаго карцера 3 днями было отклонено большинствомъ 2 голосовъ. Съездъ принялъ максимальный срокъ заключенія въ свѣтломъ карцерѣ 7 дней. По вопросу объ уменьшеніи пищи не болѣе какъ на $\frac{1}{3}$ обычной порціи врачъ И. П. Галабутскій разъяснялъ съѣзду весь вредъ этой мѣры, указывая, что всякому организму, особенно растущему, нужны бѣлокъ, жиры и углеводы. Уменьшить и безъ того скудныхъ приютскія порціи питанія, это все равно, что лишить ребенка $\frac{1}{3}$ крови. В. В. Пржевальскій, соглашаясь съ мнѣніемъ предшествующаго оратора, указалъ, что лишеніе пищи развиваетъ въ дѣтяхъ жадность, зависть и другія несимпатичныя чувства. Съездъ высказался вообще за уменьшеніе пищи, какъ за одну изъ мѣръ наказаній.

По вопросу о преслѣдованіи воспитанниковъ, совершившихъ преступленіе въ стѣнахъ приюта, бюро представило свое заключеніе, что администраціи приюта въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должно быть предоставлено рѣшеніе вопроса—преслѣдовать ли воспитанника въ судебномъ порядкѣ или же ограничиться дисциплинарнымъ наказаніемъ. Представитель московскаго мужскаго благотворительно-тюремнаго комитета А. В. Розенбломъ указывалъ, что въ приютахъ могутъ быть совершаемы очень серьезныя преступленія, за которыя въ законѣ положены строгія наказанія. Право же оградить общество отъ преступниковъ уголовныхъ по закону не принадлежитъ обществамъ, а только суду, дѣло обществъ заботиться не объ интересахъ государственныхъ, а только объ исправленіи преступниковъ. Съездъ постановилъ согласиться съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ бюро.

Д. А. Дриль предложилъ съѣзду высказаться по

вопросу о порядкѣ наказанія мальчика, совершившаго до поступленія въ приютъ или внѣ его преступное дѣяніе, за которое несовершеннолѣтній отъ 10 до 17 л. по дѣйствующему законодательству можетъ быть помѣщенъ въ исправительное заведеніе. По его мнѣнію, желательно, чтобы такой мальчикъ не привлекался бы къ суду, а возвращался бы въ приютъ. По этому вопросу была образована подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя московскаго окружнаго суда Н. В. Давыдова особая коммиссія, которая высказалась за полное устраненіе внимательства въ жизнь приютовъ полицейскихъ, административныхъ и судебныхъ властей. Заключеніе коммиссіи сводилось къ слѣдующему: 1) Дѣла по обвиненію воспитанниковъ въ возрастѣ отъ 10 до 17 л., находящихся въ исправительныхъ приютахъ, не слѣдуетъ возбуждать въ общемъ судебномъ порядкѣ; 2) по каждому такому дѣянію, совершенному воспитанникомъ до поступленія въ приютъ, или хотя и во время пребыванія въ немъ, но внѣ его, во время отпуска, побѣга, немедленно доводится до свѣдѣнія начальства приюта, отъ котораго и зависитъ ограничить ли исправительными мѣрами или возбудить уголовное преслѣдованіе; 3) въ первомъ случаѣ дѣло о воспитанникѣ прекращается безъ вызова его; 4) вопросъ объ исполненіи судебного приговора, коимъ онъ присуждается къ какому, либо наказанію—тюрьмѣ и т. п., о воспитанникѣ, уже находящемся въ исправительномъ заведеніи, разрѣшается начальствомъ заведенія; 5) вызовы воспитанниковъ судебными органами въ качествѣ свидѣтелей по дѣламъ уголовнымъ должны производиться возможно одновременно, полицейскія власти производить опросъ или дознаніе воспитанниковъ въ самомъ заведеніи и непременно въ присутствіи начальства заведенія. Съездъ, принявъ постановленія коммиссіи, поручилъ бюро возбудить соотвѣтствующее ходатайство и войти въ сношеніе съ министрами юстиціи и внутреннихъ дѣлъ объ облегченіи, до разрѣшенія ходатайства, тѣхъ задачъ, которыхъ оно касается.

(Окончаніе слѣдуетъ).

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующій Сенатъ.

Засѣданіе угол. кас. деп. 16 мая.

Дѣло графини Софіи Ниродъ, дворянки Мальвины Малецкой и мѣщанки Амаліи Далбертъ, обвиняемыхъ по 1441 ст. улож. о нак. Толкованіе ст. 611 и 130 у. у. с.

Дѣло это слушалось съ 11 по 17 февраля этого года въ СПб. окр. судѣ съ участіемъ пр. засѣдателя. На предложенный пр. засѣд. первый вопросъ: доказано ли, что 10 октября 1896 г. причту церкви Брат. Покр. храма въ С. Петербургѣ былъ представленъ для совершенія Таинства Св. Крещенія неизвѣстнаго происхожденія ребенокъ мужскаго пола и объявленъ передъ причтомъ за рожденнаго будто бы 1 окт. 1896 г. гр. Софіей Ниродъ въ законномъ ей бракѣ съ гр. Алекс. Алекс. Ниродъ, каковой ребенокъ введеннымъ въ заблужденіе причтомъ былъ окрещенъ и вписанъ въ метрическую книгу, какъ законный сынъ графа Ниродъ, былъ данъ отъ вѣтъ отрицательный, вслѣдствіе чего всѣ подсудимые были признаны оправданными.

На приговоръ этотъ тов. прокурора СПб. окр. суда Камышанскій принесъ кас. протестъ, въ которомъ онъ доказываетъ, что вердиктъ пр. засѣдателя является послѣдствіемъ существенныхъ нарушеній 611 и слѣд. 630, 722, 687 и 801 ст. уст. угол. суд. Главныя соображенія кас. протеста таковы:

1. Нарушение 613 и 614 уст. уг. суд.

По смыслу закона, председатель, руководя суд, следствием, должен стремиться к тому, чтобы пр. заседатели получали каждым исследуемом фактѣ ясное, цѣльное представление. Только при соблюденіи этого условия можно ожидать от присяжныхъ зрѣлаго и правильнаго рѣшенія дѣла. Важность порядка исследования каждаго события особенно значительна въ дѣлахъ сложныхъ, какимъ является дѣло графини Ниродъ, въ которомъ масса свидѣтелей (69) удостоверяла цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ событий и фактовъ, въ которомъ подлежало выслушать и массу письменнаго материала. Для облегченія этой задачи прокурорскій надзоръ приложилъ къ обвинительному акту списокъ свидѣтелей, причемъ порядокъ допроса ихъ былъ предложенъ такой, который соответствовалъ изложенію обвинит. акта и имѣлъ цѣлью раскрыть картину событий въ хронологической послѣдовательности. Когда дѣло было назначено въ октябрь 1899 г. (оно потомъ было отложено), председатель роздалъ сторонамъ составленный имъ списокъ свидѣтелей по иной системѣ. Во время же слѣдствія председатель, безъ вѣдома сторонъ, принявъ новый порядокъ, въ которомъ никакой системы открыть нельзя, исследование велось такимъ образомъ, что события оказались спутанными, неясными.

Далѣе, по собственному почину, председатель прервалъ объясненія гр. Ниродъ и предложилъ ей отдохнуть; послѣ же перерыва председатель не предложилъ обвиняемой продолжать, а перешелъ къ допросу свидѣтелей. На слѣдующій же день обвиняемая отъ дачи показаній отказалась. Такимъ образомъ, председатель лишилъ возможности выяснить нѣкоторые весьма важные факты.

Въ объясненіяхъ суда по замѣчаніямъ на протоколѣ судеб. засѣданія по поводу изложенныхъ пунктовъ кас. протеста имѣется слѣдующее заключеніе: по поводу порядка допроса свидѣтелей — что порядокъ этотъ, за ничтожными исключеніями, вызванными случайными обстоятельствомъ (неявкой нѣкоторыхъ свидѣтелей, появленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ), вполне соответствовалъ системѣ, принятой въ составленномъ председателемъ въ октябрь 1899 г. списокъ; по поводу перерыва объясненій подсудимой гр. Ниродъ судъ удостоверяетъ, что трудно возстановить, въ какихъ именно выраженіяхъ председатель объявилъ этотъ перерывъ и въ какихъ гр. Ниродъ просила о немъ. Протоколъ засѣданія говорить, что подсудимая вѣдѣствие утомленія просила о перерывѣ. Судъ возстановляетъ въ своемъ заключеніи смыслъ общаго положенія въ слѣдующемъ видѣ: подсудимая передъ перерывомъ сбивалась, оставалась, заявляла, что она больна, слаба, что проситъ дать ей собраться съ мыслями. Кромѣ того, стали замѣтны судороги лица, предшествующія по указаніямъ наблюдавшаго за ней врача истеричному припадку, такъ что перерывъ во всякомъ случаѣ былъ необходимъ.

Нарушеніе ст. 630 уст. уг. суд.

Права обвинителя были нарушены цѣлымъ рядомъ дѣйствій и распоряженій председателя, который съ достаточной ясностью, послѣдовательно давалъ понять пр. заседателямъ свой взглядъ на неправильность, съ его точки зрѣнія, постановки дѣла. „Собственное мнѣніе председателя должно было дѣйствовать на пр. заседателей, которые всегда видятъ въ председателѣ судью безстрастнаго и безпристрастнаго. Это нарушеніе обязанностей председателя выразилось прежде всего въ томъ, что онъ не остановилъ своевременно защитника гр. Ниродъ прис. повѣр. де-Плансонъ I и допустилъ прочтеніе послѣднимъ отрывка изъ рѣшенія Сената по дѣлу Палемъ. Хотя, говоритъ протестъ, замѣчаніе о неумѣстности такого чтенія и было сдѣлано председателемъ, но уже послѣ того какъ выписка была прочитана.

По поводу этого пункта изъ протокола и заключенія суда видно, что защитникъ прочелъ отрывокъ изъ рѣшенія по д. Палемъ въ подтвержденіе ходатайства своего о томъ, чтобы председатель не допустилъ обвинителя предлагать б. начальнику сыскной полиціи Шереметевскому, вызванному въ качествѣ свидѣтеля, такіе вопросы, которые совершенно къ данному дѣлу не относятся. Председатель сдѣлалъ замѣчаніе защитнику, что рѣшеніе по д. Палемъ имѣетъ лишь конкретное значеніе и что вопросы о предѣлахъ судебного исследования предоставлены власти председателя, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ ему не прерывать вопросовъ прокурора.

Другіе пункты кас. протеста, въ которыхъ указывается нарушенія ст. 613 и 614 уст. уг. суд. сводятся къ слѣдующему: 1) Председатель предлагалъ каждому свидѣтелю обычный вопросъ „рассказать все, что ему извѣстно по дѣлу“, но при этомъ относительно всѣхъ свидѣтелей прибавлялъ слова „по дѣлу о мнимой беременности графини Ниродъ и рожденіи младенца Сергія“. По системѣ списка свидѣтелей, составленной самимъ же председателемъ, цѣлыя категоріи ихъ вызывались для исследования „денежныхъ дѣлъ“ подсудимой, семейныхъ отношеній, прошлаго подсудимой гр. Ниродъ, характеристики ея. Значитъ, выясненію въ интересахъ истины подлежали не только обстоятельство, указываемыя въ вопросѣ. Но форма этого вопроса, подтверждающая заявленіе защиты о „балластѣ“ въ дѣлѣ, отклоняла присяж. засѣд. отъ внимательнаго отношенія къ показаніямъ такихъ свидѣтелей. Кромѣ того, эта форма вопроса дозволила защитнику заявить въ его рѣчи, что цѣлыя категоріи свидѣтелей были призваны въ судъ, чтобы при ихъ содѣйствіи „опозорить, раздѣть женщину“. И не остановивъ его, председатель, въ явное нарушеніе равноправности сторонъ, дозволилъ ему: 1) дѣлать прозрачныя намеки на преслѣдуемая будто бы прокураторой цѣли, не имѣющія ничего общаго съ цѣлями правосудія 2) отнестись безъ должнаго уваженія къ представителю публичнаго обвиненія, 3) такимъ отношеніемъ председатель вселялъ въ присяжныхъ засѣд. убѣжденіе, что и онъ, руководящій дѣломъ, раздѣляетъ взглядъ защиты, что должно было усилиться еще и тѣмъ, что въ своемъ резюме председатель цитировалъ выдержку изъ рѣшенія по д. Палемъ объ извращеніи судебной перспективы. Въ непосредственной связи съ изложеннымъ протестъ ставить оглашеніе *безъ ходатайства сторонъ* черновика всеподданнѣйшаго прошенія обвиняемой гр. Ниродъ, въ которомъ она просила *суда справедливаго*; этимъ какъ бы подчеркивалось, что тотъ судъ, который творится надъ ней теперь, есть судъ несправедливый. По поводу оскорбленій, допущенныхъ по отношенію къ представителю обвиненія со стороны защиты, судъ удостоверяетъ, что товар. прокурора не просилъ записать въ протоколъ приписываемыхъ имъ защитѣ выражений: что же касается приписываемаго защитѣ вывода, что обвинитель при приглашеніи излишнихъ свидѣтелей имѣлъ цѣлью „опозорить, раздѣть женщину“, то такое обвиненіе несомнѣнно вызвало бы возраженіе тов. прокурора или просьбу о занесеніи въ протоколъ и во всякомъ случаѣ вмѣшательство председателя, если бы такое обвиненіе было высказано. Судъ полагаетъ поэтому, что защитникъ приписываемыхъ ему выводовъ не дѣлалъ и оскорбительныхъ выражений не употреблялъ.

Далѣе, протестъ перечисляетъ и описываетъ нѣкоторыя другія дѣйствія председателя, которые подрывали передъ присяжными зас. нравственный авторитетъ обвинителя. Такъ, дознаніе о дурномъ обращеніи подсудимой гр. Ниродъ съ душевнобольнымъ мужемъ ея начато было начальникомъ земской стражи Орфановымъ по официальному письму, подписанному товар. прокурора Съдлецкаго окруж. суда Бучинскимъ. Судъ, согласно заявленію защиты, удостоверяетъ, что письмо это исходитъ отъ по-

мѣщика Бучацкаго. Хотя по ходатайству обвинителя, судъ и заявилъ, что имъ была допущена ошибка, но предѣдатель отказалъ въ предъявленіи прис. засѣдателямъ для обзорѣнія какъ подлиннаго письма, такъ и другихъ документовъ дѣла, на которыхъ находилась подпись Бучинскаго. Такое сличеніе было необходимо для выясненія всего этого обстоятельства и своимъ отказомъ судъ стѣснилъ права обвиненія.

Относительно этого инцидента судъ удостоверяетъ, что, открывъ ошибку, немедленно удостоиврилъ ее, согласно утвержденію тов. прокурора; но послѣдній требовалъ настойчиво дальнѣйшаго изслѣдованія этого эпизода, т. е. предъявленія присяжнымъ засѣда. для личнаго сличенія упомянутыя подписи. Этого, конечно, предѣдатель допустить не могъ, ибо такое требованіе 1) было незаконно (693 ст. у. у. суд.) безъ предшествовавшей экспертизы 2) было безцѣльно въ виду состоявшагося удостовѣренія 3) оно означало бы отдачу удостовѣреній суда на судъ присяжн. засѣд., превращая ихъ ad hoc въ экспертовъ. Въ виду этого, предѣдатель призвалъ товарища прокурора къ порядку и объявилъ этотъ эпизодъ исчерпаннымъ.

Тов. прокурора далѣе указываетъ, что предѣдатель 4 раза прерывалъ его рѣчь во время преній безъ всякихъ законныхъ на то основаній. Первый перерывъ былъ сдѣланъ для устраненія фактической неточности, будто бы допущенной обвинителемъ въ своемъ изложеніи, хотя, какъ оказалось изъ прочитанныхъ тутъ же предѣдателемъ данныхъ предвар. слѣдствія, неточности не было. Второй разъ, минутъ за 20 до полуночи предѣдатель остановилъ обвинителя для справки о томъ, долго ли еще онъ имѣетъ въ виду продолжать свою рѣчь.

Въ третій разъ онъ былъ прерванъ въ своей рѣчи вслѣдствіе того, что предѣдатель, замѣтивъ протестующіе противъ рѣчи жесты де Плансона, обратился къ послѣднему съ вопросомъ, имѣетъ ли онъ въ виду какую-либо фактическую ошибку въ изложеніи или желаетъ сдѣлать другое нетерпящее отлагательства заявленіе. „Жесты“ защиты обязывали предѣдателя осуществить право, предоставленное ему ст. 617 у. у. суд. по отношенію къ защитѣ, но никакъ не по отношенію къ представителю обвиненія. Прерывать рѣчь прокурора, чтобы пригласить защитника выѣзжаться въ нее, значитъ превратить судебныя пренія въ безпорядочный споръ.

Четвертый перерывъ былъ сдѣланъ для розысковъ одного изъ неявившихся къ открытію засѣданія защитниковъ гр. Ниродъ. Судомъ допущена очевидная неправильность, ибо разъ судъ открылъ засѣданіе и представилъ слово обвинителю при наличности одного защитника, то этимъ онъ призналъ, что интересы подсудимой достаточно ограждены и предѣдатель не имѣлъ права останавливать рѣчь и ставить продолженіе ея въ зависимость отъ желанія защитника спѣшить или замедлить своимъ появленіемъ. Въ заключеніе этого пункта протеста, тов. прокурора указываетъ, что такіе перерывы, затрудняя въ значительной степени исполненіе обвинителемъ своихъ обязанностей, ослабляя вниманіе прис. засѣд., вытекали изъ личнаго усмотрѣнія предѣдателя, а не изъ законныхъ основаній.

По поводу этихъ перерывовъ судъ въ объясненіяхъ своихъ на замѣчанія протокола объяснилъ: относительно перваго, что прокуроръ дѣйствительно допустилъ относительно показанія свидѣтельницы Яковсонъ весьма серьезную неточность въ годѣ, что подтверждается протоколомъ засѣданія; относительно втораго перерыва—что предѣд. имѣлъ въ виду напомнить прокурору циркуляръ Министра Юстиціи, рекомендующій не утомлять прис. засѣдатель засѣданіями послѣ полуночи; относительно третьяго—что предѣдатель, выслушавъ заявленіе защитника о будто бы допущенной прокуроромъ неточ-

ности и удостовѣривъ, что никакой ошибки допущено не было, вмѣстѣ съ тѣмъ поставилъ ему на видъ, что онъ, защитникъ, не долженъ прерывать обвинителя ни словами, ни жестами. Относительно четвертаго—судъ поясняетъ: тов. прокурора только что началъ свою обвинительную рѣчь и сдѣлалъ только общее вступленіе, какъ судебный приставъ доложилъ, не прерывая, понятно, рѣчи предѣдателью, что защитникъ де-Плансонъ I находится въ зданіи суда и немедленно явится въ залу. Въ виду этого состоялось опредѣленіе суда о допущеніи де-Плансона къ защитѣ; это опредѣленіе было въ мотивированной формѣ изложено предѣдателемъ, который и просилъ товарища прокурора остановиться въ продолженіи своей рѣчи; послѣ минутнаго ожиданія защитникъ вошелъ въ залу и прокуроръ продолжалъ свою рѣчь.

Нарушеніе 732 и 617 ст. уст. у. суд.

Предѣдатель позволялъ защитнику предлагать вопросы свидѣтелю Прокудину-Горскому о тѣхъ истязаніяхъ, которыя свидѣтель причинилъ душевно-болѣзному графу Ниродъ и о шантанжныхъ проделкахъ того же свидѣтеля. Предѣдатель дозволилъ защитнику назвать письмо одной свидѣтельницы къ прокурору „доносомъ“ и не остановилъ его.

Нарушеніе 687 ст. уст. у. суд.

Судъ отказалъ въ отглашеніи протокола осмотра судебнымъ слѣдователемъ дѣла С.-Петербургскаго Градоначальника объ образѣ жизни и занятіяхъ умершаго подсудимаго Малецкаго.

Нарушеніе 801 ст. уст. у. суд.

Предѣдатель не отмѣтилъ, вопреки просьбѣ обвинителя, что заявленіе защиты о томъ, что дочь подсудимой, усыновленная гр. Ниродомъ, можетъ притязать на наслѣдственные права въ майоратѣ, противорѣчитъ не только закону, но и даннымъ дѣла, изъ котораго видно, что ходатайство даже о предоставленіи этой дочери пожизненнаго владѣнія майоратомъ отклонено Высочайшей Волей.

Въ объясненіяхъ суда удостовѣряется, что надлежащія указанія о наслѣдственныхъ правахъ дочери подсудимой были даны предѣдателемъ въ напутственномъ словѣ, въ которомъ были приведены и разъяснены относящіеся сюда узаконенія.

Дѣло докладывалъ сенаторъ Н. А. Мѣщаниновъ.

Противъ протеста возражалъ прис. пов. Е. А. де-Плансонъ I. Въ этомъ протестѣ, по выраженію де-Плансона, отразилось то боевое, страстное отношеніе, которое проявила прокуратура въ настоящемъ дѣлѣ, съ самаго его начала. Раньше, во время суда это отношеніе чувствовала защита, нынѣ въ протестѣ, какъ бы въ видѣ отвзвукъ его, съюзитъ уже обвиненіе предѣдателя и суда въ пристрастномъ веденіи дѣла. Съ самаго возникновенія его, предѣлы изслѣдованія были намѣчены неправильно, искусственно расширены вопреки смыслу угол. процесса, вопреки авторитетнымъ указаніямъ сената, даннымъ по д. Палемъ. Въ чемъ подсудимая обвинялась? Въ томъ, что она, симулировавъ беременность, представила причту церкви будто бы ею рожденнаго неизвѣстнаго происхожденія мальчика, который, благодаря ея ложнымъ увѣреніямъ, былъ окрещенъ и записанъ законнымъ сыномъ графа Нирода. Вотъ формула, которая подлежала изслѣдованію; она точно опредѣляла естественные предѣлы этого изслѣдованія: нужно было доказать, что гр. Софія Ниродъ беременна не была и что она отъ бремени не разрѣшалась. Нужно ли было для этой цѣли выяснять вопросъ о томъ, кто по происхожденію своему гр. Ниродъ—еврейка или полька, нужно ли было подвергать изслѣдованію, съ кѣмъ она сожительствовала за всю свою жизнь, нужно ли было для обвиненія собирать матеріалы изъ сыскаго отдѣленія, вызывать врачей для удостовѣренія того, что подсудимая въ ранней молодости болѣла сифилисомъ, когда твердо было установлено

и не вызывало никаких споров и сомнений то обстоятельство, что и послѣ этой болѣзни подсудимая была нѣсколько разъ беременна и рожала.

Въ такомъ видѣ дѣло представлено было на судъ; прокуроръ не только не стремился освободить дѣло отъ этого излишняго матеріала, но предлагалъ свидѣтелямъ цѣлый рядъ вопросовъ по обвиненіямъ, которые не были предметомъ судебного разбирательства, напр. о кражѣ подсудимой денегъ у Варгунина, съ которыми она состояла въ связи, о подложныхъ векселяхъ. При этомъ предлагались вопросы т. н. „наводящіе“, такъ что защита должна была ходатайствовать о недопущеніи такого приѣма. Сила нападенія естественно вызвала соответствующее отраженіе защиты, и въ томъ, что судъ вводилъ процессъ отчасти только въ его естественныя рамки, представитель обвиненія, при своемъ чрезвычайно страстномъ отношеніи къ дѣлу, узрѣлъ отсутствіе объективизма суда, выраженіе личныхъ симпатій и антипатій предсѣдателя и т. п. Переходя далѣе къ анализу отдѣльныхъ доводовъ кас. протеста, В. А. де-Плансонъ, опираясь на объясненія суда, не признавалъ ихъ кассационной важности. Порядкомъ вопроса свидѣтелей, какъ это неоднократно разъяснено Сенатомъ, составляетъ функцію дискреціонной власти предсѣдателя, точно также какъ и порядкомъ чтенія и оглашенія письменныхъ доказательствъ. Изъ системы, принятой предсѣдателемъ, никакой путаницы не возникало, въ подтвержденіе чего В. А. де-Плансонъ разобралъ внутреннюю связь между тѣми свидѣтельскими показаніями, которые цитируетъ прокуроръ. Да, если и интересы обвинительной власти были такъ задѣты порядкомъ изслѣдованія, онъ имѣлъ полную возможность заявить объ этомъ и предотвратить тѣ печальныя послѣдствія, о которыхъ говорится въ протестѣ. Трудно понять также, какимъ образомъ могъ нарушить интересы обвиненія тотъ отдыхъ, который былъ предоставленъ большой подсудимой, когда она давала свои объясненія. Если эти объясненія интересовали обвинителя, то развѣ онъ лишень былъ права и возможности предлагать соответствующіе вопросы подсудимой?

Нарушеніе равноправности сторонъ кассаторъ видитъ далѣе въ томъ, что предсѣдатель дозволилъ защитнику въ своемъ замѣчаніи сослаться на сенатское рѣшеніе по дѣлу Палемт. Непонятно только, почему ходатайства и замѣчанія сторонъ не могутъ быть подкрѣпляемы сенатскими рѣшеніями? Форма вопроса и прибавленіе инкриминируемыхъ словъ „о беременности“, не говоря уже о томъ, что форма эта вполне соответствовала сущности дѣла, не могла имѣть никакого значенія, потому что всякій свидѣтель послѣ опроса предсѣдателемъ былъ предоставляемъ въ полное распоряженіе сторонъ. Черновикъ всеподданнѣйшаго прошенія былъ приобщенъ къ дѣлу по ходатайству защиты, которая придавала ему значеніе важнаго доказательства, и предсѣдатель, оглашая его, выполнялъ только свою обязанность: во всякомъ случаѣ онъ не стремился дѣлать тотъ выводъ, который приписываетъ ему прокуроръ, т. е. произвести на присяжныхъ впечатлѣніе, что судъ надъ Ниродъ есть судъ несправедливый. Разобравъ значеніе заявленій суда о фактическихъ ошибкахъ по поводу показанія Якобсонъ и подписи Буцинскаго, де-Плансонъ полагалъ, что соответствующіе пункты протеста вполне опровергаются приведенными выше объясненіями суда. Точно также опровергаются и тѣ толкованія, которые прокуроръ дѣлаетъ изъ инцидентовъ съ перерывами. За свои протестующіе жесты потерпѣвшимъ оказался онъ, защитникъ, получивъ внушеніе отъ предсѣдателя! Чѣмъ тутъ нарушены права обвинителя?

Кассаторъ видитъ нарушеніе обязанностей предсѣдателя въ томъ, что послѣдній дозволилъ предлагать свидѣтелямъ вопросы, обличающіе ихъ въ преступленіяхъ. Во-первыхъ, свидѣтели имѣютъ по за-

кону право не отвѣчать на такіе вопросы; а вторыхъ, факты, относительно которыхъ вопросы были поставлены, занесены въ обвинительный актъ. Оскорбительнымъ и недопустимымъ кассаторъ считаетъ обозначеніе доносомъ письма нѣкоей Доможировой къ прокурору. Но это письмо содержало въ себѣ очень длинное донесеніе съ просьбой о производствѣ дознанія, а такіе акты на официальномъ языкѣ обозначаются словомъ „доносъ“. Обвиненіе считаетъ также нарушеніемъ своихъ правъ то, что судъ отказался огласить протоколъ осмотра дѣла С.-Петербургскаго градоначальника объ образѣ жизни и занятіяхъ умершаго подсудимаго Малецкаго. Протоколъ этотъ представляетъ изложеніе данныхъ негласнаго дознанія, произведеннаго сыскнымъ отдѣленіемъ, никѣмъ не провереннаго. Судъ не только не долженъ былъ, но не имѣлъ даже права оглашать подобный слѣдственный матеріалъ.

Нельзя считать нарушеніемъ 802 ст. уст. уг. суд. и то, что предсѣдатель въ своемъ резюме не далъ разъясненій о наслѣдственныхъ правахъ дочери гр. Ниродъ въ той именно формѣ, какая была предложена обвинителемъ. Въдѣ не все то, что стороны считаютъ для себя нужнымъ и полезнымъ, предсѣдатель обязанъ вносить въ ессе заключительное слово. Закончивъ свою рѣчь, прис. пов. В. А. де-Плансонъ поставилъ вопросъ, какой же изъ разобранныхъ пунктовъ протеста можетъ имѣть настолько важное значеніе, чтобы сломить приговоръ?

Въ своемъ заключеніи обер-прокуроръ В. К. Слущевскій, оффиціальное значеніе доводовъ кассационнаго протеста и подвергнувъ ихъ разбору, призналъ, что всѣ они, за исключеніемъ двухъ пунктовъ, касающихся перерыва рѣчи, не заслуживаютъ уваженія, отчасти потому, что опровергаются объясненіями суда, отчасти же потому, что указываемыя нарушенія по самому существу своему не суть нарушенія.

Но дефекты процесса существуютъ и притомъ настолько важные, что они должны повлечь за собою отмену приговора. Прежде всего они заключаются въ самомъ способѣ веденія протокола, важность чего неоднократно указывалась въ рѣшеніяхъ Сената. Протоколъ долженъ быть составляемъ секретаремъ или его помощникомъ и скрѣпляемъ секретаремъ (ст. 835—845 у. у. с.). Удовлетворяетъ ли этимъ требованіямъ протоколъ по д. Ниродъ? Прежде всего оказывается изъ рапорта суда, что составлялся протоколъ, повидимому, секретаремъ Н. Н. Вишняковымъ, но скрѣпленъ онъ пом. секр. Буровымъ, такъ какъ, по объясненію суда, „ко времени окончательнаго редактированія и подписанія протокола“ Н. Вишняковъ былъ въ служебной командировкѣ. Итакъ оказывается, что Вуровъ—только послѣдній редакторъ? Кто же составитель этого важнаго документа? Далѣе, въ своихъ объясненіяхъ судъ часто цитируетъ не протоколъ, а тѣ черновики, черновики, которые были ведены во время засѣданія секретаремъ, придавая имъ рѣшающее значеніе. Получаются какъ бы два протокола: одинъ—изъ замѣтокъ секретаря, веденныхъ во время засѣданія безъ соблюденія всѣхъ требованій закона—служитъ какъ бы высшей инстанціей, къ которой обращается судъ въ случаѣ затрудненій, а другой оффиціальныи, неизвѣстно кѣмъ составленъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію перерывовъ рѣчи обвинителя, В. К. Слущевскій высказалъ, что уже самая многочисленность ихъ свидѣтельствуетъ о ненормальныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ въ данномъ дѣлѣ между обвинителемъ и предсѣдателемъ. Разсмотрѣніе мотивовъ, по которымъ предсѣдатель прервалъ прокурора, подтверждаетъ это. Если даже признать, что нѣкоторые изъ нихъ и не имѣютъ кассационнаго значенія, то, по справедливому замѣчанію протеста, даже при богатствѣ кассационной практики случаи остановки рѣчи прокурора для справокъ о времени, въ теченіе котораго онъ будетъ говорить и для того, чтобы дожидаться входа защит-

ника, впервые, вѣроятно, будутъ представлены на благоусмотрѣніе Сената. Но совершенно незаконнымъ представляется перерывъ, вызванный жестами защитника. Предсѣдатель, допустивъ защитника давать объясненія, допустилъ вторженіе въ судебныя пренія элементовъ судебного слѣдствія. Такое смѣшеніе весьма опасно для процесса. Сенатъ съ самаго начала своей дѣятельности твердо охранялъ судебное слѣдствіе отъ вторженія преній: слѣдствіе должно устанавливать факты, пренія должны давать выводы. Охрана судебныхъ преній не менѣе важна: всякій перерывъ ослабляетъ силу доводовъ и выводовъ, смущаетъ говорящаго, мѣшаетъ непрерывности мышленія и слова. Въ виду этого, В. К. Случевскій полагаѣтъ, что приговоръ долженъ быть отмѣненъ за нарушеніемъ ст. 611, 735 и 835 у. у. с.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: приговоръ С.-Петербургскаго Окружнаго Суда и рѣшеніе присяжныхъ засѣд. отмѣнить за нарушеніемъ ст. 611 и 630 уст. уг. суд.

Гражданскій кассационный департаментъ. Засѣданіе 10—13 Мая ¹⁾.

VI.

Евреи — дѣти отставныхъ нижнихъ чиновъ имѣютъ самостоятельное право на повсемѣстное въ Имперіи приобрѣтеніе недвижимой собственности.

При разрѣшеніи дѣла по кассационной жалобѣ Эли Ужванскаго на опредѣленіе Юрьево-Верскаго Мироваго Съѣзда объ отказѣ въ укрѣпленіи за просителемъ купленнаго имъ недвижимаго имущества въ г. Юрьевѣ, Пр. Сенатъ руководствовался рѣшеніемъ общаго собранія 1 и кассационныхъ д-товъ (№ 1885—90 г.) по дѣлу Зафреновъ, коимъ было разъяснено, что дѣти отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ изъ евреевъ, приписанныя, на основаніи правилъ 25 іюня 1867 г., ихъ отцами къ городскимъ обществамъ внѣ черты общей еврейской осѣдности, имѣютъ самостоятельное право на повсемѣстное въ Имперіи приобрѣтеніе недвижимой собственности, кромѣ населенныхъ имѣній.

Въ виду этого Пр. Сенатъ опредѣлилъ: постановленіе Юрьево-Верскаго Мир. Съѣзда по нарушенію 959 ст. т. IX зак. о состоящихъ отмѣнить.

VII.

Пожизненный владѣлецъ недвижимаго имущества, подложно укрѣпившійся въ правѣ собственности по давности владѣнія, не вправе требовать послѣ уничтоженія судомъ полученнаго имъ крѣпостнаго свидѣтельства возвращенія доходовъ отъ лицъ приобрѣтшихъ отъ него означенное имущество.

Умершая Марія Бутырина завѣщала своему сыну Михаилу Бутырину въ пожизненное его владѣніе принадлежащей ей домъ, а послѣ смерти его въ собственность его законныхъ наслѣдниковъ. Засимъ Михаилъ Бутыринъ утвердился въ правѣ собственности означеннымъ домомъ по давности владѣнія, заложилъ упомянутый домъ въ С.-Петербургско-Тульскомъ Поземельномъ Банкѣ, который, за невзносъ срочныхъ платежей, состоящій въ залогѣ домъ подвергъ продажѣ, и на торгахъ, произведенныхъ въ Правленіи сего Банка 5 іюня 1890 года, этотъ домъ приобрѣтенъ былъ купцами Епифановымъ и Шустровымъ.

Между тѣмъ, ранѣе сего, наслѣдники по духовному завѣщанію Бутыриной, Ивановы, къ которымъ вышеупомянутый домъ долженъ былъ перейти въ собственность, предъявили въ С.-Петербургскомъ

Окружномъ Судѣ искъ къ Бутырину о признаніи недѣйствительнымъ и подлежащимъ уничтоженію крѣпостнаго свидѣтельства, выданнаго на основаніи опредѣленія Окр. Суда и о признаніи права собственности Бутырина на спорный домъ по давности владѣнія.

Приведенный искъ Ивановыхъ рѣшеніемъ Окружнаго Суда былъ удовлетворенъ, а владѣльцѣ засимъ по иску тѣхъ же Ивановыхъ, предъявленному къ Шустрову и Епифанову, выданная Шустрову и Епифанову данная на домъ Бутырина была признана недѣйствительной.

Послѣ сего Конкурсное Управление по дѣламъ несостоятельнаго должника Михаила Бутырина предъявило въ Спб. судѣ къ Шустрову и Епифанову искъ о взысканіи съ Шустрова и Епифанова доходовъ, полученныхъ ими отъ спорнаго дома со дня покупки его на публичномъ торгѣ.

Окружный Судъ рѣшеніемъ отъ 1 Мая 1898 года въ этомъ искѣ отказалъ, причемъ ходатайство отвѣтчиковъ о привлеченіи къ настоящему дѣлу, въ качествѣ третьяго лица, С.-Петербургско-Тульскаго Поземельнаго Банка, оставилъ безъ послѣдствій.

Судебная палата нашла, что владѣніе имуществомъ, приобрѣтеннымъ по акту укрѣпленія, представляется законнымъ до тѣхъ поръ, пока не обнаружится его неправильность; и такъ какъ Шустровъ и Епифановъ вступили въ дѣло по спору Ивановыхъ о правѣ собственности Бутырина на приобрѣтенный ими въ Банкѣ съ торговъ домъ 5 Ноября 1890 года и, слѣдовательно, съ этого времени имъ сдѣлалось извѣстнымъ о заявленномъ на судѣ правѣ собственности на состоявшее въ ихъ владѣніи имущество отъ другихъ лицъ, то съ этого времени возникла для нихъ обязанность, согласно 530 и 626 ст. 1 ч. X. т. и приведеннымъ выше рѣшеніямъ Правит. Сената, сохранить доходы, вырученные съ спорнаго дома, ибо съ этого времени они начали владѣть имуществомъ и получать доходы не на свое уже имя, до тѣхъ поръ, пока судъ не установитъ основательности или неосновательности сего спора; поэтому Суд. Палата удовлетворила исковыя требованія.

Въ поданной на это рѣшеніе кассационной жалобѣ повѣренные Шустрова и Епифанова указывали, между прочимъ на то обстоятельство, что искъ Ивановыхъ былъ направленъ не противъ владѣнія Шустрова и Епифанова, а лишь противъ силы полученной ими давной, т. е. ихъ права собственности. Оспаривать же владѣніе Шустрова и Епифанова Ивановы даже и не были въправѣ, такъ какъ сами, являясь лишь эвентуальными собственниками въ зависимости отъ того, окажутся ли у Бутырина ко времени его смерти болѣе близкіе наслѣдники, не имѣли права на владѣніе домомъ въ жизни Михаила Бутырина, пожизненнаго владѣльца по духовному завѣщанію Маріи Бутыриной.

Очевидно, что Судебная Палата примѣнила ст. 530 и 626 т. X ч. I совершенно несогласно съ обстоятельствами дѣла. Ясно, что въ силу судебного рѣшенія, уничтожающаго право собственности отвѣтчика, требовать возврата доходовъ за время процесса въправѣ лишь тотъ, кто за это время имѣлъ право на пользованіе имѣніемъ и, слѣдовательно, на полученіе доходовъ съ него. Спрашивается, имѣлъ ли такое право Бутыринъ, въправѣ ли былъ онъ потребовать въ то время, за которое ему нынѣ присуждены доходы, передачи ему имѣнія во владѣніе и пользованіе для извлеченія доходовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ только отрицательный, такъ какъ переходъ дома во владѣніе Шустрова и Епифанова состоялся по волѣ самого Бутырина.

Пр. Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе С.-Петербургской С. Палаты отмѣнить по нарушенію ст. 530 и 626 т. X ч. I и 656 ст. Уст. Гр. Суд.

¹⁾ См. Право № 21.

VIII.

Споры между плательщиками коробочного сбора и откупщиками подлежат разсмотрѣнію общихъ судебныхъ установлений.

Дѣла по спорамъ, возникшимъ по поводу взиманія коробочного сбора. Цимбалистовъ и Глазмана съ Хазинымъ, Дижуръ съ Гольдбергомъ, Прицкеромъ и Швидкимъ, переданы на разрѣшеніе общаго собранія 1-го и кассационныхъ дѣтовъ, которое 2 ноября 1898 года опредѣлило, что вопросъ о томъ, подлежитъ ли разсмотрѣнію судебныхъ установлений споръ между плательщикомъ коробочного сбора и держателемъ онаго о пространствѣ правъ сего послѣдняго лица по взысканію сбора возникъ по пяти дѣламъ, поступившимъ въ гр. касс. д. Пр. Сената по жалобамъ на рѣшенія мировыхъ судей, принесеннымъ держателями коробочного сбора въ Киевской губерніи. По одному изъ этихъ дѣлъ истецъ отыскивалъ возврата перебора, взятаго съ него отвѣтчиками будто бы въ нарушение условий содержанія ими коробочного сбора, а по остальнымъ дѣламъ предметомъ исковъ было вознагражденіе за убытки, происшедшіе, по объясненію истцовъ, оттого, что за неучиненіемъ держателемъ сбора, вопреки означеннымъ условіямъ, извѣстнаго причитающагося городскому обществу платежа, они, истцы, вынуждены были внести этотъ платежъ отъ себя. Въ томъ случаѣ, когда коробочный сборъ долженъ быть взимаемъ установленными для того исполнительными органами, имѣются правоотношенія публичнаго характера между лицами, обязанными къ платежу сбора, и еврейскимъ обществомъ, въ пользу котораго послѣдній долженъ поступать, подлежація вѣдѣнію правительственныхъ, а не судебныхъ установлений. Совершенно въ иномъ видѣ представляются тѣ случаи, когда коробочный сборъ отданъ въ содержаніе откупщику. Эти правоотношенія между откупщикомъ и лицами, обязанными къ платежу коробочного сбора, не затрагивая публичнаго интереса въ отношеніи поступленія сбора въ пользу подлежащаго еврейскаго общества, являются гражданскими правоотношеніями, и потому разрѣшеніе вопроса о существованіи или несуществованіи ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ принадлежитъ судебнымъ, а не правительственнымъ установленіямъ. На основаніи изложеннаго, на вопросъ о правѣ предъявленія заинтересованными лицами въ судѣ исковъ по поводу откупнаго содержанія коробочного сбора, долженъ быть данъ отвѣтъ утвердительный, а вслѣдствіе сего необходимо придти къ заключенію, что споръ между плательщиками коробочного сбора и держателями онаго о пространствѣ правъ сего послѣдняго лица по взиманію сбора подлежитъ разсмотрѣнію судебныхъ установлений, каковой выводъ согласенъ и съ разъясненіемъ Правительствующаго Сената по гражданскому кассационному департаменту (рѣш. 1883 г. № 40) о томъ, что споры о правильности взиманія городскихъ и другихъ сборовъ арендаторами оныхъ подлежатъ вѣдомству суда.

IX.

Совладѣлецъ, желающій сохранить за собою часть общій собственности, откупаемую другимъ совладѣльцемъ, обязанъ заллатить за нее цѣну, предложенную постороннимъ покупателемъ (ст. 555 т. X ч. 1).

Симферопольскій окр. судъ, разрѣшая дѣло по частной жалобѣ землевладѣльца Федора Шталя, нашель, что 555 ст. X т. ч. 1 св. зак. гр., на которую ссылается проситель, вовсе не ограничиваетъ права одного изъ совладѣльцевъ общаго имѣнія продать или заложить свой жребій, а только предоставляетъ другому совладѣльцу сохранить за собою тотъ жре-

бій, заплативъ за него по оцѣнкѣ; что хотя Шталъ и полагаетъ, что подъ оцѣнкою этою разумѣется государственная или земская, или оцѣнка, произведенная предводителемъ дворянства, предсѣдателемъ управы или податнымъ инспекторомъ, но подобное предположеніе не находитъ себѣ оправданій въ законѣ; что, по мнѣнію суда, оцѣнка, о коей говорится въ законѣ, есть та именно, какую назначилъ имѣнію посторонній покупатель, такъ какъ всѣ другія оцѣнки, перечисляемыя Шталемъ, могутъ быть даже ниже той, въ какой имѣніе приобрѣли сами совладѣльцы.

Въ виду этого частная жалоба Федора Шталя оставлена окр. судомъ безъ удовлетворенія, кассационная-же жалоба, принесенная Шталемъ на опредѣленіе одесской судебной палаты, утвердившей означенное опредѣленіе суда, оставлена Пр. Сенатомъ безъ послѣдствій.

Пензенскій окружной судъ.

(Отъ нашего корреспондента).

Убійство генеральши Болдыревой.

(Продолженіе).

Встааетъ представитель гражданского иска прис. пов. В. И. Добровольскій и произноситъ слѣдующую рѣчь.

Гр. присяжные засѣдатели, вы выслушали представителя обвинительной власти, теперь выслушайте насъ, явившихся сюда подъ скромнымъ девизомъ гражданскихъ истцовъ, но преслѣдующихъ въ этомъ дѣлѣ интересы, выводящіе его изъ рамокъ обыденнаго процесса. Какъ бы мы съ формальной юридической стороны не замыкались въ предѣлахъ даннаго дѣла, только въ вопросѣ о невинности Карповыхъ, мы не можемъ закрывать глаза на тотъ фактъ, мы не можемъ не чувствовать и не сознавать того, что здѣсь на судѣ рѣшается судьба не только семьи Карповыхъ, но, въ связи съ рѣшеніемъ вопроса объ ихъ виновности или невинности, быть можетъ, открывается путь къ спасенію того, образъ котораго является для насъ обвинителемъ руководящимъ свѣточемъ въ настоящемъ дѣлѣ. Этотъ нравственный стимулъ привелъ насъ сюда и здѣсь—на судѣ дать намъ силу и убѣжденіе поддерживать обвиненіе противъ Карповыхъ. Но одна эта дѣла была бы недостаточна: какъ бы она ни была нравственно высока и чиста, вы не увидали бы насъ въ роли обвинителей Карповыхъ, если бы мы не имѣли въ своемъ распоряженіи безусловно подавляющихъ ихъ уликъ.

Вся Россія знакома съ дѣломъ осужденнаго Тальмы, а тѣмъ болѣе оно извѣстно вамъ, какъ мѣстнымъ обывателямъ и, можетъ быть, въ противовѣсъ высказанному мною только что убѣжденію въ виновности Карповыхъ, у васъ воскреснутъ въ памяти подобныя же слова убѣжденія обвинителя въ дѣлѣ Тальмы, а, можетъ быть, не только взгляды представителя обвиненія, но и самый приговоръ по этому дѣлу, въ видѣ непреложной истины, добытой такимъ же тяжкимъ судебнымъ трудомъ, какъ мы ее здѣсь отыскиваемъ, стоитъ предъ вами и говорить вамъ, что личное убѣжденіе можетъ быть и шатко и условно, но приговоръ, какъ судебное рѣшеніе, какъ законъ для даннаго случая, требуетъ высшей осторожности и не можетъ не остановить васъ въ нѣкоторомъ критическомъ размышленіи предъ тою новою истиною, которую мы домогаемся услышать здѣсь на судѣ.

Конечно, всякое судебное рѣшеніе съ внѣшней формальной стороны одинаково достовѣрно, но не всякое рѣшеніе основано на одинаково достовѣрномъ судебномъ матеріалѣ. На судѣ уголовномъ

судь, постановляющему приговоръ, приходится создавать свое убѣжденіе и рѣшать вопросъ о виновности на основаніи такъ называемыхъ или прамыхъ, или косвенныхъ уликъ. Понятно, въ томъ и другомъ случаѣ достовѣрность приговора далеко не одинакова. Косвенная улика говоритъ лишь объ извѣстной вѣроятности, бросаетъ на лицо лишь тѣнь подозрѣнія; правда, эта тѣнь сгущается по мѣрѣ увеличенія числа уликъ, убѣжденіе судьи приближается все болѣе и болѣе къ полной достовѣрности, но абсолютной—не достигаетъ никогда. Случилось убійство, всѣ обыватели данного города стоятъ въ нѣкоторомъ подозрѣніи, всѣ они съ большей или меньшей вѣроятностью могли его совершить, противъ нихъ имѣется хотя и слабая, но однако уже во всякомъ случаѣ косвенная улика; но идемъ далѣе, противъ всѣхъ лицъ, живущихъ на одной и той же улицѣ, гдѣ совершилось преступленіе, имѣется уже большее число уликъ, а противъ живущихъ подъ однимъ и тѣмъ же кровомъ число уликъ уже неисчислимо. Всѣ эти лица стоятъ въ явномъ подозрѣніи, всѣ они не гарантированы отъ уголовной отвѣтственности, отъ скамьи подсудимыхъ, скажу болѣе, отъ осужденія. Вы сомнѣваетесь? Вспомните участь нынѣ свидѣтельницъ по дѣлу Рѣшетниковой и Мельниковой, онѣ содержались подъ стражей, были арестованы. Почему, спросите вы; на это могу дать одинъ отвѣтъ,—потому, что жили на одномъ дворѣ, гдѣ была убита Болдырева. Такова шаткость косвенныхъ уликъ. Какъ бы ни были онѣ многочисленны, тяжесть доказательства все время лежитъ на обвинителѣ, и обвиняемый свободенъ ихъ не отражать, онѣ создаютъ лишь подозрѣніе, его защищаетъ всегда сомнѣніе, и никогда приговоръ, основанный на нихъ, не создаетъ полной достовѣрности, онъ приближаетъ насъ къ истинѣ, онъ стремится ее постичь, но судебная ошибка всегда возможна. Иной силой обладаетъ прямая улика, она устанавливаетъ безспорный фактъ, обвиняемый ею безусловно уличается. Въ настоящемъ дѣлѣ мы—обвинители имѣемъ противъ Карповыхъ прямыя улики. Карповы пойманы съ билетами, несомнѣнно принадлежащими Болдыревой, похищенными при совершеніи убійства, убійца здѣсь съ полиціимъ приноситъ намъ сознаніе. Казалось-бы—чего же болѣе. Но это сознаніе хуже всякаго отрицанія. Александръ Карповъ понимаетъ обаятельную силу судебного приговора, чувствуетъ тотъ ядъ сомнѣнія, которымъ все здѣсь пронитано и, пользуясь этимъ даетъ намъ такое сознаніе, которое заводитъ насъ лишь въ лабиринтъ противорѣчій, порождаетъ въ насъ непонятный и ни на чемъ не основанный скептицизмъ и подрываетъ силу и значеніе самыхъ простыхъ и достовѣрныхъ фактовъ. Но мы должны разогнать этотъ миражъ, чтобы увидѣть и постичь реальную дѣйствительность, такъ какъ только на фактахъ, фактахъ абсолютно достовѣрныхъ, проверенныхъ здѣсь на судѣ вы должны обосновать свой приговоръ. Все то, что вы получили за стѣнами зала, вы должны выбросить изъ своего ума и сердца и судить по данной вамъ присягѣ только согласно съ тѣмъ, что видели и слышали на судѣ. Но и судебный матеріалъ не одинаково достовѣренъ, отбросимъ же и въ немъ все сомнительное условное, и станемъ лицомъ къ лицу съ реальной дѣйствительностью, съ ней лишь вы имѣете право считаться и на ней вы должны обосновать свой приговоръ.

Къ Ивану и Христинѣ Карповымъ предъявлено обвиненіе въ укрывательствѣ. У нихъ на рукахъ найдены облигации желѣзнодорожнаго консолидированнаго займа, принадлежащія Болдыревой, несомнѣнно похищенныя во время убійства, такъ какъ накануне еще одна изъ этихъ облигаций была куплена Болдыревой изъ залога. Затѣмъ въ теченіе 98 и 99 года Карповы неоднократно размѣнивали купоны. Этого достаточно. Никакихъ другихъ фактовъ для обвиненія и признанія Ивана и Хри-

стины Карповыхъ виновными въ укрывательствѣ не требуется. Но къ Александру Карпову предъявлено обвиненіе въ убійствѣ, и намъ—обвинителямъ и вамъ судьямъ недостаточно уже одного того факта, что Александръ Карповъ пойманъ съ облигацией на рукахъ, что она находилась у него въ 99 году. Разъ мы поддерживаемъ противъ него обвиненіе въ убійствѣ, мы должны доказать, что онъ его совершилъ.

Когда ссора горничныхъ у г-жи Вилимъ привела къ тому, что Карповъ былъ уличенъ въ продажѣ облигаций въ Моршанскѣ, онъ пришелъ правосудію на помощь и принесъ намъ полное сознаніе. Улики были несомнѣнны, сознаніе было было неизбежно, и естественно и понятно, что это сознаніе не оставляетъ никакого сомнѣнія въ своей правдивости и искренности у тѣхъ лицъ—полиціимейстера Соколовскаго, Михайлова и другихъ, которые были свидѣтелями, какъ оно вырвалось изъ души Карпова послѣ столь долгихъ и, конечно, весьма понятныхъ угрызений совѣсти. Но теперь, когда признаніемъ душа облегчена, инстинктъ самосохраненія заговорилъ въ Карповѣ, онъ повторяетъ свое сознаніе, но даетъ его намъ въ такой формѣ, которая не допускаетъ принять его безконтрольно. У насъ естественно возникаетъ мысль, не имѣемъ ли мы дѣло съ однимъ изъ тѣхъ добровольцевъ, готовыхъ принять страданіе, которые уже не разъ по этому дѣлу клали голову на плаху, и это убѣжденіе можетъ въ насъ еще окрѣпнуть, если мы вспомнимъ то объясненіе, которое намъ далъ Карповъ, какъ бы въ формѣ вынужденнаго сознанія, относительно кражи въ 93 году, за которую Карповъ былъ осужденъ. Онъ говоритъ намъ «я принялъ чужую вину». Аналогия невольно напрашивается. Можетъ быть, и теперь принимается чужая вина. Но сознаніе было, и мы не можемъ его отвергнуть. Мы не имѣемъ права не считаться съ нимъ, но должны его принять только послѣ надлежащей критической проверкѣ. Конечно, не съ добровольцемъ мученикомъ, идущимъ на страданія, мы имѣемъ дѣла, у Карпова на рукахъ были окравленные облигации, убійство уже запятнало его своею кровью. Онъ также не спеціальность по принятію чужой вины. «Блестящая» аналогия не выдерживаетъ критики. Подсудимый здѣсь на судѣ заявилъ намъ, что если бы онъ зналъ, что г. защитникъ его выдастъ, онъ не создался бы въ томъ, что принималъ тогда чужую вину. Но его никто не выдавалъ, ему было предложено лишь объяснить, виновенъ-ли онъ въ совершеніи кражи. Слова же, сказанныя имъ Маркеловой, что «я изъ за тебя въ тюрьмѣ сидѣлъ», конечно, ничего не говорятъ, такъ какъ похищенные вещи дѣйствительно сбывались для предмета первой любви Карпова. Итакъ, отбросивъ неосновательныя предположенія о какомъ то добровольномъ страданіи, на которое къ тому же Карповъ идетъ будто бы не впервые, мы должны сознаніе проверитъ на основаніи безусловныхъ объективныхъ достовѣрныхъ фактовъ. Ту картину убійства, которую намъ рисуешь подсудимый, мы должны наложить на ту, которую получаемъ, воспроизводя фотографически по свидѣльскимъ показаніямъ, по заключенію экспертовъ, по осмотру мѣста преступленія. Въ этомъ отношеніи правдивость сознанія не оставляетъ сомнѣнія. Картина убійства не могла запечатлѣться въ умѣ Карпова, какъ свидѣтеля по дѣлу Тальмы. Она иная, она не та, которая рисовалась въ томъ дѣлѣ. Профессоръ Косоротовъ вамъ блестяще доказалъ, что убійство Болдыревой произведено шесеміиною до убійства Савиновой, что убійство по объективнымъ анатомическимъ даннымъ произведено такъ, какъ это объясняетъ намъ Карповъ. Но это мало. Нашъ критическій анализъ долженъ пойти еще далѣе. Когда Карповъ совершилъ убійство, ему не было 17-ти лѣтъ, поэтому мы первымъ деломъ должны спросить себя, какъ придетъ Карповъ въ столь юные

годы къ подобному преступленію, и могъ ли онъ одинъ его совершить. О мотивахъ, которые его привели къ убійству, мы получили противорѣчивое объясненіе. Въ одномъ случаѣ Карповъ намъ говорить, что онъ руководствовался корыстными цѣлями ограбленія и наживы, въ другомъ—онъ это безусловно отвергаетъ, говоря, что онъ преслѣдовалъ чисто моральную цѣль, находя, что Болдырева была достойна смерти. Я думаю, что этаго Раскольникова Карпову не по плечу. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ простымъ корыстнымъ преступленіемъ, и нравственный обликъ подсудимаго этому нисколько не противорѣчитъ. Первые педагогическія правила по части вскрытія чужихъ шкатулокъ были Карпову преподаны на свою бѣду самой Болдыревой. Дальнѣйшей школой для него была тюрьма. Карповъ не «вороникъ» въ томъ смыслѣ слова, какъ свидѣтели намъ говорили, онъ не похожъ на своего пріятеля Кочеткова, у котораго вся душа на распашку. Карповъ угрюмъ, молчаливъ, необщителенъ. Но одного его слова подчасъ достаточно чтобы постоять за себя. Вспомните приходъ его къ Маркеловой, гдѣ онъ засталъ своего соперника: онъ входитъ, демонстративно разваливается на ея постели и городской Синицынъ покорно удаляется, уступая мѣсто своему молодому, но настойчивому сопернику. Карповъ, еще мальчикъ, умѣлъ желать, умѣлъ достигнуть цѣли. Подъ его глубокимъ взоромъ таились уже смолоду сильные страсти и твердая воля. Эксперты-психіатры останавливали уже ваше вниманіе на томъ, что въ юношескомъ возрастѣ достаточно самыхъ незначительныхъ импульсовъ и молодая еще не окрѣпшая воля можетъ съ исключительной легкостью поддаться не только нравственно-отрицательному, но и преступному желанію. И къ сожалѣнію, уголовныя лѣтисци дѣйствительно знаютъ подобные примѣры. Вспоминается мнѣ убійство въ Петербургѣ въ мѣсяцъ лѣтвѣ малолѣтнимъ Зайцевымъ, подобное же бесмысленное убійство въ Парижѣ привратницы Кюна, наконецъ, убійство, о которомъ намъ сообщилъ полицімейстеръ Соколовскій, совершенное на дняхъ въ Самарѣ 13 лѣтнимъ мальчикомъ. Наконецъ, изслѣдуя вопросъ о физической силѣ Карпова, о возможности совершить убійство Болдыревой и Савиновой тогда, когда ему не было еще 17 лѣтъ, мы должны принять заключеніе экспертовъ. Они намъ говорятъ, что кинжалъ страшенъ и въ рукѣ младенца, сила же жертвы преступления не играетъ никакой роли: совершенно безразлично, была ли Болдырева немощной старухой или воинственной генеральшей, свалившей съ ногъ одной пощечиной своего дворника. На этомъ обрывается какъ бы достоверная часть сознанія Карпова. Далѣе мы сталкиваемся съ противорѣчіями и съ категорическимъ отрицаніемъ нѣкоторыхъ фактовъ. Въ одномъ случаѣ Карповъ говоритъ, что онъ спрятался за комодомъ, въ другомъ—подъ постелью. Какъ же понять это противорѣчіе. Я нахожу его вполне естественнымъ. Карповъ уличенъ, Карповъ пойманъ, онъ имѣлъ неосторожность принести свое сознаніе. Чѣмъ же ему теперь защищаться, какъ не дискредитированіемъ собственнаго же сознанія. Это единственный путь къ спасенію. Отрицаніе же нѣкоторыхъ фактовъ получаетъ самое естественное объясненіе. Карповъ говоритъ, что онъ трубъ въ квартирѣ Болдыревой не открывалъ, накли не приносилъ, телефона не обрывалъ, уколловъ на трупъ Савиновой не дѣлалъ. Такое отрицаніе можетъ получить объясненіе въ простомъ запятованіи. Извѣстно, что нерѣдко несомнѣнные убійцы при полной искренности сознанія и желаніи воспроизвести картину совершеннаго ими преступленія не могутъ этого сдѣлать и отрицаютъ факты, безусловно ими совершенные. Но и помимо этого вы помните, что по словамъ дворника Савельева трубы въ квартирѣ закрывались имъ, или Савиновой, смотря по тому, кто вспомнить. Естественно, что могли тотъ и другой позабыть. Пак-

лей шпаклевались окна. Что же удивительнаго, что она находилась въ комнатѣ, тѣмъ болѣе, что обѣней, по словамъ Карпова, были даже разговоры между Савиновой и Болдыревой, когда послѣдняя ложилась спать. Что касается телефона, то я думаю, что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онъ оборванъ пожарными. Въ квартирѣ ими были выломаны окна, оторваны двери, сорваны половицы, причемъ въ образовавшемся въ полу отверстіи найденъ циферблатъ отъ часовъ. Слѣдовательно во время тушенія пожара детали по квартирѣ не только двери, окна и половицы, но всякія вещи. Что же удивительнаго, что при подобныхъ условіяхъ оказался оторваннымъ телефонъ. Но отрицаніе этихъ, хотя и незначительныхъ фактовъ, достигаетъ своей цѣли. Карповъ съ одной стороны говоритъ, что онъ совершилъ убійство «одинъ», съ другой—извѣстные факты отрицаетъ. Кто же совершилъ ихъ, и въ связи съ этимъ вопросомъ вновь возникаетъ сомнѣніе въ достовѣрности сознанія и возможности совершенія убійства безъ соучастниковъ. Мы не можемъ не понять тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуютъ подсудимый, мы не можемъ не взглянуть туда, куда онъ намъ указываетъ. Но мы въ то же время не можемъ не протестовать всей силой нашего убѣжденія. Соучастники другъ друга не обвиняютъ. Между тѣмъ въ процессѣ Тальмы Карповъ были его обвинителями, они говорили, что Тальма будто бы кричалъ «ихъ зарѣзали», когда этого знать не могъ. Теперь здѣсь мы, представители интересовъ Тальмы, обвиняемъ его, Карпова, добиваемся его осужденія, добиваемся отъ него правды. Зачѣмъ она связываетъ его уста. (Обращаясь къ Карпову) Говорите же, говорите, истина намъ не страшна. Онъ молчитъ, молчаніе его изблещаетъ. Но можетъ быть, онъ скрываетъ того, спасеніе котораго мы не можемъ поставить ему въ упрекъ. Мы, однако, въ этомъ отношеніи ни имѣемъ никакихъ данныхъ. Предположеніе возможно, но оно не имѣетъ за собою достаточныхъ основаній. Итакъ все усилія Карпова подрывать значеніе своего сознанія тщетны. Въ сознаніи проскользнули такіа правдивые штрихи, что ихъ невозможно уничтожить. Вспомните, какъ Карповъ говоритъ объ убійствѣ Болдыревой: «ударилъ ее въ лѣвый бокъ, она приподнялась, почти что привстала на ноги и тогда я ей нанесъ второй ударъ». Это фотографически вѣрный снимокъ съ дѣйствительности. Онъ могъ запечатлѣть только у убійцы.

Я не знаю, останавливать-ли мнѣ ваше вниманіе на тѣхъ вопросахъ, которые защита окрестила общимъ эпитетомъ «плановѣрности». Мы будемъ откровенны. Рядомъ вопросомъ защита во время судебного слѣдствія стремилась доказать, что до 98 г. у Карповыхъ не было облигацій, что слѣды прикосновенности ихъ къ преступленію начинаются только съ 98 года и разъ это такъ, то здѣсь со стороны Карповыхъ нѣтъ уже преступленія, а есть лишь жертва и добровольное принятіе чужой вины. Конечно, всякія предположенія, всякія гаданія возможны, но для этого необходимы какія нибудь основанія, какіе нибудь факты. Неужели, не будучи магомъ и кудесникомъ, можно было заставить разыграть ту драму, которая прошла передъ нами. Но помимо этого, вѣдь мы имѣемъ факты, которые далеко переступаютъ за предѣлы 98 года. Футляры, похищенные у Болдыревой, были найдены 30 марта, т. е. черезъ день послѣ совершенія убійства. Кровавый слѣдъ, какъ видите, не обрывается на 98 году, слѣдя по немъ, мы доходимъ до мѣста и дня совершенія убійства и застаемъ тамъ отца и сына Карповыхъ. Сознаніе послѣдняго открываетъ намъ двери далѣе и здѣсь мы видимъ запечатлѣннымъ образъ убійцы Александра Карпова. Эти факты слишкомъ краснорѣчиво говорятъ за себя. Слова излишни, они отдаляютъ время вашего приговора, они отдаляютъ отъ насъ лишь ту истину, которую услышать мы ожидаемъ и которая должна про-

лить свѣтъ не только въ этомъ дѣлѣ, но еще откликнуться далеко, тамъ, въ царствѣ скорбиа и слезъ. Послѣдите же постановить свой приговоръ и отогнать имъ тотъ кошмаръ, который навѣявъ на общество настоящимъ дѣломъ и снявъ тотъ укоръ, который лежитъ на судьяхъ общественной совѣсти!...

Послѣ В. И. Добровольскаго говорилъ представитель гражданской истицы—жены осужденнаго Тальмы—прис. повѣр. г. Грушецкій.

Къ сожалѣнію, рѣчь г. Грушецкаго не доставлена намъ корреспондентомъ въ подробномъ изложеніи.

Въ своей рѣчи онъ указывалъ на сознание всѣхъ троихъ подсудимыхъ, задается вопросомъ, одинъ ли А. Карповъ убилъ Болдыреву и не былъ ли онъ соучастникомъ А. Тальмы, причемъ считаетъ послѣднее предположеніе абсурднымъ; охарактеризовавъ личность подсудимаго, какъ человѣка, у котораго были всѣ задатки на совершеніе подобнаго преступленія, г. Грушецкій переходитъ къ мотивамъ его, и считаетъ, что Карповъ убилъ Болдыреву съ корыстными цѣлями.

Рѣчь представителя гражд. истца С. Е. Кальмановича.

„Господа судьи, господа присяжные засѣдатели! Два обстоятельства смущаютъ меня въ этомъ дѣлѣ,—и первое изъ нихъ—это то, что я выступаю въ немъ представителемъ гражданского истца. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о такомъ преступленіи, какъ убійство, тамъ, гдѣ говорятъ о пересмотрѣ, гдѣ рѣчь идетъ о любви сына къ отцу,—тамъ говорить о ста рублѣхъ (убыткѣ отъ пожара) не приходится. Мы не съ тѣмъ и пришли сюда. Но, съ другой стороны, прямо сказать, зачѣмъ мы пришли сюда—тоже нельзя. Вотъ одно обстоятельство, которое обезкураживаетъ меня. Есть и второе, смущающее меня обстоятельство—это та масса недоверія, которое вносится въ это дѣло. Почтенный представитель защиты ужъ очень много сомнѣвается. Что бы ни показывалъ свидѣтель, защита спрашиваетъ: „да правду ли вы говорите?“ Она ничему не вѣритъ, ничего признавать не хочетъ. Но есть же, наконецъ, нѣчто неизблемое, во что повѣрить и защита. Одинъ изъ такихъ неизблемыхъ фактовъ, въ которомъ, надѣюсь, никто не сомнѣвается,—это самое убійство. Хотя и тутъ я не могу поручиться, что черезъ нѣсколько лѣтъ не найдутся люди, которые станутъ увѣрять и распиваться передъ нами, что его не было. Я не ручаюсь, что черезъ нѣсколько лѣтъ они не уподобятся тому историкъ, который пришелъ къ выводу, что исторія Наполеона I—это мифъ о поклоненіи солнцу. Пока, однако, мы, слава Богу, не дошли еще до этого. Но мы все-таки чувствуемъ себя въ чрезвычайно странномъ положеніи: если бы противъ любого убійцы была выставлена хотя часть тѣхъ уликъ, которыя имѣются въ данномъ дѣлѣ, то мы ни на минуту не сомнѣвались бы въ исходѣ его дѣла; здѣсь же намъ приходится считаться съ чѣмъ-то особеннымъ. Что изъ того, что для меня все ясно, когда я вижу, что для васъ это не ясно? Между тѣмъ, видя это, я все же боюсь просить васъ о томъ, о чемъ васъ просили другіе; я боюсь просить васъ, чтобы вы забыли всѣ слухи, которымъ окружено это дѣло. Боюсь потому, что вы могли бы подумать, что слухи эти опасны для насъ. Между тѣмъ, внесите всѣ эти слухи сюда, въ судъ, и мы разобьемъ ихъ. Но слуховъ вносить сюда нельзя, они не подлежатъ вашему обсужденію, и намъ не зачѣмъ, слѣдовательно и разбивать ихъ. По слухамъ, гг. присяжные, не судятъ! А если по слухамъ не судятъ, то я и не боюсь ихъ. Я боюсь другого,—я боюсь предубѣжденія. Въ жизни человѣческой убѣжденіе играетъ громадную роль. Но есть нѣчто еще болѣе сильное и страшное—это предубѣжденіе. Если кто-нибудь скажетъ мнѣ, что 2 + 2 + 5 не девять, то, можетъ быть, фактически мнѣ и удастся разубѣдить его, доказать ему ошибку; но если мнѣ

скажутъ, что изъ тѣхъ же слагаемыхъ получилась стеариновая свѣча, то, конечно, тутъ логика будетъ уже бессильна. Мы, однако, не вѣримъ, что въ данномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ такимъ непоборимымъ врагомъ. Иначе, предположи мы только, что вы предубѣждены,—мы съ самаго начала отказались бы отъ той задачи, которую приняли на себя. Обвинитель уже сказалъ вамъ, что ваша совѣсть, ваша мысль—единственно, что вы можете и должны внести въ дѣло. На это мы и рассчитываемъ.

У насъ есть сознание, сознание не только самого Александра Карпова, но и отца и матери его, приосвоившихъ себѣ плоды его преступленія. Подумайте же надъ этимъ, гг. присяжные!

Конечно, рядомъ съ этимъ есть и нѣкоторая доля вашей неясности. Неясность эта кроется въ прошломъ процессѣ (Тальма), котораго мы не можемъ касаться, но о которомъ намъ все-таки разрѣшили упоминать. Мы вовсе не требуемъ и не ожидаемъ отъ васъ, чтобы вы легкомысленно воскликнули по поводу того процесса: „ахъ,—это судебная ошибка!“ Напротивъ, вы не были бы гражданами Россіи, если бы относились безъ должнаго уваженія къ судебнымъ приговорамъ. Это уваженіе должно жить въ васъ, но рядомъ съ этимъ вы все же не имѣете права категорически заявить, что судебныхъ ошибокъ быть не можетъ. Я позволю себѣ провести здѣсь параллель между вами, гг. присяжные, съ тѣми учеными юристами, которые засѣдаютъ въ судебной палатѣ. Когда Саратовская судебная палата составляла свое опредѣленіе по этому дѣлу,—должна же она была задаться и разрѣшить вопросъ: „какъ же мы найдемъ достаточно основаній для преданія Карпова суду, когда мы же сами передали суду Тальму, и судъ въ лицѣ гг. присяжныхъ засѣдателей призналъ его виновнымъ?“ И она давалась этимъ вопросомъ, она разрѣшила его, сказавъ: „есть данныя, и Карповъ долженъ быть преданъ суду!“ Вы, гг. присяжные засѣдатели, я увѣренъ, поступите точно также. Для этого нужно сдѣлать надъ собой лишь глубокое усиліе, и я знаю, и я вѣрю, что вы его сдѣлаете!

Засимъ я совершенно забываю о прошломъ процессѣ и перехожу къ тому дѣлу, которое вы призваны разрѣшить.

По общему правилу, люди никогда не признаютъ на себя чужой вины. И когда кто-нибудь приходитъ въ полицію и говоритъ: „я укралъ“, то ему не говорятъ: „нѣтъ, ты не укралъ“. Могутъ, однако, быть и исключенія! Такъ. Но въ такихъ случаяхъ надо доказать это. Есть на свѣтѣ психопаты—я сошлюсь на процессъ Мироновича,—но не всѣ же могутъ быть признаны психопатами. То страшное преступленіе, относительно котораго у насъ идетъ рѣчь,—если его совершила семья психопатовъ, то пошлите ихъ съ миромъ домой, но этого нѣтъ и, слѣдовательно, объ этомъ говорить не приходится. Да, я увѣренъ, что А. Карповъ убилъ Болдыреву! Пять лѣтъ тому назадъ въ этомъ же залѣ суда, хотя и при другой внѣшней обстановкѣ, я имѣлъ счастье сказать: „найдется убійца, непременно найдется!“ И онъ найденъ,—вотъ онъ!

Но вы скажете: не онъ убійца,—тутъ подкушъ. Идетъ же торговля именами среди каторжниковъ! Такъ. Значитъ, не купили ли и Карповыхъ? Господинъ прокуроръ сказалъ, что ему стыдно даже останавливаться на такомъ предположеніи. Я поступлю иначе. Я скажу: *naturalia non sunt turpia*,—что естественно, то не постыдно,—и приму это предположеніе. Итакъ, сдѣлка! Пришелъ къ Ивану Осиповичу (Карпову-отцу) нѣкій таинственный незнакомецъ и наединѣ (такія сдѣлки, вы понимаете, могутъ совершаться только наединѣ) сказалъ: „вотъ Иванъ Осиповичъ, есть у меня родственничекъ, который находится въ одномъ мѣстѣ,—здѣсь мы этого мѣста называть не можемъ, но таинственный не-

знакомецъ имѣлъ право прямо сказать „на Сахалинѣ“ — есть у меня такой родственникъ и надо его выручить. Такъ вотъ, Иванъ Осиповичъ, будьте отцомъ-благодѣтелемъ, выручите пожалуйте, прогуляйтесь вмѣсто него на Сахалинъ—что вамъ это стоитъ? Подумалъ Иванъ Осиповичъ и сказалъ: „что-жъ, извольте, прогуляюсь? Вы сами видите, до какой нѣлѣпности мы уже дошли. Но этого мало: мы дойдемъ до большаго. Нашему таинственному незнакомцу мало того, что Иванъ Осиповичъ соглашается одинъ совершить легенькую прогулочку на Сахалинъ, онъ говоритъ Ивану Осиповичу: ну пусть съ вами прогуляется туда же и жена? — отчего-же; и вашъ сынъ, — единственный и любимый сынъ? — сдѣлайте ваше одолженіе (въ публикѣ смѣхъ). Иванъ Осиповичъ на все согласенъ, было бы лишь заплачено, какъ слѣдуетъ. А что Иванъ Осиповичъ требовалъ много—въ этомъ намъ, знающимъ его, сомнѣваться не приходится. Но сторговались. Таинственный незнакомецъ уплатилъ, что слѣдуетъ, и удалился. Наступила очередь дѣйствовать Ивану Осиповичу. Но мы вѣдь знаемъ его, знаемъ, что денежки онъ очень любитъ и, конечно, ужъ приметъ мѣры исполнить порученіе какъ можно дешевле для себя. Что онъ сдѣлаетъ? Онъ возьметъ съ собой 2—3 купона, отправится къ полиціимейстеру и скажетъ: убійство Болдыревой совершилъ я. Не вѣрите? Такъ вспомните-же: я жилъ въ одномъ съ ней дворѣ, я велъ себя во время пожара крайне подозрительно, я первый сказалъ, будто Тальма крикнулъ: „ихъ тамъ зарѣзали!“—я же вѣдь зналъ, что онъ дѣйствительно зарѣзанъ, — а не вѣрите, еще вотъ вамъ и купончики, на каждомъ изъ которыхъ имѣются номера Болдыревскихъ облигацій“. И такое именно „исполненіе порученія“ было бы вполне естественно и дѣлсообразно: во-первыхъ, Ив. Карповъ пошелъ бы на Сахалинъ одинъ, а во-вторыхъ ему это очень дешево обошлось бы. Мы же видимъ, что онъ туда-же хочетъ отправить жену и сына и за это платить громадные деньги.

Такъ вотъ, гг. присяжные, до какихъ нѣлѣпостей можно дойти, если предположить въ этомъ дѣлѣ подкупъ.

Покончимъ же съ этими нѣлѣпостями о подкупѣ и займемся, по правильному выраженію прокурора, распредѣленіемъ лицъ.

Переходя къ распредѣленію ролей, я замѣчу: если вы, гг. присяжные засѣдатели, признаете, что убилъ Болдыреву и Савинову и поджегъ флигель отецъ, а не Александръ, то я спорить противъ этого не буду. Но я буду спорить противъ исключенія участія Александра въ преступленіи вообще. Даже изъ милости. Милость на чужой счетъ,—на это вы не пойдете. Есть ли, однако, доказательства, что Александръ принималъ участіе въ убійствѣ? Я долженъ сознаться, что ведетъ онъ себя здѣсь, дѣйствительно, чрезвычайно странно. Многое—говоритъ онъ—онъ позабылъ. И я вѣрю ему отчасти. Я думаю такъ: убійца—не фотографъ, убійца не наблюдаетъ за собой, а стало быть и Александръ, естественно, могъ многое забыть. Но не все. Есть такія подробности, которыхъ забыть нельзя. И вотъ это-то меня и смущаетъ. Меня смущаетъ то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ явно вретъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ его показанія и картины убійства рѣзко расходятся между собой, и этимъ пользуется защита. На этомъ она и строитъ свой планъ дѣйствій, настаивая, что онъ вретъ все время, что въ дѣйствительности онъ лишь герой, принимающій на себя—Богъ вѣсть почему и Богъ вѣсть за что—чужую вину. Для усиленія же впечатлѣнія защитникъ тутъ же напоминаетъ исторію съ кражей часовъ, увѣряя, что тогда А. Карповъ принялъ на себя чужую вину. Не во грѣхъ, однако, будь сказано, я думаю и настаиваю, что стацили тогда часы Маркелова съ Карповымъ вмѣстѣ. Онъ помогалъ своей любовницѣ и, конечно, былъ за это

вознагражденъ ею, хотя и не деньгами.—Теперь же намъ выставляютъ его героемъ, мученикомъ и желаютъ доказать, что онъ и здѣсь принимаетъ на себя чужую вину и, выгораживая кого то, рисуетъ будто-бы картину убійства по тѣмъ даннымъ, которыя почерпнулъ якобы изъ перваго процесса. Но если это такъ, то разрешите мнѣ, ради Бога, два вопроса: о форточкѣ и кинжалѣ. Впрочемъ, предвѣрительно скажемъ нѣсколько словъ о столь смущающихъ васъ телефонѣ и пактѣ. Въ 1894 году въ Пензѣ телефоновъ не было, и телефонъ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь—просто игрушка, которая могла быть оборвана и до убійства. Что касается пакти, то простой здравый смыслъ подсказываетъ, что еслибы пакля эта была принесена убійцей для поджога, то ея и не нашли бы. Ясно, стало быть, что она была въ квартирѣ Болдыревой раньше. Такимъ образомъ, и телефонъ и пакля должны были выброшены изъ дѣла.. А теперь о форточкѣ. Въ томъ процессѣ (Тальма), какъ вы знаете, о форточкѣ не было ни слова. Предполагалось, что убійца вошелъ въ двери. Говорили: онъ постучался, сказалъ, что полковникъ пріѣхалъ и, когда ему открыли, покончилъ сначала съ Савиновой, а затѣмъ и съ генеральшей. Откуда же, спрашивается, взялась эта форточка въ показаніи Александра Карпова? Логика говоритъ: если Александръ Карповъ самъ не убивалъ, а теперь говорить о форточкѣ, то ясно, что онъ слышалъ о ней отъ отца. Но если между отцомъ и сыномъ могли происходить такіе разговоры, то ясно, что дѣлалъ что-нибудь и сынъ. А въ такомъ случаѣ вамъ остается подумать надъ вопросомъ, кому удобнѣе было дѣлать въ эту форточку—груаному отцу или ловкому сыну, на вашихъ глазахъ показавшему, съ какой изумительной легкостью и быстротой онъ продѣлываетъ этотъ экспериментъ? Вотъ одинъ вопросъ, на который я жду вашего отвѣта. Второй мой вопросъ касается кинжала. Представитель науки, экспертъ профессоръ Косоротовъ, и за нимъ докторъ Ивановъ сказали вамъ: судя по ранамъ, вѣрнѣе, по ушибамъ на нихъ, кинжалъ долженъ былъ быть неравномерно отточенъ. Это они прочли по слѣдамъ преступленія. Что же видимъ мы по этому поводу въ показаніи Александра Карпова, данномъ имъ на предварительномъ слѣдствіи? Онъ говоритъ намъ: „верхъ кинжала, которымъ я убивалъ, былъ отточенъ плохо“. Что же это: зналъ ли Александръ такъ хорошо науку, въ которой и мы съ вами профаны или... онъ дѣйствительно убивалъ? Но положимъ, что вы со мной согласитесь. Тогда у васъ возникаетъ другой вопросъ: зачѣмъ же ему было рисковать, забираясь подъ кроватъ? Почему онъ выдумалъ? Я самъ отвѣчу: во-первыхъ, онъ, быть можетъ, и не выдумываетъ—вспомните экспертизу профессора Косоротова, а во-вторыхъ... во-вторыхъ ему такъ выгодно; онъ выгораживаетъ другого, выгораживаетъ отца. Ну, да, я все-таки склоненъ думать, что онъ не такъ смѣлъ, чтобы совершить такое дѣло самолично. Онъ говоритъ намъ, что убилъ Болдыреву изъ какихъ-то высшихъ побужденій, изъ желанія избавить человечество отъ такого вреднаго члена. Но гдѣ же въ такомъ случаѣ шайка этого новоявленнаго Карла Моора, гдѣ же дальнѣйшіе подвиги его въ этомъ направленіи? ихъ нѣтъ; нѣтъ потому, что — не будемте фантазировать—передъ нами не Карлъ Мооръ, а самый простой пензенскій мѣдникъ, который убиваетъ исключительно изъ корыстныхъ видовъ. Вы спросите: „какъ же дошелъ онъ до жизни такой“? Обыкновенно мы привыкли представлять себѣ цѣлую лѣстницу, по которой преступникъ долженъ же добратъ до преступленія. Въ дѣйствительности это не такъ. Въ дѣйствительности главную роль играетъ случай. Требуется лишь при этомъ въ видѣ плюса извѣстная нравственная извращенность. Былъ ли этотъ плюсъ, была ли эта нравственная извращенность въ Александрѣ Карповѣ?—Но, гг.

присяжные, припомните: чего только не испыталъ этотъ шестнадцатилѣтній пензенскій мѣдникъ! Любовь, ревность, участіе въ кражѣ, покушеніе на самоотравленіе, тюрьма, измѣна, глубокой стыдъ послѣ тюрьмы... Это ли не украшеніе для формулярнаго списка любого будущаго убійцы? А затѣмъ, какое воздѣйствіе встрѣчаетъ онъ въ семьѣ? Когда онъ шелъ къ Болдыревой отмыкать чужія шкатулки,—что говорилъ ему отецъ? Останавливать его? Нѣтъ, онъ только сердился, что сынъ не приноситъ за это денежной мзды! Подъ вліяніемъ такого отца удивительно ли, что выработался такой сынъ? Какую же роль игралъ этотъ милый воспитатель-отецъ въ данномъ дѣлѣ? Не все въ этомъ дѣлѣ установлено, а потому вамъ и не говорятъ прямо „вотъ и второй убійца!“ Но, вспомните, какъ велъ себя Иванъ Карповъ все время? Я не буду повторять, я напомишу вамъ лишь, какъ велъ онъ себя по отношенію къ собственному сыну. Онъ отобралъ у него все плоды преступленія и даже здѣсь на судѣ, гдѣ все изъ жалости къ мальчику говорили, что онъ хорошій, одинъ старикъ все время кричитъ намъ: онъ (Александръ) злой, злой!“ Почему? Да потому, что это ему нужно, нужно, чтобъ вы повѣрили въ злость сына и не подумали, что убійство совершилъ онъ, отецъ.

Оставимъ теперь людей и перейдемъ къ вещамъ. На первомъ планѣ облигаціи. Облигаціи, конечно, обличаютъ. Но вы спросите: почему же онъ такъ поздно выплыли, почему ихъ не было въ 95, 96 гг.? Я вамъ уже сказалъ: предубѣжденія вашего я не боюсь; иначе я давно сказалъ бы себѣ: „интересы наши погибли!“ И поэтому я совершенно спокойно присудилъ и къ этой части доказательствъ виновности Карповыхъ. Мнѣ нужно только, чтобы вы теперь же вспомнили, что Иванъ Карповъ—стяжатель и что онъ въ то же время дерзокъ. Первое не нуждается въ доказательствахъ, для второго же я попрошу васъ воскресить въ своей памяти поразительную сценку съ свидѣтелемъ Епифановымъ. Это было здѣсь, на судѣ, на вашихъ глазахъ. Свидѣтель уличаетъ Карпова, что онъ нѣсколько разъ мѣнялъ у него купоны, нашъ же добродѣтельный старикъ, воздѣвая руки горѣ и кланясь святыми, отвѣчаетъ: „нѣтъ, этого не было“. А когда жена тутъ же уличаетъ его во лжи, онъ спокойно замѣчаетъ: „должно быть забылъ“. Это ли не верхъ безстыдства и дерзости! Итакъ, гг. присяжные, вы вспомнили, что Иванъ Карповъ—и любостяжатель и дерзокъ, и мы можемъ теперь поговорить объ облигаціяхъ. Что такое облигація для бѣдной семьи пензенскаго мѣдника? Да это идеаль всей его жизни, это обезпеченіе на весь вѣкъ почти; это то, за что онъ будетъ цѣпляться зубами и разстанется лишь въ случаѣ крайности. А тутъ еще опасность: мало ли людей, которыхъ мучить тотъ ужасный процессъ, и которые сейчасъ же могутъ узнать эти облигаціи! Какъ же ихъ выпускать? Тѣмъ болѣе, что на первыхъ порахъ—и очень продолжительно—въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Вѣдь кромѣ облигацій—вспомните это, гг. присяжные,—были и деньги и вещи. Были, наконецъ, купоны отъ этихъ облигацій. Ходъ дѣла, значить, ясенъ: сначала шли деньги и вещи, затѣмъ купоны (они вѣдь тоже не такъ опасны—въ этомъ мы убѣдились) и лишь тогда, когда и купоновъ не хватало, когда отъ облигацій нечего уже было отрѣзывать, рискнули пустить въ ходъ и самыя облигаціи. Коровы перестала давать молоко, кормиться отъ нея больше нельзя,—ее продаютъ. Это вѣдь такъ ясно и естественно! А тутъ еще и давность. Да, гг. присяжные засѣдатели, они дожидались и думали, что дождались давности, той давности, которая покрываетъ преступленіе...

У насъ почему-то принято думать, что народъ совѣсьмъ не знаетъ, что такое давность. Неправда: онъ отлично знаетъ это, а такіе господа, какъ Иванъ Карповъ и особенно Александръ, который

побывалъ уже въ тюрьмѣ,—о, такіе господа знаютъ и помнятъ о ней даже лучше, чѣмъ мы съ вами. Они отлично знаютъ значеніе манифестовъ, а мы знаемъ, что народъ обыкновенно склоненъ даже преувеличивать милости манифестовъ. А вѣдь манифесты касаются и давности. Ну-съ, такъ вотъ: я вамъ могъ бы доказать сейчасъ,—если бы вы не были такъ утомлены,—что при нѣкоторой ошибкѣ въ вычисленияхъ, ошибкѣ, возможной даже и для юриста, срокъ давности по убійству генеральши Болдыревой кончился въ 1898 г. Но тутъ мы опять неминуемо встрѣчаемся съ вопросомъ о подкупѣ. „Они пошли, скажете вы, на подкупъ именно потому, что ихъ обманули давностью“. Такъ. Но въ такомъ случаѣ, господа, объясните же мнѣ ради Бога, что жъ и г-жа Вилимъ была подкуплена и всѣ остальные? Мнѣ невольно вспоминается здѣсь веселенькій рассказъ американскаго юмориста Марка Твена объ эмиссарѣ Трансваала Лейдсѣ. Маркъ Твенъ увѣряетъ, что Лейдсѣ долженъ былъ колоссально богатъ, ибо... ибо развѣзжаетъ по Европѣ и подкупаетъ въ пользу буровъ всѣхъ государей. Очевидно, и тотъ таинственный незнакомецъ, о которомъ я говорилъ въ началѣ своей рѣчи, тоже колоссально богатъ, ибо онъ подкупаетъ... почти всю Пензу. Но вѣдь въ такомъ случаѣ онъ по меньшей мѣрѣ роздалъ все деньги и всѣ облигаціи. Зачѣмъ же было тогда убивать и грабить? Опять, стало быть, нелѣпость. Оставимъ же снова эти нелѣпости и займемся Ивановымъ и Александромъ Карповыми.

Итакъ, сталъ Иванъ Осиповичъ смѣлѣе, а тутъ и сынъ подростъ. Смотрите же, какъ держится онъ съ этимъ сыномъ? Онъ даетъ ему полный просторъ... Саня ходитъ по театрамъ, Саня ходитъ на охоту, Саня имѣетъ свое ружье, носитъ лакированные сапожки, Саня отлыниваетъ отъ работы?.. Почему? А потому, что Саня всегда можетъ сказать Ивану Осиповичу: „папая, помни!“... И вздоръ, будто, когда Саня понадобилось спасти любимую дѣвушку (Захарову), онъ укралъ у родителей облигацію. И у кого? У Христины-то? У Христины, которая, подобно скупому рыцарю, должна была еженочно открывать сундукъ и дрожащими руками пересчитывать свое сокровище? Не укралъ эту облигацію,—ее просто потребовали, потребовали, а затѣмъ пытались размѣнять при помощи весьма почтенныхъ и... весьма наивныхъ дамъ! Вспомните дальше, какъ ведетъ себя Александръ, когда его задерживаютъ. Онъ вынужденъ сдѣлать признаніе, но онъ говоритъ: „Позовите отца! Отца и Захарову!“ Почему? А потому, что отецъ долженъ знать, въ чемъ именно онъ сознался, долженъ знать, что онъ его не выдалъ; Захарова же... Захарова ему нужна, какъ нуженъ любящей женщиной мужъ, когда она родитъ: роды легче!

Да, гг. присяжные засѣдатели, Александръ—убійца, но онъ скрываетъ и другого. Кого, мы уже знаемъ!

Остается Христина Карнова. Но, гг. присяжные засѣдатели, я бы считалъ позоромъ для г-жи Тальмы требовать убытковъ съ нея: Христина достаточно наказана уже однимъ тѣмъ, что она—жена такого мужа и мать такого сына!

Я заканчиваю, гг. присяжные засѣдатели. Судьба Тальмы пусть васъ не смущаетъ. Вамъ объяснили порядокъ пересмотра и вы знаете, что судьба Тальмы въ надежныхъ рукахъ. Разрѣшите же только по совѣсти!

Часъ ночи. Объявляется перерывъ засѣданія до 10 часовъ утра слѣдующаго дня.

25 апрѣля (5-й день). Рѣчь прис. пов. О. Г. Гиршфельда. „Господа судьи и господа присяжные засѣдатели! Не надо, кажется, много доказывать, что положеніе мое въ настоящемъ процессѣ затруднительно. Много ужъ очень въ этомъ процессѣ привходящихъ элементовъ, обязывающихъ меня быть особенно корректнымъ. Предо мною судъ, озобоченный

изысканіемъ правды средствами, дозволенными только уставомъ уголовнаго судопроизводства. Предо мною прокурорская власть, настойчиво требующая воздѣйствія вашего надъ дѣятелями событій, бывшихъ во флигелѣ Болдыревой. Предо мною вся Россія нарочито, въ лицѣ представителей печати, прибывшая въ Пензу для познанія тайны настоящаго дѣла. Наконецъ, предо мною образъ осужденнаго Тальмы. Этотъ образъ меня преслѣдуетъ; сначала онъ какъ-бы говорилъ мнѣ: „Господинъ защитникъ Карпова! я страдаю; я безконечно измученъ; ради Бога, не стройте защиту на моихъ изможденныхъ плечахъ. Не полагайте счастья Карпова на моемъ несчастіи!“ Но затѣмъ образъ этотъ почему-то принялъ грозное выраженіе и съ гнѣвомъ сказалъ мнѣ: „а если вы, милостивый государь, осмѣлитесь нарушать мой интересъ, то черезъ родственниковъ я пришло въ судъ дѣлу фалангу представителей, которыхъ я предварительно загниотирую, которыхъ лицу способности видѣть очевидное, которыхъ я склоню и къ насмѣшкамъ и къ уколамъ противъ Карповыхъ“. Видѣніе послѣднее приняло плотъ: дѣйствительно явилось три представителя интересовъ Тальмы. Они вошли въ процессъ подъ скромнымъ названіемъ гражданскихъ истцовъ; но затѣмъ, проникнувъ къ намъ, они сняли съ себя маски и заявили, что дѣль у нихъ иная, глубокая, и что дѣли этой они намѣрены достигнуть обвинительнымъ приговоромъ по настоящему дѣлу. Множественность этихъ представителей и дѣлаетъ мое положеніе исключительно труднымъ.

Эти представители использовали три различныхъ приема. Первый (г. Добровольскій) взялъ на себя экспрессию: сильно, горячо настаивая на обвиненіи, онъ заявилъ, что торопится кончить, дабы не задержать приближенія того момента, когда раскроятся двери дорогаго ему узника. Второй (г. Грушецкій) взялъ на себя трудъ подкладыванія вашему вниманію отдѣльныхъ уликъ: „Вотъ—говоритъ онъ—кинжалчикъ, вотъ купончикъ, вотъ футлярчикъ, вотъ книжечка записная и т. д.“ Третій представитель (г. Кальмановичъ) занялся вышучиваніемъ дѣйствительно напрашивающихся предположеній, изглаживаніемъ впечатлѣній отъ рѣчей его товарищей. Онъ какъ бы сказалъ имъ: „братцы! дѣло дряннѣ! мы накладываемъ такія краски, что насъ примутъ за злыхъ; надо проявить и доброту; мы этимъ вѣрнѣе подкосимъ защиту“. И вотъ онъ восклицаетъ: „Христина Карпова! ко мнѣ на грудь! Но когда онъ увидалъ ея недоумѣніе и прочелъ въ ея лицѣ слова: „Милый! да что жетъ вы можете съ меня взыскать? вѣдь я нищая, вѣдь вся моя семья находится на мостовой“,—когда онъ прочиталъ это, то осѣлся и сѣлъ. Слыша всѣхъ этихъ представителей, я понять не могу, о чемъ они беспокоятся, чего хотѣть, когда, по ихъ словамъ, „судьба Тальмы находится въ твердыхъ и надежныхъ рукахъ“. О какихъ рукахъ идетъ здѣсь рѣчь? Если эти твердыя руки принадлежатъ имъ, гражданскимъ истцамъ, такъ я не отдамъ имъ Александра Карпова и судью его подъ ноги Александра Тальмы не брошу.

Какъ бы, однако, гг. присяжные засѣдатели, положеніе мое ни было труднымъ, тѣмъ не менѣе я приступаю къ дѣлу съ надеждой.

Надежду эту я основываю на вашей присягѣ, которую, вы, конечно, помните. Интересна, господа присяжные засѣдатели, редакция французской присяги; она, между прочимъ, гласитъ: „Вы торжественно клянетесь и общаетесь предъ Богомъ приговоръ свой основать на тщательномъ изученіи уликъ и объясненій защиты!“ Хотя въ нашей присягѣ объ объясненіяхъ защиты ничего не говорится, тѣмъ не менѣе по общему смыслу ея и на точномъ основаніи закона, вы обязаны принять въ расчетъ и мои объясненія, такъ какъ вашъ приговоръ долженъ быть равнодѣйствующей всего, что вошло въ слѣдствіе.

Переходя къ дѣлу, я позволю себѣ сдѣлать два разъясненія чисто юридическаго свойства. Гражданскіе истцы внѣдряли въ васъ ту мысль, что обвиненіе Карпова неуклонно поведетъ къ возобновленію процесса Тальмы и для убѣжденія васъ въ этомъ они сослались на законъ. Съ разумной для ихъ дѣли осторожностью они, однако, содержанія закона вамъ не сказали. Вотъ его содержаніе: если по осужденіи одного въ какомъ-нибудь преступленіи осужденъ будетъ другой за то же самое преступленіе и если преступленіе это такого свойства, что виновность одного исключаетъ виновность другого, то дѣло о первомъ осужденномъ можетъ быть возобновлено. Теперь я васъ спрашиваю:

Какое отношеніе этотъ законъ имѣетъ къ настоящему дѣлу? Развѣ убійство Болдыревой не могло быть учинено двумя или нѣсколькими лицами? Такъ отгоните же, гг. присяжные засѣдатели, мысль, навѣянную вамъ гг. гражданскими истцами, и знайте, что обвинительный приговоръ надъ Карповымъ послѣдняго погубитъ, никого не спасетъ!

Второе мое замѣчаніе касается разницы, которая существуетъ между гражданскимъ и уголовнымъ процессомъ. Въ гражданскомъ процессѣ отвѣтчикъ погибаетъ, если молчитъ, въ томъ случаѣ, когда истецъ представляетъ какія-либо доказательства, хоть сколько-нибудь достовѣрныя. Въ уголовномъ процессѣ отвѣтчикъ (обвиняемый) не только отъ молчанія, но даже отъ признанія ничего не теряетъ, а истецъ (обвинительная власть), кромѣ доказательства своего иска, долженъ привести еще доказательства, что молчаніе и признаніе обвиняемаго является результатомъ исключительно того, что ему нечего сказать въ свое оправданіе. Эту разницу прошу васъ помнить.

Объяснивъ, далѣе, что такое судъ присяжныхъ, защитникъ говоритъ: „такой именно судъ однажды уже высказался по дѣлу объ убійствѣ Болдыревой. Изъ обвинительнаго опредѣленія палаты по настоящему дѣлу мы знаемъ, что въ убійствѣ Болдыревой признанъ виновнымъ Тальма. Мы знаемъ, что къ этому приговору отнеслись съ довѣріемъ, т. е. что приговоръ сей обратили къ исполненію, между тѣмъ какъ власти имѣли возможность поступить съ этимъ приговоромъ нѣсколько иначе, еслибы у нихъ были какія-либо сомнѣнія относительно виновности Тальмы. Долженъ замѣтить, что тотъ приговоръ, очевидно, признанъ состоявшимся безъ нарушенія какихъ бы то ни было формъ судопроизводства, т. е. нельзя, значить, и того сказать, что при судѣ надъ Тальмой были стороннія формальныя затрудненія, заслонившія отъ гг. присяжныхъ настоящую истину. Изъ упомянутаго уже опредѣленія палаты мы даже знаемъ мотивы, въ силу коихъ Тальма былъ преданъ суду. Не трудно, именно, догадаться, что тѣ мотивы предъ присяжными стояли до крайности ярко, если гг. присяжные осудили Тальму, быть можетъ, даже со слезами на глазахъ. Что же, однако, это за мотивы и что стало съ ними въ настоящее время? Какъ въ 1895 году, такъ и въ 1900 г. представляется вѣроятнымъ, что убійца былъ впущенъ въ квартиру; какъ тогда, такъ и теперь предполагается, что убійцей былъ человекъ знакомый съ домашней обстановкой Болдыревой и съ ея денежными хранилищами; какъ тогда было ясно, такъ ясно и теперь, что Тальма былъ близкимъ къ Болдыревой лицомъ; какъ тогда, такъ и теперь личныя отношенія между Болдыревой и Тальмой представлялись и представляются не измѣнившимися. Такъ что же, гг. присяжные засѣдатели, случилось новаго? Почему мы опять обуждаемъ дѣло объ убійствѣ Болдыревой?—Въ совершеніи сего убійства созналось другое лицо—Александръ Карповъ“.

„При такихъ условіяхъ, когда рѣчь идетъ о виновности одного, то совершенно ясной представляется такая дилемма: либо Карповъ, либо Тальма, либо кто-нибудь другой. Иначе говоря: виновность одного

исключать виновность другого. Достаточно хоть на минуту стать на эту точку зрѣнія, чтобы признать всю невозможность при настоящихъ условіяхъ имѣть правильное сужденіе о дѣлѣ. Силою напрашивается такая мысль: поставьте рядомъ съ Карповымъ Тальму, рядомъ со свидѣтелями по дѣлу Карповыхъ, свидѣтелей по дѣлу Тальмы, и мы тогда безошибочно скажемъ вамъ, кто изъ нихъ виноватъ, а можетъ быть, и скажемъ, что изъ сихъ двоихъ ни одинъ не виноватъ. Эта мысль, гг. присяжные засѣдатели, выплзла изъ всѣхъ норъ процесса, но вы изволили видѣть, что судъ не нашель возможнымъ идти ей на встрѣчу и дать ей жизнь и плоть. Какъ же быть намъ? какъ намъ при условіи, что совершилъ убійство одинъ, и что одинъ уже осужденъ и что приговоръ о немъ не отмѣненъ, и что мы не знаемъ обстоятельствъ того дѣла,—какъ намъ при такихъ условіяхъ обвинить Карпова? Да, помилуйте,—скажутъ намъ,—вѣдь, Карповъ самъ сознался. Что же вы еще хотите? Но, позвольте: по вашему вотъ онъ сознался, а Тальма, тѣмъ не менѣе, отбываетъ наказание. Значитъ, по мнѣнію властей и по смыслу закона, одно сознание ни о чемъ еще не свидѣтельствуешь, какъ и одна ласточка весны не дѣлаетъ. Значитъ, сознание это надо анализировать. Надо опредѣлить, насколько оно согласно съ обстоятельствами дѣла. Но вѣдь мы опять, такимъ образомъ, пришли къ стѣнѣ: разъ сознание это нужно сопоставить съ обстоятельствами дѣла, то давайте намъ эти обстоятельства и притомъ обязательно полностью, т. е. давайте намъ и тѣ обстоятельства, которые были въ виду гг. присяжныхъ въ 1895 году. Пожалуй, гг. присяжные засѣдатели, я это буду сорокъ разъ повторять, а все же мы поставлены въ необходимость рѣшить настоящее дѣло при наличныхъ условіяхъ.

При наличныхъ условіяхъ осторожность нужна чрезвычайная: на вѣру юты взять нельзя; каждую улику надо переворачивать на всѣ стороны и лишь въ томъ случаѣ, если каждый изъ васъ сможетъ сказать: „я вполне убѣдился, что Карповъ сознался правильно, что сознание его свободно, что оно не вынуждено ни корыстью, ни самопожертвованіемъ, ни психозомъ“,—лишь въ этомъ случаѣ вы скажете: „мартовское убійство 1894 года совершено руками Александра Карпова“. Перейдемъ же къ повѣркѣ этого сознанія.

Но предварительно покончимъ съ вопросомъ о виновности Христины Карповой. Полагаю, гг. присяжные засѣдатели, что если вы признаете, что въ семьѣ она занимала подчиненное положеніе, что воли своей она не имѣла, а вѣчно творила волю мужа, то силою 754 ст. уст. угол. судопр., дающей вамъ право обсуждать вопросъ о вѣнчани и вѣд условій, указанныхъ въ ст. угол. о наказ., вы Христинѣ Карповой не вѣнчите въ виду размѣнъ купоновъ, сдѣланный по приказу мужа. Подчиненность же положенія ея въ домѣ вамъ слѣдуетъ признать безусловно существующей, если въ пользу противнаго не представлено прямыхъ неоспоримыхъ доказательствъ. Всѣ женщины вообще занимають въ домѣ позицію неважную. Рабское ихъ положеніе красною нитью проходитъ по исторіи человѣчества. Когда Европа цивилизовалась и достигла значительной степени развитія въ духовномъ, умственномъ и иныхъ отношеніяхъ, можно было ожидать улучшенія положенія женщины, и таковое дѣйствительно послѣдовало бы, если бы не случилось одного неблагоприятнаго обстоятельства; я говорю о формѣ, привятой народнымъ хозяйствомъ, о капитализмѣ съ его базисомъ—институтомъ частной собственности. Этотъ послѣдній окрасилъ всѣ проявленія человѣческой жизни; въ семью онъ внесъ такое же отношеніе между мужемъ и женой, какое существуетъ между хозяиномъ и вещью. Полагаю, что не надо забираться въ дебри философіи для того, чтобы признать, что положеніе жены—положе-

ніе подчиненное, подопечное, безответственное. Господа присяжные засѣдатели, положеніе Христины Карповой именно и было таковымъ, какъ я его сейчасъ представилъ; повѣрите, герон Островскаго еще живы, а ихъ бессмысленные крики: „жена, скажи, чего моя нога хочетъ?“ раздаются и теперь, хотя, можетъ быть, и въ иной, пожалуй болѣе грубой формѣ. Примите все это во вниманіе и скажите по совѣсти: можно ли поставить въ вину Христинѣ Карповой то, что она сдѣлала? Мужъ ей говоритъ: „иди, мѣняй купоны!“ и она шла и мѣняла; вотъ въ чемъ она ловинна,—и единственно только въ этомъ. Вѣдь, она гроша мѣднаго на себя не трогала: какъ ранѣе она не допивала и не доѣдала, такъ и теперь; какъ ранѣе она грустно одѣвалась, въ томъ же грустномъ и ветхомъ одѣяніи она сидитъ сейчасъ и передъ вами (подсудимая горько плачетъ).

И мнѣ страшно подумать, гг. присяжные засѣдатели, если вы не отгадите ея шестерымъ ея малюткамъ, сейчасъ ждущимъ съ тревогой, „что-то будетъ съ мамой?“ Да, я увѣренъ, что о ней-то вы во всякомъ случаѣ скажете: „нѣтъ не виновна!“

Перехожу къ защитѣ Александра Карпова. Какія данныя выдвигаются обвинителями противъ него? Первое: Болдыревскіе билеты оказались у Карповыхъ; по показаніямъ свидѣтелей, находеніе, по крайней мѣрѣ, купоновъ восходитъ къ срединѣ 1898 года, по показаніямъ самихъ Карповыхъ билеты попали къ нимъ вслѣдъ за убійствомъ въ 1894 году. Второе: Александръ Карповъ знаетъ обтановку Болдыревой и ея привычки. Третье: Карповы не навидѣли Болдыреву. Четвертое: черезъ форточку пролѣзть можно. Пятое: Найденное по осмотру на трупахъ не противорѣчитъ показаніямъ Карпова. Шестое: родители Карпова сами выдають его головой. Седьмое: Александръ Карповъ—рецидивистъ: онъ судился за кражу въ домѣ Болдыревой въ 1893 году. Восьмое: Карповы вообще и Александръ въ частности постѣ убійства Болдыревой стали жить и одѣваться лучше. Девятое: Александръ Карповъ—дурной мальчишка, развратный, а отецъ его—пьяница. Десятое: жильцы соседняго дома слышали послѣ двухъ часовъ ночи ходьбу въ проулкѣ.. Вотъ, гг. присяжные засѣдатели, весь обвинительный арсеналь, который выставленъ противъ Александра Карпова, причемъ въ вѣнчѣ сего арсенала стоитъ собственное его сознаніе. Согласитесь, арсеналь въ смыслѣ убѣдительности очень бѣдный, если не считать сознанія, о которомъ рѣчь наша будетъ въ концѣ.

Вотъ какъ смотритъ защита на тотъ обвинительный „арсеналь“, который выставленъ противъ Александра Карпова: имѣются билеты. Такъ. Но установлено ли время ихъ поступленія къ Карповымъ? Нѣтъ! Это время не установлено и скорѣе всего можно придти къ заключенію, что попали къ нимъ билеты отнюдь не ранѣе 98 г. Но если даже повѣрить Карповымъ,—защита имъ не вѣрять и не можетъ вѣрять въ виду противорѣчій,—что билеты попали къ нимъ въ 94 году, то о чемъ это должно свидѣтельствовать? „Что въ такомъ случаѣ можно сказать?“ спрашиваетъ защита.—Да то же, что и въ иномъ случаѣ, т. е., что надо бы узнать, какъ эти билеты къ Карповымъ попали? Одинаково возможно, какъ то, что Карповъ самъ ихъ забылъ, такъ и то, что кто-либо далъ ихъ Карповымъ, причѣмъ дать ихъ Карповымъ могли либо на храненіе, либо изъ извѣстнаго интереса. То и другое предположеніе вѣроятно не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ предположеніе, дѣлаемое прокурорскимъ надзоромъ. И въ самомъ дѣлѣ, почему нельзя допустить того, что истинный виновникъ, укравъ билеты, отнесъ таковые на храненіе къ Карповымъ, а тѣ, затѣмъ, оные присвоили, зная, что виновникъ не осмѣлится ихъ выдать, такъ какъ, выдавая ихъ, онъ выдалъ бы себя? Точно также, почему нельзя допустить, что

истинный виновникъ, наступившій случайно въ моментъ выхода изъ флигеля Болдыревой Карповымъ, заплатилъ Карповъ билетами за молчаніе? Никто не скажетъ, почему это—маловѣроятно, и въ защиту отъ такихъ предположеній обвинитель долженъ будетъ сослаться на то же, пресловутое и подлежащее повѣркѣ, сознание. Наконецъ, почему, возвращаясь къ прежней моей верси, нельзя допустить того, что родные осужденнаго Тальмы, исполненные глубокой любви и жалости къ ближнему имъ человѣку, прибывающему на каторгѣ, рѣшили во что бы то ни стало облегчить его участь путемъ нахождения ему замѣстителя, котораго можно успокоить доказательствомъ, что, взявъ на себя вину, онъ и богатство приобрететъ и въ тюрьму не попадетъ. Это же такъ естественно. Если представить себѣ на время, что это именно такъ, то трудно найти людей, которые обвинили бы родныхъ за такую попытку, хотя, конечно, она преступна*.

Итакъ, ни находеніе билетовъ у Карповыхъ въ 1894 г., ни такое же находеніе въ 1898 г. само по себѣ ничего не доказываетъ. То и другое можетъ быть объясняемо различно. Но, можетъ быть, другія обстоятельства сдѣлаютъ болѣе вѣроятнымъ толкованіе именно прокурорскаго надзора? Какія же это обстоятельства? Не тѣ-ли, что Карповъ зналъ обстановку Болдыревой и что врачи нашли показаніе Карпова не противорѣчащимъ даннымъ осмотра? Ни въ какомъ случаѣ! Вѣдь и Тальма зналъ обстановку Болдыревой и, между прочимъ, въ виду этого званія онъ преданъ былъ суду, а теперь говорятъ, что то было ошибочное преданіе суду. Что же касается совпаденія показанія Карпова съ данными осмотра, то его можно объяснить тѣмъ фактомъ, что Карповъ былъ свидѣтелемъ въ первомъ процессѣ, и потому зналъ, какъ нужно показывать для того, чтобы не изобличить немедленно несообразности въ его показаніяхъ. Наконецъ, я утверждаю, что вовсе нѣтъ совпаденія между его показаніемъ и данными осмотра, по крайней мѣрѣ, большая степень совпаденія получила лишь послѣ повторныхъ допросовъ. Дозволительно думать, что послѣ каждого допроса умный Карповъ усматривалъ прорѣхи предыдущаго показанія и вносилъ поправки согласно съ духомъ предлагаемыхъ вопросовъ и согласно ожидавшимся подробностямъ протекшаго процесса Тальмы. Вспомните, гг. присяжные засѣдатели, что Карповъ, котораго считаютъ умнымъ, дьявольски хитрымъ и предусмотрительнымъ, въ процессѣ Тальмы былъ допрошенъ по порядку четвертымъ, и что передъ нимъ продефилировала сотня свидѣтелей, устанавливавшихъ modus убійства совместно съ врачами. Ну, такъ можно ли дѣлать обвинительные выводы изъ того, что Карповъ зналъ обстановку Болдыревой и вѣроятный способъ убійства? Не поможетъ ли въ такомъ случаѣ дѣлу обвиненія какъ то, что Карповъ уже судился за кражу и къ тому же еще у той же Болдыревой, такъ и то, что личность Карпова вообще не важна?

Эти два факта въ томъ видѣ, въ какомъ они установлены, не только не поддерживаютъ обвиненіе, но наоборотъ, окончательно его опрокидываютъ. Утверждаю это потому, что личность Карпова рисуется въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Я объ этомъ подробно буду говорить впоследствии. Пока замѣчу только, что въ его молодости былъ лишь фривольный фактъ и то онъ имѣлъ мѣсто не по его инициативѣ, а по инициативѣ другого лица, раздражавшаго его половую сферу и втягивавшаго его въ развратъ. Что же касается его судимости, то,—суди меня Богъ.— а я категорически заявляю, что онъ былъ осужденъ за чужую вину, за вину той, которая развратила его, до того времени, безпорочное тѣло. Вспомните, гг. присяжные засѣдатели, показаніе Синицына и протоколъ осмотра дѣла о Карповѣ, и вы сразу увидите, что я говорю не голословно. Какъ же намъ быть, гг. присяжные засѣдатели? Въ чемъ

искать опору для выводовъ обвинительнаго опредѣленія палаты? Не въ томъ-ли, что, по показаніямъ Михайловой, Борисовой и Владыкиной, въ третьемъ часу ночи кто-то пробѣжалъ по проулку и въ томъ, что, согласно сему, Карповъ говорилъ, что въ проулкѣ онъ забѣжалъ для того, чтобы убрать оставленные тамъ калоши и стамеску? Нѣтъ и нѣтъ, гг. присяжные засѣдатели!... Не подлежитъ сомнѣнію, что по проулку въ указанное время ходили. Но кто ходилъ,—это такой же вопросъ, какъ то, какимъ образомъ билеты очутились у Карповыхъ. Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что ходилъ по проулку преступникъ, но полагаю, не за тѣмъ, чтобы лѣзть въ форточку, а для того, чтобы видѣть, что дѣлается во флигелѣ, и тѣмъ самымъ опредѣлить, время ли входить въ домъ. Если черезъ форточку возможно было попасть во флигель, то это не значить, что такимъ именно путемъ злодѣй проникъ въ домъ, ибо, если злодѣй былъ Карповъ, то надо замѣтить, что ему не было надобности лѣзть въ форточку, такъ какъ его подъ благовиднымъ предлогомъ пустила бы и въ дверь не только Савинова, но и сама Болдырева... И если бы Карповъ проникалъ въ форточку, то онъ не иначе, какъ этимъ же путемъ убѣжалъ бы при первой тревогѣ, а не лѣзъ на рожонъ, т. е. на живого человѣка, который можетъ его погубить. Самому же Карпову былъ расчетъ показать, что проникать онъ черезъ форточку. Во-первыхъ, онъ однажды показалъ уже такъ по другому дѣлу и тогда ему повѣрили безъ всякой повѣрки; во-вторыхъ, указаніемъ на такой способъ проникновенія онъ, по его мнѣнію, совершенно разрушалъ построенія о томъ, что, если входили черезъ дверь, у которой всѣ заперы въ порядкѣ, то, значитъ, входилъ никто другой, какъ очень близкій человѣкъ, т. е. самъ Тальма.

Покончивъ съ обвинительнымъ „арсеналомъ“ и не останавливаясь на ненависти Карповыхъ къ Болдыревой, какъ „самой вздорной изъ всѣхъ уликъ“, защита переходитъ къ сознанію Александра Карпова, въ которомъ ее поражаютъ слѣдующія черты: „Такихъ фактовъ, которые окончательно гнусятъ и возмущаютъ всякаго человѣка,—такихъ фактовъ онъ признавать не хочетъ. Такъ, онъ не признаетъ того, чтобы онъ переворачивалъ трупъ Болдыревой; затѣмъ, онъ не признаетъ того, что Савиновой онъ дѣлалъ посмертные уколы; наконецъ, онъ не признаетъ того, чтобы обещалъ трупъ вышущеннымъ изъ подушекъ пухомъ. Чѣмъ это объяснить? А тѣмъ, что Карповъ, идущій на все, готовый жизнью пожертвовать, лишь бы его признали убійцей, все же до такой степени гнушается перечисленныхъ подробностей убійства, что ни за что на свѣтѣ, даже подъ страхомъ скомпрометировать свое сознаніе, не хочетъ и не можетъ приписывать себѣ эти подробности. Онъ превышаетъ все, что можетъ допустить его, на самомъ дѣлѣ чистая, душа. Далѣе, въ его сознаніи поражаетъ неустойчивость его показанія относительно такихъ подробностей, воспоминанія о которыхъ ни въ какомъ случаѣ не могли бы изгладиться у него изъ памяти, если бы онъ былъ дѣятелемъ во флигелѣ Болдыревой 27 марта 1894 года. Такъ, онъ первый разъ показалъ, что прятался за комодъ, что Савиновой онъ нанесъ одинъ ударъ, что въ комнатѣ Савиновой ни свѣчи, ни огарка не было, что въ проулочекъ въ 2 часа ночи онъ не выходилъ и т. д. Во второй же и въ третій разъ онъ въ рассказъ свой вноситъ все больше и больше фактовъ, а прежнія данныя мнѣняетъ, и это обстоятельство объясняется не естественнымъ оживаніемъ подробностей происшествія, а вдумчивостью въ смыслъ и значеніе вопросовъ слѣдователя. Вы изволили слышать, какъ самъ Карповъ объяснилъ разницу въ нѣкоторыхъ частяхъ его показанія: „я говорю, онъ, показалъ сначала, что спрятался за комодъ. Поэтому, не все ли для меня равно, гдѣ я спрятался, если я убилъ? Слѣдо-

ватель мнѣ доказалъ, что за комодъ спрятаться нельзя, я и заявилъ, что я спрятался подъ кровать. Я сказалъ, что Савиновой нанесъ одинъ ударъ, а слѣдователь сказалъ мнѣ, что найдены двѣ, а не одна рана. Тогда я сказалъ, что два раза ударилъ Савинову“.

Гг. присяжные засѣдатели! Когда обвиняемый мѣняетъ физиономію такихъ фактовъ, которыхъ въ ихъ истинномъ видѣ забыть нельзя, и оглашеніе которыхъ вредить кому-нибудь не можетъ, то знайте, что обвиняемый этотъ не въ курсѣ дѣла, которое онъ себѣ приписываетъ. Я утверждаю, что Карповъ не знаетъ, какъ происходило убійство Болдыревой: чуть-чуть выходитъ изъ предѣловъ свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ изъ процесса Тальмы,—онъ не знаетъ, выдумываетъ и тѣмъ самымъ блестяще себя оправдываетъ.

Гг. присяжные засѣдатели! закончилъ свою рѣчь защитникъ. Если грустно при мысли, что судьба Тальмы—результатъ ошибки, то будетъ еще грустнѣе, если къ этой ошибкѣ мы, вмѣсто разъясненія, прибавимъ еще новую ошибку. И я лично буду удовлетворенъ только при одномъ условіи: если на всѣ вопросы во всѣхъ версіяхъ вы отвѣтите: „нѣтъ, не виновенъ“. Вотъ я о чемъ ходатайствую“.

Рѣчь прис. повѣр. Козлова (защитн. Ив. Карпова).

„Я могу сравнить свое положеніе съ тѣмъ, какое занимаютъ въ настоящее время буры по отношенію къ англичанамъ... Это сходство можно довести до самыхъ мелочей: въ лицѣ своихъ противниковъ (англичанъ) я имѣю передъ собою представителей и со стороны правительства-прокурора, и со стороны колоній—представителей гражданского иска, и даже со стороны тѣхъ, кто долженъ быть считаться моимъ союзникомъ—моего уважаемаго коллегу. Что-жъ? пусть будетъ такъ,— пусть я буду тѣми бурами, на которыхъ обрушился всѣ, но которые не хотятъ сдаваться и просить пощады. Я заявляю открыто, какъ президентъ Крюгеръ: „будемъ биться до послѣдней капли крови“.

Но перехожу къ дѣлу,—къ защитѣ своего кліента. Вы хорошо, гг. присяжные, понимаете, что судьба Ивана Карпова тѣсно связана съ судьбой его сына: если вы оправдаете Александра Карпова, то тѣмъ самымъ вы оправдаете и отца его. Поэтому, я вкратцѣ приведу тѣ факты, которые говорятъ о невозможности, чтобы А. Карповъ совершилъ преступленіе или одинъ или въ соучастіи съ другимъ лицомъ.

Прежде всего, вы, гг. присяжные засѣдатели, конечно, обратили вниманіе на то, что въ своихъ показаніяхъ онъ путается на каждомъ шагѣ. Далѣе, судебнымъ слѣдствіемъ положительно установлено, что человекъ, бѣжавшій въ проулкѣ, былъ обутъ въ высокихъ сапогахъ; тогда какъ А. Карповъ имѣлъ на ногахъ ботинки и резиновыя калоши; этотъ фактъ, по моему мнѣнію, имѣетъ громадное значеніе! Затѣмъ, при разслѣдованіяхъ и осмотрахъ обнаружено, что была принесена пакля. Говорятъ, что этотъ фактъ не имѣетъ никакого значенія; говорятъ, что пакля была не прибрана послѣ конопатки оконъ и щелей! Нѣтъ, съ такимъ объясненіемъ согласиться безусловно нельзя. Господа! кто конопатитъ окна и щели весной (вѣдь, это былъ конецъ марта)? да и какъ оставить разбросанной на полу паклю тогда, когда передъ пріѣздомъ полковника все чистили и убирали? Допустила ли бы такой беспорядокъ строгая генеральша! Нѣтъ, повторяю, пакля была принесена непременно и исключительно для поджога; а, вѣдь, Александръ Карповъ этой пакли не приносилъ, и забыть онъ о ней никакъ не могъ. Припомните случай съ поврежденнымъ телефономъ. Правда, гражданскіе истцы говорятъ, что это былъ игрушечный телефонъ, что въ Пензѣ тогда будто бы и вовсе не было телефоновъ. Но такъ ли это? Что у элементовъ былъ перерванъ телефонъ, это ясно

говорить за то, что онъ не былъ игрушечнымъ (да и кому нужны были игрушки въ домѣ Болдыревой?). Я убѣжденъ, что телефонъ былъ испорченъ убійцей умышленно; для чего? или для отвода глазъ или для того, чтобы прервать сношенія съ квартирой Тальмы. Между тѣмъ, А. Карповъ говоритъ, что онъ не только не повреждалъ телефона, но и не знаетъ объ его существованіи. Судебнымъ слѣдствіемъ установлено, что отдушины во всѣхъ печкахъ были открыты; но кромѣ убійцы никто сдѣлать этого не могъ; преступникъ несомнѣнно знаетъ, что при открытыхъ трубахъ легче произвести пожаръ. Теперь спрашивается, могъ ли А. Карповъ забыть, что онъ лазилъ на чердакъ?—Конечно нѣтъ.

Странно и необъяснимо то обстоятельство, почему А. Карповъ не выбѣжалъ въ дверь, ведущую изъ буфетной въ сѣни, когда поступалась Савинова, а пошелъ къ ней на встрѣчу и убилъ. Зачѣмъ все это? вѣдь, горничную онъ, конечно, не хотѣлъ убивать!

Далѣе, когда онъ скрываетъ слѣды преступленія, онъ дѣлаетъ массу несообразностей. Онъ приходитъ въ сѣни и вдругъ вспоминаетъ, что подъ окномъ оставлены его калоши, а на крышѣ стамеска. Что же онъ тогда дѣлаетъ? Оставляетъ похищенные вещи и деньги, кладетъ тутъ же рядомъ съ ними окровавленный кинжалъ и идетъ подбирать забытое. Какъ, по вашему, что важнѣе и необходимѣе прежде всего скрыть: кинжалъ ли въ крови и чужія вещи или резиновыя калоши со стамеской?...

Всѣ эти и многія другія несообразности даютъ намъ полное основаніе не вѣрить показаніямъ А. Карпова; они (эти показанія) неискренни. Припомнимъ, что въ томъ процессѣ А. Карповъ былъ четвертымъ свидѣтелемъ, сидѣлъ онъ до конца судебного слѣдствія и многое могъ подмѣтить.

Я умалчиваю о многомъ другомъ, что такъ блестяще мотивировано и убѣдительно доказано въ рѣчи моего предшественника—коллеги.

А разъ такъ, разъ А. Карповъ невиновенъ, то нѣтъ и того фундамента, на которомъ можно строить обвиненіе Ивана Карпова въ укрывательствѣ.

Но къ крайнему удивленію, здѣсь я услышалъ, что къ моему кліенту предъявляютъ обвиненіе въ болѣе тяжкомъ преступленіи.

Я не знаю, какъ можно рѣшиться въ судѣ выдвинуть такое обвиненіе? Кому другому, а прокурору должно быть хорошо извѣстно, что нашимъ закономъ это строго воспрещено. Правда, прокуроръ въ своей рѣчи нѣсколько разъ повторяетъ: „я не обвиняю Ив. Карпова“, и тутъ же приводитъ факты, указываетъ мотивы и проч. Это должно быть совершенно выкинуто изъ дѣла, хотя я убѣжденъ, что г. предѣлатель суда въ своемъ резюме долженъ отмѣтить особенность рѣчи прокурора.

Теперь я перейду къ болѣе узкой рамкѣ.

Мой кліентъ обвиняется въ укрывательствѣ преступленія, которое совершилъ его сынъ. За укрывательство сына (за исключеніемъ государственныхъ преступленій) виновный или совсѣмъ не судится или наказывается слишкомъ легко; нашъ законъ принимаетъ во вниманіе нѣжность родительскихъ чувствъ,—сожалѣніе, которое неизбежно проявляется у отца къ сыну. Но укрыватель судится тогда, когда онъ пользуется плодами этого преступленія. Ивана Карпова и обвиняютъ именно въ томъ, что онъ пользовался плодами преступленія.

Разсмотримъ факты.

Преступленіе было совершено еще въ 1894 году. По показанію А. Карпова, онъ на другой же день сознался отцу въ своемъ преступленіи; а затѣмъ похищенные деньги были спрятаны и хранились въ разныхъ мѣстахъ. Вы хорошо знаете, гг. присяжные засѣдатели, какимъ недостаткомъ страдалъ Иванъ Карповъ,—онъ пилъ,—и притомъ много и очень долго (болѣе 20 лѣтъ); его можно считать настоящимъ алкоголикомъ, который изыскиваетъ

всѣ средства, чтобы удовлетворить своей страсти; у него несомнѣнно самый мозгъ переродился и вино впиталось во весь организмъ. И вдругъ такому человѣку попадаютъ въ руки 4 тысячерублевые билета! Ужели онъ могъ бы утерпѣть, чтобы хоть одинъ изъ нихъ не развѣять тотчасъ же и не превратить его постепенно въ жидкость? Но такъ ли мы видимъ? Массой свидѣтельскихъ показаній установлено, что купоны Карповы начали развѣивать не ранѣе 1898 года. До этого же времени они ужасно нуждались и покупали на гроши. Припомните, что показывавъ здѣсь купецъ Епифановъ: „на 50 коп. купить (Ив. Карповъ), а гривенника не доплатить“. Несомнѣнно, что тогда у Карповыхъ крупный денегъ не было. Значитъ, если сдѣлать сопоставленіе съ характеромъ Ивана Карпова, и появились то онъ лишь въ послѣднее время. Слѣдовательно, никакъ нельзя сказать, чтобы Ив. Карповъ былъ близокъ къ виновнику этого преступленія.

Затѣмъ, я перехожу къ разсмотрѣнію вины моего клиента съ другой стороны. Говорятъ, что Иванъ Карповъ былъ глава семьи, что онъ былъ похожъ на Кить Китыча, что онъ-жесткій человѣкъ и это заявленіе сдѣлано моимъ коллегой; но я, къ сожалѣнію, согласиться съ нимъ никакъ не могу. Такихъ фактовъ совсѣмъ нѣтъ. Мы спрашивали объ ихъ семейной жизни, и всѣ свидѣтели намъ говорили, что „Ив. Карповъ любилъ выпить“, что „вся семья смирная,—шуму не производил“, „жили смирно“, „дружно“, „въ согласіи“... Такимъ образомъ, суроваго хозяина тутъ и не было. Выходитъ, что Христина Карпова не была въ зависимости отъ Ивана Карпова. Достаточно припомнить фактъ размѣна купоновъ: она или сама самостоятельно производила покупки, или наблюдала надъ мужемъ, когда онъ шелъ въ лавку,—и онъ слушался ея. Это имѣетъ значеніе, и я говорю это затѣмъ, чтобы не отразилось на суровости приговора.

Но намъ скажутъ: да, тутъ вліяли родинные чувства въ дѣлѣ укрывательства; къ этому мы могли бы отнестись снисходительно; но затѣмъ же онъ купоны-то мѣнялъ? Но, гг. присяжные засѣдатели, въдь, не доказали, что купоны онъ получилъ отъ сына тотчасъ послѣ совершенія преступленія; а разъ это не доказано, то не доказано и то, что онъ пользовался плодами преступленія“.

Въ заключеніе ораторъ обратился къ присяжнымъ засѣдателямъ съ такою просьбой:

„Я просилъ бы васъ отнестись съ большимъ вниманіемъ къ этому дѣлу. Помните, что на васъ смотритъ и къ вамъ прислушивается вся Россія: здѣсь собрались представители отъ всѣхъ органовъ печати, которые повѣдаютъ обществу о томъ, что происходило у насъ на судѣ.—они записываютъ каждое наше слово; я увѣренъ, что вы останетесь на высотѣ своего призванія и вашъ приговоръ внесетъ успокоеніе въ взволнованные умы.“

Снова уподобляя себя бурямъ въ борьбѣ съ англичанами, я обращаюсь къ вамъ, присяжные засѣдатели, какъ къ центральнымъ государствамъ: „помогите намъ отстоять правое дѣло, защитите насъ отъ нападений!“

Послѣ рѣчи прис. повѣр. г. Козлова встаетъ прокуроръ и взволнованно заявляетъ:

„Я удрученъ,—здѣсь одинъ изъ защитниковъ сравнилъ свое положеніе съ положеніемъ буровъ въ трансваальской войнѣ, а намъ приписалъ роль англичанъ-угнетателей! Я протестую противъ подобной обидной для насъ аналогіи—мы ведемъ правое дѣло и никого не справедливо не притѣсняемъ, какъ это дѣлаетъ Англія!“

Другой защитникъ употреблялъ иные приемы; онъ все разрушаетъ, все опрокидываетъ, подобно непріятельскимъ войскамъ, вторгшимся въ чужую страну, и отъ обвиненія онъ не оставляетъ рѣшительно ничего. Что же касается того, что я въ своей

рѣчи указалъ на Ивана Карпова, какъ на соучастника или виновника убійства, то я этого и не скрываю; я думаю, что обстоятельство дѣла говорить за меня. Въдь, не могу же я выбросить за окно тотъ матеріалъ, который добытъ здѣсь на судебномъ слѣдствіи.

Сознанію защита не придаетъ никакого значенія, Александръ Карповъ нѣкоторыя вещи скрываетъ; онъ не глупый человѣкъ,—онъ, можетъ быть, строить этимъ мостъ, черезъ который думаетъ пробраться благополучно на другой берегъ.

Возвращусь опять къ Ивану Карпову. Оскорбилъ ли я его тѣмъ, что сдѣлалъ предположеніе, что онъ участвовалъ въ убійствѣ? Нѣтъ, въдь это все равно, если бы оскорбился воръ, укравшій 80 коп. и обвиненный въ кражѣ рубля.

Для того, чтобы показать, что дѣлаетъ защита съ свидѣтелями и свидѣтельскими показаніями, я отыщу характеристику свидѣтеля Синицына, сдѣланную г. защитникомъ. Вы помните Синицына,—онъ парень бравый, и въ кого же онъ превращенъ? да въ богомолку, которая бредитъ на яву и бонсея того, что составляетъ лишь плодъ ея воображенія.

Предсѣдатель. Господа представители гражданскаго иска, не имѣете ли вы чего-нибудь заявить?

Добровольскій: Нѣтъ, ничего!

Кальмановичъ. И я ничего не имѣю.

Грушецкій. Я прошу гг. присяжныхъ засѣдателей обратить вниманіе не только на то обстоятельство, что Тальма былъ осужденъ, но и на тѣ основанія, по которымъ состоялось это осужденіе.

Гиршфельдъ. Господинъ прокуроръ удостоилъ мою рѣчь возраженіемъ. Какія же положенія онъ оспариваетъ? Во-первыхъ, ему не нравятся приемы защиты въ отнѣскъ отдѣльныхъ фактовъ; указывается Синицынъ. Но о Синицынѣ у меня сложилось именно такое впечатлѣніе: и въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что этотъ „бравый малый“, гордовой съ шашкой испугался 14-лѣтняго мальчика. Кто не вправѣ ли я былъ сказать, что то бѣлое, которое блеснуло въ рукахъ Карпова, по увѣренію Синицына, было ничто иное, какъ плодъ его воображенія, страха и трусости.

Что касается сознанія, то г. прокурору, я думаю, хорошо извѣстно, какъ часто оно бываетъ обманчиво; исторія выдвинула массу случаевъ, когда люди сознались въ такихъ преступленіяхъ, каковыя они никогда не совершали и совершить не могли.

Далѣе, г. прокуроръ сравниваетъ поведеніе защиты съ поведеніемъ непріятельскихъ войскъ, вторгшихся въ чужую страну: „они, говорятъ онъ, все разрушили, все опрокинули, и отъ обвиненія не оставили ничего“. Это—комплиментъ со стороны прокурора, но такой,—который граничитъ уже съ лестью. Помилуйте, появился здѣсь въ судѣ одинъ скромный провинціальный защитникъ, причѣмъ противъ него выступили и представитель обвинительной власти, и три адвоката, въ числѣ ихъ одинъ столычнинъ, а ему говорятъ: „вы насъ разбили, вы насъ уничтожили!“ Нѣтъ, это, конечно, лесть! Но можетъ быть, я и на самомъ дѣлѣ что-нибудь плохое сдѣлалъ,—укажите, и я приму на себя вину за свое дурное поведеніе; но пусть это не отражается на судьбѣ моихъ клиентовъ—Александра и Христины Карповыхъ. Вы, гг. присяжные засѣдатели, сами все слышите и можете судить, гдѣ и въ чемъ я погрѣшилъ.

Признаюсь, въ одномъ я дѣйствительно виноватъ,—я виноватъ въ томъ, что указалъ на всѣ обстоятельства, которыя говорятъ о невинности моихъ клиентовъ.

Далѣе, г. Гиршфельдъ переходитъ къ новой защитѣ и восполняетъ тѣ пробѣлы, которые онъ сдѣлалъ въ первой рѣчи, или же отвергаетъ тѣ обвиненія, которыя заводилъ прокурорскій надзоръ и представители гражданскаго иска. Въ заключеніе

защитникъ снова обращается къ присяжнымъ засѣдателямъ съ просьбой вынести всѣмъ обвиняемымъ оправдательный приговоръ.

Защитн. Козловъ. Если у меня и вырвалось сравненіе съ бурями, то всаки здѣсь согласится, что мое положеніе именно таково...

Я припомнилъ еще одинъ фактъ, имѣющей весьма важное значеніе. Меня интересуетъ слѣдующее обстоятельство. Можно ли пріурочить наличность денегъ, которая была передъ смертью у Болдыревой, къ тому, что нашли у Карповыхъ? При осмотрѣ у Болдыревой не оказалось того бумажника, въ который она клала деньги: Далѣе, бухгалтеръ международнаго банка г. Городецкій показалъ здѣсь, что у генеральши, наканунѣ убійства, кромѣ облигацій было еще не менѣе 10 тысячъ рублей. Скажите, гдѣ же они? вѣдь у Карповыхъ нашли лишь 4 тыс. и совершенно не доказано, чтобы они использовали или могли использовать остальные (тысячъ 6 или болѣе).

Предсѣдатель (къ подсудимымъ). Подсудимые! по закону вамъ дается право послѣдняго слова. Что вы можете сказать?

Александръ Карповъ (твердо и ясно). Ничего.

Иванъ Карповъ (глухо). Ничего.

Христина Карпова (разбитымъ голосомъ, чуть слышно). Ничего.

Судебныя пренія объявлены законченными.

Послѣ непродолжительнаго перерыва судъ ставитъ слѣдующіе шесть вопросовъ:

1) Виновенъ ли подсудимый городищенскій мѣщанинъ Александръ Ивановъ Карповъ, 16½ лѣтъ, въ томъ, что задумавъ заранѣе липить жизни генеральшу Болдыреву, чтобы воспользоваться деньгами и вещами въ ночь съ 27 на 28 марта 1894 года, нанявъ въ ея квартирѣ и ударомъ кинжала нанести ей смертельныя раны, отъ которыхъ она и умерла?

2) Виновенъ ли тотъ же подсудимый въ томъ, что тогда же и тамъ же, чтобы воспользоваться деньгами и вещами Болдыревой, ударомъ кинжала нанести горничной Савиновой раны, отъ которыхъ она и умерла?

3) Виновенъ ли тотъ же подсудимый въ томъ, что, по совершеніи описанныхъ въ 1-мъ и 2-мъ вопросахъ преступленій или одного изъ нихъ, онъ поджегъ флигель для сокрытія слѣдовъ преступленія, причѣмъ пожаръ былъ потушенъ не имъ, а прибывшими сторонними людьми и пожарной командою.

4) Если подсудимый виновенъ въ преступленіяхъ, описанныхъ въ 1, 2 и 3 вопросахъ, или въ 2-хъ вопросахъ или въ одномъ вопросѣ, то дѣйствовалъ ли онъ съ разуміемъ?

5) Виновенъ ли подсудимый Иванъ Карповъ въ томъ, что въ мартѣ 1894 года, не принимая непосредственнаго участія въ лишеніи жизни генеральши Болдыревой, уже по совершеніи означеннаго преступленія, онъ принявъ похищенные деньги, билеты и вещи, расходовалъ на свои надобности, зная, что они похищены у Болдыревой путемъ лишенія жизни Болдыревой и Савиновой съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ?

6) Виновна ли Христина Карпова въ преступленіи, описанномъ въ вопросѣ пятомъ?

Прокуроръ. Мнѣ думается, что нельзя разединять вопросы относительно убійства Болдыревой и Савиновой: лица, виновныя въ убійствѣ Болдыревой, виновны и въ убійствѣ Савиновой. Поэтому, я настаиваю, чтобы эти два вопроса были соединены вмѣстѣ.

Вопросъ: „дѣйствовалъ ли Александръ Карповъ съ разуміемъ?“ долженъ слѣдовать послѣ каждаго отдѣльнаго вопроса о виновности этого подсудимаго.

Что же касается вопроса о виновности подсудимаго Ивана Карпова, то я остаюсь при особомъ мнѣніи.

Предсѣдатель (обращаясь къ сторонамъ). Что вы имѣете сказать противъ постановки вопроса?

Представители гражд. иска и защита. Ничего не имѣемъ.

Старшина присяжныхъ. Мы просимъ, чтобы намъ позволено было обсудить эти вопросы.

Предсѣдатель передаетъ имъ вопросный листъ и они удаляются въ совѣщательную комнату. Послѣ продолжительнаго совѣщанія, присяжные просятъ поставить еще одинъ дополнительный вопросъ:

7) „Если Александръ Карповъ не виновенъ въ убійствѣ и поджогѣ, то не виновенъ ли онъ въ укрывательствѣ преступника (или преступниковъ) и пользованіи плодами преступленія?“

Представители гражданского иска и защитники, въ свою очередь, просятъ разрѣшенія совѣтоваться между собою. Объявляется перерывъ.

По возвращеніи, представители гражданскихъ истцовъ выражаютъ желаніе, чтобы въ вопросные пункты о виновности въ укрывательствѣ обязательно былъ включенъ и вопросъ объ укрывательствѣ не только плодовъ преступленія, но и преступника (или преступниковъ).

Гиршфельдъ. Если ставить такой вопросъ, то непременно съ прибавкой о времени укрывательства, т. е. этотъ пунктъ слѣдуетъ редактировать приблизительно такъ: виновенъ ли Александръ Карповъ въ томъ, что, узнавъ до 95 г. или послѣ 95 г. (время осужденія Тальмы) о преступникѣ, скрывъ его и плодами преступленія воспользовался?

Кромѣ того, я просилъ бы поставить еще новый вопросъ, а именно: „Если Александръ Карповъ не виновенъ въ укрывательствѣ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что узнавъ о преступникѣ, онъ своевременно по начальству не донесъ?“

Прокуроръ. Я съ своей стороны, предлагаю отклонить постановку обоихъ вопросовъ. Первый вопросъ безцѣленъ; что же касается второго, то ни въ данныхъ судебного слѣдствія, ни въ преніяхъ онъ вовсе не затрагивался.

Гиршфельдъ. Напрасно? г. прокуроръ думаетъ, что вопросъ о времени укрывательства безцѣленъ: если Александръ Карповъ укрывалъ преступника и плоды преступленія до осужденія Тальмы, то послѣдствія будутъ одни, если же послѣ, то другія.

Прокуроръ. Не могу согласиться съ защитникомъ: укрывательство, будь оно совершено до 95 г. или послѣ, одинаково преступно и повлечетъ за собою совершенно одни и тѣ же послѣдствія. Мнѣ думается, что ставить такой вопросъ—значитъ удовлетворять одно любопытство г. защитника; между тѣмъ, присяжные засѣдатели приглашены сюда вовсе не за тѣмъ.

Гиршфельдъ. Но я рѣшительно заявляю, что разница есть.

Кальмановичъ (запальчиво). Въ чемъ? какая? пусть объяснитъ!

Гиршфельдъ. Это вопросъ—о наказаніи, и я не обязанъ на него отвѣчать.

Предсѣдатель. Судъ удаляется для окончательной постановки вопросовъ.

Послѣ продолжительнаго совѣщанія, длившагося болѣе часу, судъ выноситъ вопросный листъ к предсѣдателю, который прочитываетъ вопросы въ окончательной формѣ; ихъ оказалось всего 8. Первые четыре остались безъ измѣненія; подъ цифрой пять стоитъ вопросъ, поставленный присяжными засѣдателями, 6 представляетъ изъ себя повтореніе четвертаго, т. е. касается о разуміи подсудимаго Александра Карпова. 7 и 8 касаются подсудимыхъ Ивана и Христины Карповыхъ, и по своему содержанію тождественны съ прежними 5 и 6 вопросами.

Въ 10 часовъ вечера предсѣдатель П. И. Потуловъ началъ свое резюме.

„Господа присяжные засѣдатели! уже близокъ тотъ часъ, когда вы произнесете свой приговоръ по

дѣлу, которое разсматривается здѣсь въ теченіе пяти дней. Помните, что къ вашему голосу чутко прислушивается вся Россія и, я надѣюсь, вы окажетесь на высотѣ своего призванія. Я не могъ удушить изъ виду то обстоятельство, что въ теченіе всего процесса вы слѣдили за всѣмъ, происходившимъ здѣсь, съ особеннымъ, исключительнымъ вниманіемъ; признаюсь, мнѣ не пришлось еще встрѣчать такую серьезность и вдумчивость, какову вы обнаружили“...

Далѣе предсѣдатель упомянулъ о „предшествующихъ этому дѣлу обстоятельствахъ“, т. е. о процессѣ Тальмы и просилъ присяжныхъ выкинуть его вонъ изъ головы и сердца, отрѣшиться отъ всѣхъ толковъ, слуховъ и предразсудковъ.

Самое резюме предсѣдателя отличалось объективностью, обстоятельностью и доступностью пониманія присяжныхъ изъ низшихъ классовъ. Оно заканчивается такъ: „Господа присяжные! исполните свято ваше великое дѣло; не дайте повода никому сказать про васъ, что вы судили пристрастно въ ту или другую сторону. Грѣшно обвинить невиннаго, но нельзя оправдать и виновнаго; милость—это привиллегія царская, вы же должны вынести то, что подсказываетъ ваша совѣсть!“

Резюме предсѣдателя окончилось въ 15 минутъ 12-го часа ночи.

Послѣ врученія предсѣдателемъ вопроснаго листа, присяжные удаляются въ совѣщательную комнату, откуда возвращаются черезъ 1½ часа.

Старшина г. Храповицкій (директоръ школы садоводства) взволнованнымъ голосомъ читаетъ вопросы. Послѣ перваго отвѣта: „нѣтъ, не виновенъ“, одинъ изъ присяжныхъ падаетъ въ обморокъ, въ публикѣ раздаются истерическіе возгласы: „ахъ!“ Такимъ образомъ, Александръ Карповъ въ убійствѣ оправданъ. Зато всѣ трое подсудимыхъ обвинены въ укрывательствѣ преступника и пользованіи плодами преступленія¹⁾. На вопросъ: „дѣйствовали ли А. Карповъ съ разуміемъ?“ присяжные отвѣтили: „да, съ разуміемъ“.

Прокуроръ даетъ свое заключеніе по вопросу о назначеніи наказанія. Представитель гражданскаго иска полковника А. О. Тальмы присяж. повѣр. В. И. Добровольскій ходатайствуетъ объ удовлетвореніи иска; представители жены осужденнаго А. Л. Тальмы отъ иска отказываются: „мы не для того сюда пришли!“

Оба защитника—Гиршфельдъ и Козловъ—ходатайствуютъ о примѣненіи срока давности.

Объявленіе резолюціи, за позднимъ временемъ, (около 2 часовъ ночи) отложено до слѣдующаго дня.

Въ часъ дня 26 апрѣля объявлена слѣдующая резолюція: подсудимые Иванъ и Христина Карповы приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 6 лѣтъ, причемъ судъ постановилъ ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ для Христины наказанія, опредѣленнаго судомъ, заключеніемъ въ тюрьму на одинъ годъ; Александръ Карповъ, въ виду несовершеннолѣтія его въ моментъ совершенія преступленія, приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на два года.

Выѣздная сессія кіевской судебной палаты.

Дѣло братьевъ Скитскихъ.

(Отъ нашего корреспондента).

19-го мая въ городѣ Полтавѣ выѣздная сессія Кіевской судебной палаты въ составѣ: старшаго

¹⁾ Христинѣ Карповой дано снисхожденіе.

предсѣдателя А. М. Кузминскаго, членовъ: А. П. Петрова, П. Д. Каменцова и Н. С. Грабара и сословныхъ представителей: полтавскаго уѣзднаго предводителя дворянства кн. К. А. Эрстова, заступающаго мѣсто город. головы, члена городской управы М. П. Соеновскаго и волостного старшины Братѣшковской волости Я. П. Ярошенко и товарища прокурора К. К. Александрова-Дольника, приступила къ слушанію въ 4-й разѣ дѣла братьевъ Скитскихъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ своего начальника—секретаря консисторіи А. Я. Комарова.

Защищаютъ подсудимыхъ: присяжные повѣренные Н. П. Карабчевскій и Б. П. Куликовъ, частный повѣренный М. Д. Зеленскій.

Въ качествѣ представителя гражданскаго иска со стороны Комаровой выступаетъ прис. повѣренный Быховскій.

Экспертами явились: проф. Потапенко, Орловъ (на другой день освобожденъ сторонами и палатой) и Оболенскій, врачи Михновъ и Устименко; кроме того, эксперты по веревочной части—Жерновой и Федоровъ.

Публика впускается въ залъ засѣданія въ весьма ограниченномъ количествѣ, и притомъ исключительно по именнымъ билетамъ; зданіе суда охраняется стражей. Всюду расклеены объявленія такого содержания:

„Отъ Полтавскаго полиціймейстера. Симъ объявляется для свѣдѣнія, что въ виду разбора дѣла сессіей кіевской судебной палаты въ г. Полтавѣ, въ помѣщеніи окружнаго суда, въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, съ 19-го сего мая признано необходимымъ, въ интересахъ поддержанія порядка и во избѣжаніе скопленія экипажей и публики возлѣ помѣщенія суда, закрыть на все время занятій сессіи проѣздъ къ зданію присутственныхъ мѣстъ, какъ со стороны Александровской, такъ и Монастырской улицъ.“

Кромѣ того, въ видахъ достиженія той же цѣли, о закрытіи для гулянья публики Александровскаго парка съ площадью и частей улицъ, прилегающихъ къ тому парку и зданію присутственныхъ мѣстъ, въ свое время будетъ объявлено особо“.

Съ ранята утра 19-го мая около зданія тюрьмы стоитъ огромная толпа народа, желающая взглянуть на подсудимыхъ; въ 7 часовъ утра ворота тюрьмы открываются, и подъ конвоемъ выходятъ сначала Степанъ Скитскій, потомъ Петръ; первый снимаетъ шляпу и кланяется народу. Конвоиры усаживаютъ подсудимыхъ въ экипажъ и увозятъ въ зданіе окружнаго суда.

Въ 10½ часовъ обвиняемыхъ сажаютъ на скамью подсудимыхъ. Степанъ весь желтый, худой, волосы на головѣ почти всѣ выльзали; одѣтъ онъ въ чистое бѣлье и новый черный сюртукъ; Петръ еще болѣе истощенъ; цвѣтъ лица его землистый, онъ сильно горбится и глядитъ какъ-то въ одну точку.

45 мин. 11-го входитъ палата и засѣданіе объявляется открытымъ.

Послѣ опроса подсудимыхъ объ ихъ имени, возрастѣ, званіи и проч. судебный приставъ доложилъ о явившихся свидѣтеляхъ; таковыхъ оказалось 25 (изъ нихъ послѣ явилось 4), на лицо было 103. Преосвященный Илларионъ прислалъ заявленіе о томъ, что онъ согласенъ, если угодно палатѣ, дать показаніе у себя въ квартирѣ.

Въ 12-мъ часу секретарь палаты Н. Θ. Любарскій читываетъ обвинительный актъ (См. Право 1899 г. № 13).

Послѣ прочтенія предсѣдатель, обращаясь къ подсудимымъ, спрашиваетъ: признаютъ ли они себя виновными въ приписываемомъ имъ преступленіи? Оба подсудимые отвѣчаютъ: „нѣтъ, не признаю“.

Вводится свидѣтельница Комарова (жена убитаго секретаря). Одѣта она во всемъ черномъ, сильно волнуется и говоритъ еле слышно. Предсѣдатель успокаиваетъ ее и она показываетъ слѣдующее:

„Въ день убійства мой мужъ пошелъ на службу часовъ въ 9 утра, и я по обыкновенію пошла его провожать. На дорогѣ мужъ мнѣ сказалъ, что онъ возвратится домой раньше и просилъ, чтобы я не ходила встрѣчать его, такъ какъ бѣгаютъ собаки, да и погода плоха (дулъ сильный вѣтеръ). Я пришла домой и сказала прислугѣ, чтобы она приготовила обѣдъ часамъ къ 3-мъ; сама начала хлопотать по хозяйству; часовъ съ 12 до 3-хъ сидѣла на балконѣ и читала. Но вижу, мужа нѣтъ; просидѣла еще до $\frac{3}{4}$ четвертаго, мнѣ стало скучно и я отправилась встрѣчать мужа. Дошла до мостика,—его нѣтъ; пошла дальше къ городу и у кирпичнаго завода просидѣла съ полчаса,—мужа все нѣтъ. Тогда я возвратилась на дачу (часовъ около 5 $\frac{1}{2}$). Въ то время я сильно еще не беспокоилась,—думала, дѣла какія-нибудь задержали мужа. Но вотъ часовъ въ 7 приходитъ сторожъ Осипъ (Котелевецъ), я его спрашиваю: „Алексѣй Яковлевичъ былъ въ консисторіи?“ Быль говорить. „А когда онъ вышелъ оттуда?“ Раньше трехъ часовъ. Тутъ я заволновалась; но передъ сторожемъ виду не подала,—стыдилась; и когда онъ ушелъ, я отправилась въ городъ. Я заходила къ отцу Геннадію, котораго звали въ гости, но оказалось, что мужъ мой былъ у него утромъ, а не послѣ службы и справлялся объ его здоровьѣ (онъ былъ боленъ). Потомъ я пошла къ своимъ на городскую квартиру; здѣсь мнѣ сказали, что мужъ не былъ у нихъ... Я окончательно перепугалась. Хотъ и плохо я надѣялась, что найду въ городѣ мужа, но я попросила сестру и мы вмѣстѣ съ ней пошли въ типографію Фришберга и Дохмана,—покойный мужъ въ послѣднее время интересовался типографскимъ дѣломъ (желалъ открыть типографію при консисторіи). Но и сюда онъ не заходилъ. Тогда, отпустивъ сестру, я пошла къ доктору Мальцеву; тамъ тоже не было мужа. О. Геннадій предложилъ мнѣ свою лошадь и я поѣхала на Шведскую могилу, на дачу преосвященнаго Иларіона. Не найдя мужа и здѣсь, мы отправились на дачу. Къ полиціи обращаться тогда я не рѣшалась, такъ какъ опасалась ложной тревоги; я еще думала, что или кто-нибудь задержалъ его или куда-нибудь вызвали экстренно телеграммой изъ города.

Часовъ въ 6 утра на слѣдующій день я снова отправилась въ городъ; по дорогѣ искала его. Часовъ въ 7 утра я пришла въ городскую квартиру къ своимъ; но здѣсь ничего о немъ не знали. Тутъ ужъ я стала думать, что съ нимъ непременно случилось что-нибудь нехорошее: онъ могъ оступиться, упасть, и такъ какъ съ нимъ былъ въ карманѣ револьверъ, то онъ могъ нечаянно выстрѣлить; онъ могъ пойти неудобной дорогой и съ нимъ стало дурно; и хотя его въ Полтавѣ знали, но не всё. Вмѣстѣ съ сестрой я пошла къ доктору Мальцеву, и просила узнать, не привезли ли мужа въ больницу. Я говорила Мальцеву, что слѣдуетъ заявить полиціи; но докторъ мнѣ отговаривалъ. Я вернулась домой и вмѣстѣ съ сестрой пошла на дачу, но той дорогой, какой обыкновенно ходилъ мужъ, а другой,—около еврейскаго кладбища. Дорогу эту мы знали очень плохо,—она оказалась очень неудобной. Я помню, что когда мы сошли на пригорокъ, мнѣ вдругъ пришло въ голову, что съ мужемъ случилось непременно несчастіе; я сказала объ этомъ сестрѣ и она со мной согласилась. Пришли на дачу; отсюда со сторожемъ Терентіемъ мы отправились искать мужа въ глухихъ мѣстахъ. Я забыла сказать, что утромъ я не заглядывала въ глухія мѣста. Все мы искали со стороны города, такъ какъ не думали, что ближе къ дачѣ найдемъ. Въ это время стали встрѣчаться съ нами чиновники консисторіи. Помню, прошелъ завѣдующій казначейскимъ столомъ (Викторскій) и сталъ меня успокаивать. Я спросила: были у Алексѣя Яковлевича враги въ „консисторіи“? Онъ мнѣ отвѣтилъ,—нѣтъ, его всё любили... Слышу, насъ позвали. Мы пошли. Я

спросила: „что нашли“? и сразу поняла, что мужъ убитъ....

Прокуроръ. Что вы увидѣли, когда нашли убитого мужа?

Комарова. Ничего не помню,—мнѣ было не до того. Прок. Когда пришелъ къ вамъ Котелевецъ 14-го іюля?—Комар. Около 7 часовъ.—Прок. Что онъ сказалъ?—Комар. Онъ сказалъ, что Алексѣй Яковлевичъ ушелъ въ 3 часу изъ консисторіи.—Прокур. Вы старались отъ другихъ узнать, когда ушелъ вашъ мужъ съ занятій?—Комар. Нѣтъ, не помню... да я и не придавала этому значенія. Прокур. Почему вы на Скитскихъ подумали? Комар. Они дурно относились къ мужу, и никто такъ плохо не относился, какъ они; кромѣ того, за послѣднее время Степанъ Скитскій велъ себя очень странно: по ночамъ онъ просиживалъ за работой до 7 часовъ утра, а на консисторскихъ дѣлахъ это нисколько не отражалось.—Прокур. Вашъ мужъ былъ откровененъ съ вами?—Комар. Да, очень.—Прокуроръ. Онъ и о служебныхъ дѣлахъ говорилъ съ вами?—Комар. Да, обо всемъ говорилъ, ничего отъ меня не скрывалъ.—Прок. Когда вы съ нимъ познакомились?—Комар. Когда онъ былъ на 2-мъ курсѣ Духовной Академіи, а я училась въ консерваторіи. Пр. Сколько ему было лѣтъ тогда?—Комар. Около 22 лѣтъ.—Пр. Вы хорошо съ нимъ познакомились и все время уже поддерживали знакомство?—Комар. Да.—Пр. А женился онъ когда?—Комар. Когда ему было 25 лѣтъ.—Пр. А въ промежутокъ этого времени гдѣ онъ былъ и гдѣ вы? Комар. Онъ кончилъ курсъ Духовной Академіи, а потомъ 11 мѣсяцевъ пробылъ за-границею; я же осталась съ матерью въ Петербургѣ.

Пр. Почему вы съ нимъ не поѣхали за-границу? Комар. Въ то время вышло запрещеніе жениться до окончанія образованія.

— Гдѣ онъ былъ за границею?

— Официально онъ числился псаломщикомъ, но писалъ ученый трудъ по вопросу о соединеніи англиканской церкви съ православной.

— Гдѣ именно?

— Въ Штутгартѣ. Въ тюрингенскомъ университетѣ слушалъ лекціи.

— А въ Петербургѣ когда опять пріѣхалъ?

— Въ 1892 году и, за неимѣніемъ преподавательскихъ мѣстъ, поступилъ въ синодальную канцелярію, гдѣ и пробылъ около двухъ лѣтъ, пока не назначили въ Полтаву.

— За это время у него не было враговъ?

— Онъ никогда ни о какихъ врагахъ не говорилъ мнѣ.

— Какая должность въ синодальной канцеляріи?

— Тамъ готовятъ кандидатовъ на должность консисторскихъ секретарей.

— Вашъ мужъ заранѣе зналъ, что его назначать въ Полтаву?

— Саблеръ ему сказалъ: есть свободныя вакансіи на должность секретаря консисторіи въ трехъ городахъ—Тулѣ, Рязани и Полтавѣ, но онъ совѣтовалъ ему ѣхать въ Полтаву; это сказано было въ декабрѣ, а въ февралѣ онъ получилъ назначеніе.

— О положеніи дѣлъ въ полтавской консисторіи онъ знаетъ?

— Да, знаетъ; ему говорили, что здѣсь замѣчается страшная распущенность и давали совѣты: „чѣмъ строже вести, тѣмъ лучше“ (смѣется). Управляющей синодальной канцеляріей, прощаясь съ мужемъ, между прочимъ, сказала: „ну, поздравляю васъ съ назначеніемъ, но не съ Полтавой;—Полтава—это болото, а полтавская консисторія—настоящая помойная яма.

— Не говорилъ ли вашъ мужъ, какъ онъ самъ думаетъ взяться за дѣло?

— По мѣрѣ умѣнья и силъ устранить недостатки и упорядочить дѣло.

— А не передавалъ ли онъ о своихъ впечатлѣ-

няхъ, когда онъ прѣехалъ сюда и ознакомился съ порядками консисторіи?

— Я хорошо не помню, какъ именно онъ говорилъ, но знаю, что общее впечатлѣніе его было далеко невыгодное для здѣшней консисторіи.

— Не указывалъ ли онъ на отдѣльныхъ лицъ, которые ему особенно не нравились?

— Да, говорилъ, и по его настоянію даже уволили одного чиновника (Сърошанова), какъ самаго неисправнаго.

— А про Скитскихъ не говорилъ?

— Въ маѣ 1894 года была ревизія, и я помню, что мужъ говорилъ: „пока Скитскій (Степанъ) въ консисторіи, нельзя быть спокойнымъ“.—А съ другими каковы были отношенія?

— У мужа былъ разладъ и съ отцами членами консисторіи.—Въ какихъ дѣлахъ?

— Главнымъ образомъ въ дѣлахъ судебныхъ,—когда дѣло касалось провинностей церковно и священнослужителей.

— Въ чемъ же именно были разногласія у вашего мужа съ членами консисторіи?

— Отцы—члены слишкомъ снисходительно относились даже къ крупнымъ проступкамъ священнослужителей; а мужъ держался того мнѣнія, что нельзя оставлять ихъ безнаказанными.

— А какъ относился вашъ мужъ къ бракоразводнымъ дѣламъ?—У моего мужа были несогласія съ присутствіемъ и по бракоразводнымъ дѣламъ; случалось такъ, что съ мнѣніемъ мужа соглашался и самъ пресвященный Иларіонъ.—Не измѣнились ли съ прѣездомъ вашего мужа порядки въ консисторіи?—Да, въ общемъ ходъ дѣлъ произошли измѣненія. До него секретарь былъ слабый и безхарактерный Радкевичъ; при немъ было много упущеній и злоупотребленій. Кромѣ того, онъ запретилъ входить постороннихъ лицъ въ канцелярію. Правда, и ранѣе было вывѣшено объявленіе объ этомъ; но оно никогда не исполнялось, и мужъ сдѣлалъ еще добавленіе, чтобы и отцы благочинные не входили въ канцелярію.—Какъ относился къ такому распоряженію вашего мужа.—Трудно сказать. Конечно, многіе были недовольны этимъ, но они своего недовольства не выражали вслухъ и молчали. Могу сказать одно, что черезъ три дня послѣ смерти мужа, по распоряженію протоіерея Уралова, объявленіе было снято.—Что можете сказать объ отношеніяхъ вашего мужа къ Степану Скитскому?—Они были нехороши, особенно за послѣднее время, такъ какъ мужъ замѣчалъ разные безпорядки. Въ декабрѣ 1896 года мужъ говорилъ мнѣ, что между нимъ и Скитскимъ вышли неприятели изъ-за мѣсячной вѣдомости, которая была составлена Скитскимъ неправильно. Въ началѣ января мужъ опять сильно сердился и говорилъ, что его служебный годъ испорченъ, потому что годовая вѣдомость кассы не была составлена, а на счетахъ консисторіи тогда числилось до 13 тыс. рублей. Былъ еще такой случай. Овдѣ госпожа изъ Кіева, выправляя изъ консисторіи метрическое свидѣтельство, прислала моему мужу въ видѣ благодарности 10 рублей; мой мужъ передалъ эти деньги Скитскому и велѣлъ отослать ихъ обратно. Скитскій долго медлил, и потомъ, когда мужъ настоялъ, чтобы деньги были непременно отправлены и скорѣй, отослалъ ихъ не по точному адресу, а до востребованія. Послѣ деньги пришли обратно сюда... Вообще, онъ каждый день приходилъ разстроенный и говорилъ, что это его Скитскій раздражаетъ.—Часто вашъ мужъ дѣлалъ замѣчанія Скитскому?—За послѣднее время очень часто.—Какое дѣйствіе производили на Скитскаго такія замѣчанія?—За послѣднее время, не знаю; но ранѣе мужъ говорилъ, что С. Скитскій обыкновенно уходилъ со службы; но открыто неудовольствій мужу не выражалъ... Да, относительно послѣдняго года я забыла еще сказать вотъ что. Въ іюнѣ оказалось, что по счетамъ не хватаетъ 300 рублей. Отцы члены

заволновались, такъ какъ они все отвѣтственны и говорили мужу: „вы были правы, когда не хотѣли сдѣлать С. Скитскаго казначеемъ“. Но потомъ Скитскій эти деньги нашелъ: оказалось, что онъ былъ неправильно записанъ, и даже оказалось лишнихъ 5 рублей. Когда было доложено мужу, онъ сказалъ: нехорошо и то, когда лишнія деньги обнаруживаются, это доказываетъ на нецѣлность счетоводства.— Не высказывалъ ли вашъ мужъ желанія, чтобы Степанъ Скитскій не служилъ въ консисторіи?—Я не могу вспомнить точно такого разговора, но знаю, что подобное желаніе у мужа имѣлось.—А о переводѣ изъ казначея въ столоначальника говорилъ?—Да, говорилъ; онъ говорилъ съ о. Мазановымъ, что ему не подъ силу вести казначейскія дѣла со Скитскимъ; о. Ураловъ, слышавшій эту бесѣду, просилъ мужа позволить ему предупредить Степана Скитскаго. Мужъ согласился. Дѣло это происходило 10 іюля; а 11 іюля, возвратясь на дачу, мужъ говорилъ мнѣ: „ну, теперь Скитскому уже все сказано!“ Я спросила: „какъ все?“ мужъ отвѣтилъ: „сказано о переводѣ въ столоначальника“.— Вамъ извѣстно было, что Скитскій былъ лишенъ награды передъ Пасхою и по чьему побужденію?

— По докладу моего мужа; правда, пресвященный Иларіонъ, по добротѣ своей, не соглашался лишить Скитскаго награды, но потомъ положилъ такую резолюцію: „очень сожалѣю, что Скитскій на новой желаемой имъ должности вызываетъ неудовольствіе и необходимость принимать такія крайнія мѣры“. Я знаю, что С. Скитскій хотѣлъ жаловаться на мужа въ синодъ или оберъ-прокурору святѣйшаго синода; навѣрно жаловался и пресвященному; я заключаю это изъ того, что однажды пресвященный спросилъ моего мужа: „имѣеть что противъ васъ Скитскій?“ Мужъ отвѣтилъ: „Вотъ съ нимъ!“— Была написана жалоба въ синодъ?—Тогда не знаю; но послѣ я слышала, что онъ давалъ читать свою жалобу; была ли она отправлена, сказать не могу.— Какъ отнеслись въ консисторіи къ лишенію С. Скитскаго награды?—Смотря потому, кто каковъ..

Быховскій (представ. гражданскаго иска).

Сколько вамъ было лѣтъ, когда вы были объявлены невѣстой?—18 лѣтъ.

— Располагали ли вы или ваша матушка какими-либо средствами?—У матери были маленькія средства.—Изъ чего они состояли?—Мать имѣла небольшую домъ въ Калугѣ.—А у Алексѣя Яковлевича (жениха) что было?—(Улыбаясь) У него ровно ничего не было.—Значитъ въ бракъ не было материальной подкладки?—Конечно, нѣтъ.—А ваша матушка сочувственно относилась къ вашему выбору?—Очень сочувственно.—А когда онъ уѣхалъ за-границу, онъ переписывался съ вами?—Да онъ посылалъ мнѣ письма каждый день.—Не можете ли вы сказать намъ, какъ онъ тамъ проводилъ время?—Главнымъ образомъ за книгами; онъ писалъ въ то время кандидатское сочиненіе.—А относительно встрѣчъ своихъ со знакомыми онъ сообщалъ вамъ?—Да, онъ былъ знакомъ съ „русскою колоніей“, какъ онъ выражался, упоминалъ о священникѣ Морозовѣ.—Съ русской молодежью встрѣчался?—Разъ писалъ: „гора съ горой не сходитя, а человекъ съ человекомъ—всегда“; я, писалъ онъ, встрѣтилъ здѣсь бывшаго студента духовной Академіи—серба,—онъ слушаетъ здѣсь университетскія лекціи въ Тюрингенскомъ университетѣ.—Посѣщалъ онъ Цюрихъ и Женеву?—Да, ѣздилъ, но всего на недѣлю—двѣ.—Что онъ вамъ писалъ оттуда?—Его письма носили туристическій характеръ,—онъ описывалъ природу, горы...—Не высказывалъ ли онъ своихъ взглядовъ на русскую молодежь? Не измѣнились ли его взгляды и убѣжденія, когда онъ уѣхалъ за-границу?—Нѣтъ, взгляды остались прежніе.—Какіе же были у него взгляды?—Въ священники онъ не пошелъ,—онъ не имѣлъ достаточнаго призванія; но былъ человекъ религіозный.— Говорилъ

ли онъ о переходѣ въ другое вѣдомство?—Нѣтъ, онъ стѣснялся измѣнять своему вѣдомству.—Не думалъ ли онъ внести какія-либо измѣненія въ духовное вѣдомство?—Да, онъ говорилъ, что въ жизни духовенство многое идетъ не такъ, какъ онъ думаетъ, и желалъ внести въ нее, по мѣрѣ своихъ силъ желательныя измѣненія.—Къ чему онъ больше тяготѣлъ—къ ученой карьерѣ или къ административной?—Скорѣе къ ученой.—Какъ проводилъ онъ время въ Духовной Академіи?—Онъ сидѣлъ больше за книгами.—Почему онъ пошелъ на службу въ синодальную канцелярію?—Это была случайность.—Въ Петербургѣ у него имѣлись знакомые.—Были товарищи по службѣ и товарищи по Академіи.—Не водилъ ли онъ знакомствъ съ студентами и свѣтской молодежью?—Нѣтъ, не водилъ.—А здѣсь въ Полтавѣ какіе у васъ были знакомые?—Мы жили очень замкнуто, и знали доктора Мальцева, о. Геннадія, Леонова и еще кое-кого. Онъ ужасно не любилъ ходить въ гости и всегда пользовался малѣйшимъ предлогомъ, чтобъ оставаться дома,—въ кругу своихъ.—Изъ кого состоятъ ваша семья?—Изъ матери и сестры.—Въ семьѣ онъ былъ разговорчивъ?—Да.—Онъ былъ болѣзненный, нервный?—Да, онъ утомлялся работой.—Кто велъ въ домѣ хозяйство?—Хозяйствомъ всецѣло завѣдывала моя матушка.

—А свободныя часы какъ проводилъ?—Читалъ сначала консисторскія бумаги и исправлялъ грамматическія ошибки.—Кто были знакомые?—Наши знакомства ограничивались двумя-тремя домами: о. Геннадія, д-ръ Мальцевъ.—А консисторскіе чиновники ходили къ вамъ или вы къ нимъ?—Только съ визитами.—Были ли въ консисторіи такіе чиновники, которые по своимъ взглядамъ подходили къ вашему мужу и онъ считалъ ихъ наиболее достойными?—Да, были; но большая часть—люди не подходящіе. Заботился ли онъ о служащихъ въ консисторіи и въ чемъ выражались его заботы?—Да, заботился; онъ думалъ ввести епархіальное страхование церквей, и въ этомъ смыслѣ даже написалъ проектъ; проектъ этотъ понравился начальству, и предполагалось, что со временемъ будетъ организовано подобное страхование во всей Россіи. Далѣе, онъ хотѣлъ издавать епархіальный календарь, открыть консисторскую типографію; мужъ рассчитывалъ сосредоточить дѣлопроизводство въ консисторіи и тѣмъ дать лишній заработокъ чиновникамъ.—Суровый онъ былъ, требовательный?—Да, онъ былъ требователенъ къ себѣ и хотѣлъ, чтобы и другіе были исправны.—Была ли въ консисторіи группа такихъ чиновниковъ, къ которымъ онъ относился сурово?—Про это я не знаю.—Значитъ, вы не знаете другихъ, которыми онъ недоволенъ, кромѣ Скитскихъ?—Конечно, мелкія недозволенія были и съ другими. Но С. Скитскій одинъ враждебно относился къ моему мужу, особенно въ послѣднее время. Я сама не слыхала угрозъ, но мнѣ передавалъ Горностаевъ, со словъ Богаевского, будто послѣдній говорилъ, что Комарова убилъ Скитскій, такъ какъ въ одной бесѣдѣ С. Скитскій сказалъ ему, Богаевскому: „не упоминайте мнѣ имени Комарова, я его слышать не могу“. Слышала я и о бесѣдѣ преосвященнаго со Скитскимъ: преосвященный убѣждалъ его помириться съ мужемъ и извиниться передъ нимъ, но тотъ отказался. Къ С. Скитскому преосвященный относился сочувственно.—А какъ смотрѣлъ вашъ мужъ на то, что Скитскій собирался жаловаться на него въ Синодъ, онъ былъ недоволенъ этимъ?—Напротивъ,—скорѣй доволенъ. Онъ говорилъ: пусть жалуются,—тогда я лучше все выясню.—Но почему самъ мужъ не уволилъ Степана Скитскаго?—Это зависѣло не отъ мужа, а исключительно отъ преосвященнаго; преосвященный же такой мягкій, что только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ рѣшиться на увольненіе.—А какъ относился преосвященный къ вашему мужу?—Вполнѣ сочувственно.—Вы видѣли мѣстность, спустя нѣкоторое время послѣ убійства?—Да,

я видѣла ее черезъ нѣсколько дней.—А теперь эта мѣстность измѣнилась?

—Такъ измѣнилась, что и узнать нельзя; раньше она вся была закрыта зеленью, а теперь совершенно открыта: въ настоящее время не только легко можно видѣть трупъ, но и маленькую вещь; дорога, видимо, расширена, такъ что даже кажется, есть слѣды заступа и лопаты; вообще получается впечатлѣніе, что нарочно сдѣлано; деревья подстрижены и очень другъ на друга походить. Около дачи есть совсѣмъ сухія деревья, а прежде они были зеленыя.—А около балкона нѣтъ ли какихъ измѣненій?—Есть; у палисадника срубленъ кустъ сирени, скрывавшій дорогу къ мостику.

—Въ Полтавѣ вы долго оставались послѣ смерти своего мужа?—До декабря того же года.—На что жили?—Отъ синода получала единовременное пособие въ 300 рублей; да матушка получала дохода 300—400 рублей.—А потомъ?—Сестра служила въ контролѣ Московско-Курской желѣзной дороги и получала 30 руб. въ мѣсяцъ; я сначала долго не могла найти себѣ мѣста; я давала урокъ музыки и получала 18 руб. въ мѣсяцъ; а потомъ въ 1898 году и я поступила въ контролъ и стала получать 30 руб. въ мѣсяцъ; кромѣ того, изъ синода выдается пенсія въ размѣрѣ 300 рублей въ годъ. Доходъ матери равняется 300—400 рублей. Живемъ всѣ вмѣстѣ.—Теперь кто ваши знакомые?—Только сослуживцы.—А въ Полтавѣ были ли знакомые изъ молодежи, изъ военныхъ, офицеры?—У насъ военныхъ совсѣмъ не было, кромѣ родственника племянника Леоновой; да офицеръ Терентьевъ приходилъ разъ къ мужу по дѣламъ его службы; но я съ нимъ совсѣмъ незнакома.

Прис. пов. Карабчевскій. Скажите, сударыня, кого уволили изъ консисторіи при вашемъ мужѣ?—Я не знаю; чиновниковъ увольняетъ преосвященный!

Кто завѣдывалъ судебнымъ столомъ?—Знаюковъ.—Не знаете ли чего относительно бракоразводныхъ дѣлъ, какъ относился къ нимъ вашъ мужъ?—Мой мужъ считалъ наиболее искренними простыя бѣдныхъ людей, а къ богатымъ онъ относился строже, зная, что тамъ возможны разныя злоупотребленія.—Не выражалъ ли вашъ мужъ неудовольствія противъ повѣренныхъ?—Да, онъ говорилъ; онъ даже возбуждалъ передъ синодомъ вопросъ о томъ, чтобы всѣ эти повѣренные были устранены, а хожденіе по дѣламъ было предоставлено самимъ тяжущимся. Но съ нимъ не согласились.—Что вы знаете по дѣлу Ливена?—Я ничего не слыхала про это дѣло.—Скажите пожалуйста, сударыня, почему вы не искали вначалѣ своего мужа у мостика, а пошли совсѣмъ въ другое мѣсто?—Я только прошла по дорогѣ, и думала, что замѣтила бы тутъ.—Вы думали, что такъ близко нельзя совершить преступленія?—Я думала, что можно было бы замѣтить слѣды.—Почему въ этотъ день мужъ сказалъ вамъ, чтобы вы не выходили его встрѣчать.—Онъ говорилъ, что собаки бродятъ.—Но вѣдь собаки бродили, навѣрно, и раньше, почему же именно въ этотъ день онъ опасался за васъ?

—Давно ли купилъ вашъ мужъ револьверъ?—Въ маѣ мѣсяцѣ.—По какому поводу?—Разъ ночью раздался сильный стукъ на крышѣ; мы всѣ испугались; черезъ нѣсколько дней этотъ стукъ повторился, но когда мы вышли, то оказалось, что это была кошка.—Но тогда зачѣмъ же было покупать револьверъ и носить съ собой? На дачѣ вы жили втроемъ?—Да.—А почему вы жили врозь съ матерью и сестрой?—Въ городѣ была квартира готовая; да и дача была небольшая.—Не помните-ли шнурокъ отъ часовъ не былъ порванъ, когда нашли трупъ убитаго?—Нѣтъ шнурокъ былъ черезъ плечо.—Кто первый нашелъ вашего мужа?—Не знаю; помню, что какіе-то три чиновника пришли на дачу

и спросили няню: „А что, баринъ домой еще не возвращался?“—Нѣтъ отвѣтила няня. „Ну, такъ и не вернется, замѣтили на это чиновники, потому что онъ лежитъ въ кустахъ убитый“. Кто были эти чиновники,—я не знаю.

— Когда вы пошли искать мужа,—послѣ Котелевца?—Да, когда онъ ушелъ, и я пошла вѣдѣть за нимъ.—Вѣ консисторію не заходили?—Нѣтъ, не заходила.—Вы ходили къ Скитскимъ?—Я вообще у нихъ не бывала, но съ визитами и на именины ходила.—Къ вамъ С. Скитскій относился вѣжливо?—Я его почти не видала.—А къ вашей матушкѣ?—Съ ней онъ былъ вѣжливъ.—Скажите, пожалуйста, сударыня, какъ вы провели ту первую ночь?—Я была одна съ няней.—И больше никого не было?—Почему вы не пригласили къ себѣ сестру или мать, и почему у нихъ не остались ночевать?—Мнѣ не приходила въ голову мысль о преступленіи.—Но вы вѣдѣ намъ сказали, что были у всѣхъ знакомыхъ, и нигдѣ его тамъ не нашли,—какъ же вы отнеслись?—Нѣтъ, я думала, что у него есть еще знакомые.—Какъ скоро ходилъ вашъ мужъ до дачи?—Обыкновенно $\frac{3}{4}$ часа, но когда спѣшилъ, то 35 минутъ.—Скажите намъ, пожалуйста, что значатъ ваши записки: „если да“ и „если нѣтъ“?—Я подробно объясню ихъ значеніе. Я дала мужу не двѣ, а три записки; и третья сохранилась у моей матери, которой она была передана однимъ изъ сторожей вмѣстѣ съ запиской „если нѣтъ“. Я ждала 11-го числа (въ пятницу) о. Геннадія и другихъ, потомъ въ воскресенье; когда же они не пришли и въ воскресенье, я стала ждать во вторникъ. Не полагаясь на память мужа, я вложила записки.

Предсѣдатель. Свидѣтельница, видимо очень утомлена и я объявляю перерывъ на 1 часъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хроника.

Пр. Сенатъ, по общему собранію, разъяснилъ, что **евреи нижніе чины**, начавшіе военную службу по правиламъ рекрутскаго устава, хотя бы они были уволены въ безсрочный отпускъ или отставку уже послѣ введенія всеобщей воинской повинности, не могутъ быть лишены права на повсемѣтную приписку къ городскимъ обществамъ (по д. Кершковаго и Лахмана).

Прав. Сенатъ призналъ, что разрѣшеніе вопроса о правильности или неправильности **принесенія на нихъ-либо жалобъ** Прав. Сенату зависить единственно отъ самого Прав. Сената, который одинъ вправе признать жалобу подлежаще или неподлежаще подавно. (Ук. 5 мая 1900 г. № 5154).

Въ правительственныхъ сферахъ осенью текущаго года будетъ обсуждаться вопросъ о болѣе нормальной постановкѣ **медицинскаго дѣла** при фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ. По словамъ „Новостей“, предложено обязательное устройство больницъ, амбулаторныхъ приемовъ и аптекъ.

По слухамъ, министерствомъ финансовъ возбужденъ и уже заслушанъ въ Государственномъ совѣтѣ вопросъ

о **отмѣнѣ ст. 675 уст. торг. изд. 1893 г.**, а также ст. 1177 и 1178 улож. о наказ.—въ той ихъ части, которая касается наказаній за несоблюденіе стеклянными заводчиками бывшаго ранѣе обязательнымъ по закону, но трудно достигаемаго на практикѣ правила о клейменіи всей изготовляемой ими стеклянной посуды особыми клеймами (имени и фамиліи заводчика, мѣстоахожденія завода и года выдѣлки). Это требованіе закона, усложнявшее производство и служившее въ послѣднее время поводомъ для привлеченія заводчиковъ къ отвѣтственности за неисполненіе, признано совершенно излишнимъ, какъ не могущее гарантировать потребителю законнаго количества напитоковъ въ приготовленной заводами посудѣ, и не достигающимъ своей цѣли. (Пр. М.)

При министерствѣ финансовъ образована коммиссія въ составѣ представителей разныхъ вѣдомствъ, подъ предсѣдательствомъ т. с. Ольхина, для составленія инструкцій по примѣненію разматриваемаго Государственнымъ Совѣтомъ **устава о гербовомъ сборѣ** и его взиманіи, а также по измѣненію, согласно новому проекту, алфавитнаго списка документовъ, подлежащихъ оплатѣ гербоваго сбора или изъятію отъ такового (Пр. М.)

Управляющій Нижегородской губерніей разъяснилъ земскимъ начальникамъ, что въ случаѣ невозможности для отдѣльныхъ лицъ произвести въ установленный срокъ **уплату продовольственной ссуды** они должны сноситься по этому дѣлу съ губернской земской управой и только въ случаѣ несогласія послѣдней дать отсрочку, доводить о томъ до свѣдѣнія губернской власти съ изложеніемъ обстоятельствъ, послужившихъ основаніемъ для возбужденія ходатайства объ отсрочкѣ. (Ниж. л.)

„Крымск. Курьеръ“ передаетъ, что въ послѣднее время рѣдко слышно о состоявшихся приговорахъ къ **тѣлесному наказанію**. Хотя волостные суды и въ недавнее время пытались приговаривать крестьянъ къ наказанію розгами, но земскіе начальники, составъ которыхъ пополняется по преимуществу людьми нравственно развитыми, а главнымъ образомъ, уѣздные съѣзды постоянно отмѣняли эти приговоры, замѣняя ихъ арестомъ или денежнымъ штрафомъ. Видя, что приговоры къ тѣлесному наказанію не встрѣчаютъ одобренія со стороны начальства, волостные суды и сами перестали приговаривать виновныхъ къ тѣлесному наказанію.

Намъ телеграфируютъ защитники крестьянъ дер. **Борковокъ**, обвиняемыхъ въ насильственной распашкѣ земель гр. Орлова-Давыдова, пр. пов. Демьяновъ и Юлшинъ, что Саратовская судебная палата смягчила приговоръ Сам. о. с., приговоривъ зачинщиковъ къ 2 недѣльному, участниковъ къ недѣльному и пособниковъ къ 4 дневному аресту. (Отчетъ о дѣлѣ см. Права №№ 13—16).

Въ Херсонской губ., **земскій начальникъ Рустановичъ**, приказомъ своимъ на имя волостнаго стар-

шины за № 18, потребовал корреспондента, занимающего довольно видное положение среди мѣстных общественных дѣятелей, въ мѣстное волостное правление. Тамъ Рустановичъ сталъ строго читать нотацию корреспонденту за его газетныя статьи, въ которыхъ указывалось на крупныя пробѣлы въ дѣятельности вдохновителей мѣстнаго крестьянскаго управления, какъ-то: о совершеніи сдѣлокъ въ волостномъ правленіи на крупныя суммы съ явнымъ нарушеніемъ закона и съ ущербомъ для казны, объ общественномъ приговорѣ по предмету введенія въ п. Новоукраинскѣ городского положенія, избилующемъ невозможными ограниченіями для будущаго города, объ отсутствіи ночныхъ обходовъ, велѣдствіе чего происходятъ постоянныя кражи и т. д. Послѣ обѣщанія засадить въ тюрьму корреспондента и редактора, Рустановичъ грозно спросилъ: исполнилъ ли корреспондентъ какое-то требованіе объ освобожденіи 1½ саж. земли, захваченной, будто бы, послѣднимъ. Когда корреспондентъ отвѣтилъ, что имъ въ августѣ прошлаго года загорожено лишь то количество земли, которое принадлежитъ ему по праву, согласно торговому листу, что онъ не виноватъ, если послѣ произведенныхъ торговъ и полученія съ него денегъ, вздумали диктовать ему новыя условія купли и что вопросъ объ этомъ клочкѣ земли остается открытымъ до разрѣшенія его херсонскимъ губернаторомъ, г. Рустановичъ, несмотря на то, что дѣло это носитъ характеръ чисто гражданскаго спора, приказалъ волостному старшинѣ позвать двухъ этапныхъ, которымъ и велѣлъ арестовать и выдержать корреспондента при волостной кордегардіи. За время трехсуточного ареста, по строгому приказанію Рустановича, къ арестованному не допускали рѣшительно никого, даже врача, постоянно лечившаго арестованнаго корреспондента, пришедшаго навѣстить своего пациента, о нездоровьѣ котораго было имъ лично заявлено Рустановичу; врачъ былъ при этомъ два раза грубо вытолкнутъ этапными. По ночамъ Рустановичъ лично являлся для проверки, находится ли арестованный корреспондентъ на мѣстѣ и каждый разъ приказывалъ этапнымъ не дѣлать ему никакихъ облегченій и снисхожденій. По окончаніи трехсуточного ареста, Рустановичъ позвалъ корреспондента въ волостное правленіе и, стуча кулакомъ по столу и ногами объ полъ, заявилъ ему, что будетъ зорко слѣдить за его дѣйствіями и будетъ сажать подъ арестъ за всякую малѣйшую его попытку коснуться чьей бы то ни было дѣятельности, называя это „неисполненіемъ законныхъ требованій своихъ“.

Рустановичъ, за короткое время пребыванія его здѣсь на должности земскаго начальника, уже много разъ прибѣгалъ къ услугамъ 61 ст. полож. о змек. нач., которую онъ слишкомъ свободно толкуетъ, о чемъ уже не мало на такой образъ дѣйствій Рустановича поступило жалобъ (Сѣв. Кур.).

„Юж. Кр.“ сообщаетъ, что 16-го мая въ харьковской судебной палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, началось слушаніе при закрытыхъ дверяхъ дѣла о крестьянинѣ Павлѣ Феодоровѣ Бельмасовѣ, обвиняемомъ въ убійствѣ земскаго начальника Остро-

гожскаго уѣзда, Ренья. Свидѣтелей по дѣлу было вызвано болѣе 80, явилось изъ нихъ 68.

Бельмасовъ оправданъ.

На дняхъ въ варшавскомъ окружномъ судѣ по обвиненію въ уголовномъ преступленіи привлечены были къ отвѣтственности два варшавскихъ рабочихъ, Оссухъ и Брокка. Когда послѣдовалъ приказъ объ ихъ арестованіи, то Оссухъ бѣжалъ и скрылся безслѣдно. Въ день, назначенный для разбирательства дѣла, Оссухъ явился, однако, въ залу суда, привлеченный **любопытствомъ**, какъ будутъ судить его товарища. Онъ надѣялся остаться незамѣченнымъ въ публикѣ, но былъ узнавъ однимъ изъ чиновниковъ и арестованъ. (В. Дн.)

Городскимъ судьей 4 участка приговоренъ въ **тюрьму на годъ б. полицейскій служитель** Чепуринъ за то, что въ одну ночь онъ, разбудивъ квасника Шульмана заставилъ его потратить 60 коп. на водку, посылая его для покупки водки къ какому то портному, напоявъ пьянымъ случайно подошедшаго Князева, похитилъ у него часы и кошелекъ уже по пути въ участокъ, куда хотѣлъ посадить Князева „за пьянство“, избилъ вмѣстѣ съ пріятелями извозчика, требовавшаго плату за проѣздъ, и получилъ три рубля у продавца водки портного подъ угрозой отправленія его въ тюрьму. (С. От.)

Въ Иваново-Вознесенскѣ многіе жалуются, что **городскіе полицейскіе нижніе чины очень невѣжественны, грубы и невнимательны** какъ къ сѣрой публикѣ, такъ и къ чистой. Вотъ одинъ фактъ, который совершился въ 12 час. ночи съ 16 на 17 мая. Идя съ женой изъ лѣтняго театра мимо Покровскаго собора, мы услышали раздражающій женскій крикъ. Идя далѣе мимо гостиницы „Москва“, мы увидѣли, что провели въ самомъ истерзанномъ видѣ женщину, на головѣ которой была бѣлая платокъ, весь смоченный кровью. Пострадавшая кричала, что ее избili и голову проломилн какіе-то Васька Кузнецовъ и Козловъ, и вдобавокъ былъ еще полицейскій, который, вмѣсто того, чтобы задержать уличныхъ буяновъ, самъ помогъ имъ бить. Свидѣтели этой грубой расправы требовали, чтобы полицейскій задержалъ виновныхъ, но этого почему-то не сдѣлано; нѣкоторые стали просить уличнаго сторожа, чтобы тотъ далъ свистокъ, но и тотъ отказался почему-то (С. От.).

Намъ доставленъ **весьма оригинальный приговоръ мѣр. судьи** Кременецк. округа по дѣлу, по обвиненію кр. Тимофея Дидуры въ кражѣ 1½ копы ржи у своего брата Исаака Дидуры. Разсмотрѣвъ дѣло и выслушавъ объясненія сторонъ, а также показанія свидѣтелей, мѣр. судья нашель, что Исаакъ Дидура, затѣвая всякаго рода козни изъ-за наслѣдственной земли противъ родного своего брата—Тимофея Дидуры, котораго уже разъ угодилъ на четыре мѣсяца въ тюрьму за тайное, якобы, похищеніе куска свиного сала, вновь обвиняетъ послѣдняго въ кражѣ полторы копы ржи съ поля, въ ночь на 6 августа 1899 г. Заподозрѣнный не отвергаетъ факта забора имъ означеннаго хлѣба въ снопахъ и утверждаетъ, что таковой взятъ

имъ по праву не тайно, а явно по принципу собственности. Такое возраженіе подтверждается спросомъ свидѣтелей, по словамъ которыхъ жалобщикъ, будучи однимъ изъ зловредныхъ людей по своимъ сутяжническимъ наклонностямъ, на присуджденной судомъ обвиняемому землѣ самоуправно засѣялъ рожь, половину урожая которой обвиняемый забралъ по праву въ свою пользу. Такимъ образомъ въ дѣяніи его нѣтъ состава преступления, созданнаго воображеніемъ жалобщика, который, очевидно, самъ родитъ на себя лично проступки самоуправствомъ, помрачая клеветою доброе имя родного брата своего, обвиняя послѣдняго въ такомъ злодѣяніи, въ коемъ первенствующая роль принадлежитъ жалобщнику, усвоившему способность загребать чужую собственность въ формѣ самоуправства, а потому, не усматривая въ данномъ дѣлѣ состава преступления и на основаніи суд. уставовъ Императора Александра II, уст. угол. суд. статей 93 и 119 приговорилъ: крестьянина Тимофея Дидуру, обвиняемаго въ кражѣ съ поля ржи у родного брата Исаака Дидура съ поля въ августѣ 1899 г., за отсутствіемъ состава преступления въ смыслѣ кражи, считать по суду оправданнымъ.

Выборы кандидатовъ для замѣщенія должности **предсѣдателя С.-Петерб. комм. суда** состоялись 17 мая. Наибольшее число голосовъ избирательныхъ—67 получилъ И. Г. Даниловъ (неизб. 40). Вторымъ кандидатомъ избранъ В. П. Маневатовъ (избир. 63, неизб. 50). Остальные получили перевѣсъ неизбирательныхъ: г. Вашиловъ (изб. 22, неизб. 91), гг. Брейфусъ и Добровольскій (изб. 36, неизб. 77), А. Е. Гувидъ (изб. 43, неизб. 70). (Б. Вѣд.).

Библіографія.

Журналъ Министерства Юстиціи № 4, апрѣль 1900.

Е. Н. Тарновскій въ статьѣ „Статистическія данныя о преступности въ Италіи“ даетъ по обыкновенію цѣлый рядъ интересныхъ свѣдѣній, характеризующихъ ростъ итальянской преступности вообще и по разнымъ видамъ преступленій, а также личныя особенности осужденныхъ (по полу, возрасту и проч.) и движеніе рецидива. Оказывается, между прочимъ, что „преступность въ послѣдніе годы въ Италіи растетъ въ 4 или 5 разъ скорѣе, чѣмъ населеніе“. При этомъ число преступленій противъ жизни уменьшается (хотя медленно), зато ростъ проступковъ противъ нравственности — поразительный (въ 1880 г.—3033, а въ 1896 г. уже 6452); возросла также кража. Интересно, далѣе, что число осужденныхъ въ Италіи меньше чѣмъ число оправданныхъ и освобожденныхъ отъ суда: процентъ оправданій весьма высокъ (31—33%). Преобладающимъ типомъ наказаній является тюремное заключеніе.

Женская преступность составляетъ около 17%. Рецидивисты составляютъ 25% общаго числа осужденныхъ, каковой процентъ представляется сравнительно невысокимъ, тѣмъ болѣе, что въ Италіи отмѣчается рецидивъ—общій, а не видовой только.—

Д. А. Дриль помѣстилъ продолженіе своей статьи „Тюрьма и принудительное воспитаніе“. Авторъ доказываетъ, что „при отнесеніи правилъ 5 декабря 1866 г. объ исправит. пріютахъ въ уставъ о содержащихся подъ стражею опредѣляющимъ факторомъ была

традиціонность взглядовъ и привычность мышленія.“ Приравненіе заведеній принудительнаго воспитанія къ карательнымъ учрежденіямъ было бы выводомъ правильнымъ, если бы только противъ него не говорило самое существо новой мѣры. И авторъ замѣчаетъ, что наши исправит. пріюты „въ живой дѣятельности“ съ самаго начала получили характеръ заведеній исключительно воспитательныхъ. Малото: принятіе ихъ въ 1895 г. подъ Высочайшее покровительство Государя Императора ясно опредѣлило ихъ характеръ, ибо карательныя заведенія и Высочайшее покровительство — понятія несочетаемыя.

Далѣе **Д. Н. Дриль** указываетъ на крупную роль, сыгранную у насъ частной благотворительностью въ дѣлѣ созданія заведеній принудит. воспитанія. Но нести цѣликомъ разсматриваемую задачу—частная инициатива не можетъ. Авторъ высчитываетъ, что число питомцевъ обоего пола во всѣхъ русскихъ заведеніяхъ принудит. воспитанія къ 1 января 1898 г. не достигало и 1475 чел.; между тѣмъ, требуется не менѣе 7—8 тысячъ мѣстъ для однихъ только несовершеннолѣтнихъ, помѣщаемыхъ въ заведенія по опредѣленіямъ и приговорамъ суда. Кромѣ того авторъ горячо ратуетъ за предоставленіе заведеніямъ принудит. воспитанія права принимать дѣтей „безпріорно-безпріютныхъ“, чѣмъ еще увеличивается трудность ихъ задачи. Поэтому, необходимо, „чтобы государство въ значительно болѣе мѣрѣ пришло на помощь этому неотложному дѣлу какъ денежными пособіями (изъ указываемыхъ авторомъ довольно разнообразныхъ источниковъ), такъ и установленіемъ постоянного правильнаго контроля и объединяющаго направленія дѣятельности, а также и устройствомъ очень небольшого числа собственныхъ заведеній для опредѣленной категоріи дѣтей“. Послѣднимъ пунктомъ авторъ намѣренъ заняться въ окончаніи своей статьи.—

Институтъ родовыхъ имуществъ съ точки зрѣнія будущаго гражданскаго уложенія И. Е. Ильшенко. Изложивъ исторію названнаго института въ предыдущихъ двухъ книжкахъ журнала (см. Право №№ 12 и 17 с.с. 659 и 885), авторъ разсматриваетъ вопросъ о р. имуществвахъ съ точки зрѣнія политики права. Удачно соединяя всѣ сдѣланныя въ литературѣ указанія на полную ненужность и вредъ разсматриваемаго института чуждаго, по убѣдительному доказательству г. Ильшенко, какихъ бы то ни было политическихъ и государственныхъ цѣлей, авторъ приходитъ къ неопровержимому выводу о необходимости отмѣны въ будущемъ гражданскаго уложенія р. имуществъ, какъ такого пережитка старины, въ дальнѣйшемъ существованіи котораго никто болѣе не заинтересованъ. Въ заключеніе авторъ подробно еще останавливается на нравств. родового выкупа, обсуждая спеціально присущіе ему недостатки, хотя само собою понятно, что съ отмѣной института р. имуществъ ео ipso падаетъ и выкупъ.

В. М. Цвингманъ въ обстоятельной статьѣ „Вотчинная реформа и кредитныя учрежденія“ подвергаетъ разбору тѣ возраженія противъ проекта этой реформы, которыя были сдѣланы особымъ совѣщаніемъ, образованнымъ при министерствѣ финансовъ. Авторъ пытается доказать, что введеніе вотчинныхъ книгъ, направленное къ установленію правъ въ условій и отношеній данной недвижимости, представляетъ собою цѣль самостоятельную и можетъ поэтому производиться независимо отъ межевой регистраціи недвижимыхъ имуществъ. Далѣе авторъ доказываетъ неправильность тезиса, будто проектъ стремится сберечь не право собственнаго имущества, а право держателей вторыхъ и послѣдующихъ вкладныхъ. Авторъ полагаетъ, что проектъ стремится къ тому, чтобы дать возможность землевладельцамъ брать деньги у тѣхъ, кто имъ дастъ на болѣе льготныхъ условіяхъ. Точно также авторъ полагаетъ, что проектъ цѣлесообразно разрѣшаетъ вопросъ о правѣ вотчиннаго кредитора, не полу-

чивнаго удовлетворенія изъ заложеннаго имущества, обратить взысканіе на остальное имущество должника. Наибольше подробно авторъ останавливается на тѣхъ возраженіяхъ совѣщанія, которые направлены на защиту привилегій кредитныхъ учреждений въ порядкѣ взысканія съ недвижимыхъ имуществъ. Эти привилегіи авторъ считаетъ несправедливыми. Наоборотъ, авторъ соглашается съ возраженіями совѣщанія противъ принудительнаго залога.

Въ „Хроникѣ“ помѣщена небольшая замѣтка П. А. Ифлянда о примѣненіи ст. 994 и 1531 улож. о нак. (въ заглавіи ошибочно напечатано „ст. 984“, эта же ошибка повторена въ оглавленіи номера). Авторъ высказывается за такой порядокъ, при которомъ судебный слѣдователь былъ бы обязанъ, не считаясь съ квалификаціей преступленія, данной въ жалобѣ потерпѣвшаго, измѣнить порядокъ направленія дѣла, возникшаго по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1531 ул. о нак., если по дѣлу не будутъ установлены существенные признаки этого преступленія, а окажутся указанія на признаки преступленія, предусмотрѣннаго ст. 994 ул. Нельзя не видѣть въ некоторомъ анахронизма въ этихъ пожеланіяхъ.

Здѣсь же напечатаны замѣтки В. Банцекова о неотложности устройства исправит. пріютовъ и особыхъ помѣщеній при тюрьмахъ и арестныхъ домахъ и Д. Д.—я о семейномъ патронатѣ, возникшемъ въ нынѣшнемъ году въ Парижѣ.

Я. К. Городскій печатаетъ постатейныя замѣчанія на проектъ пятой книги гр. уложенія объ обязательствахъ, касающіяся какъ содержанія, такъ въ особенности редакціи отдѣльныхъ статей. Въ виду что въ литературѣ многочисленныя возраженія встрѣтили и основныя начала проекта, такую критику нельзя не признать нѣсколько преждевременной и излишней.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ

Подписчику № 1082.

Вправѣ ли винодѣль, имѣющій сады въ Бессарабской губ., продавать вино собственнаго издѣлія безвзятія установленнаго патента въ Херсонской губ.?

Въ прим. къ ст. 406 уст. пит. разрешающемъ въ губерніяхъ, въ которыхъ занимаются винодѣліемъ, продавать вино собственнаго издѣлія безвзятія особаго патента, ничего не упоминается о томъ, что такое вино можетъ быть продаваемо лишь въ предѣлахъ той губерніи, гдѣ оно было выдѣлено. Напротивъ—указаніе закона, что вино можетъ быть продаваемо съ возовъ и лодокъ, даетъ основаніе думать, что законъ допускаетъ и перевозку такого вина. Поэтому и въ виду того, что, согласно ст. 203 того же устава, Херсонская губ. отнесена закономъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ производится винодѣліе, слѣдуетъ придти къ заключенію, что вино, выдѣланное въ Бессар. губ., можетъ быть продаваемо винодѣломъ въ Херсонской губ. изъ мѣстъ, указанныхъ въ законѣ.

Подписчику № 1425.

Вправѣ ли помѣщикъ (въ Югозападномъ краѣ) при существованіи права толоки, измѣнить трехпольное хозяйство на многопольное на поляхъ, образующихъ сплошную площадь и только частью примыкающихъ къ крестьянскимъ владѣніямъ?

Рѣшеніями гражд. Кассац. Д-та Правит. Сената 1881 г. № 69, 1882 г. № 104 и 1886 г. № 19 разъяснено, что право толоки, установленное примѣчаніемъ къ ст. 18 приложенія къ ст. 31 (примѣч. 1), Пол. Учрежд. Крест., распространяется только на такія помѣщичьи земли, которые находятся непосредственно въ общемъ стѣвооборотѣ съ крестьянами, но что тѣ именно поля, которые лежатъ въ отдѣльныхъ, не черезполосныхъ участкахъ и обрабатываются однимъ только помѣщикомъ, не подлежатъ дѣйствию упомянутаго закона и потому могутъ эксплуатироваться помѣщикомъ безъ всякаго участія крестьянъ.

Подписчику № 2257.

Обязанъ ли землевладелецъ, допустившій для всѣхъ безпрепятственный проѣздъ по устройной имъ неплановой дорогѣ, исправлять на свой счетъ мостовыя, на ней сооруженныя или же онъ вправѣ искать съ проѣзжающими убытки за причиненную ими порчу моста.

Если дорога не шановая, т. е. не обозначена на планахъ генеральнаго или спеціальнаго межеванія (ст. 404, 404 и 582 2 ч. Х т. зак. мир. рѣш. гр. Касс. Деп. Пр. С. 1884 г. № 76) и не есть дорога общаго или частнаго пользованія (ст. 434, 449 и 450 т. Х ч. 1 и 523, 524 т. XII ч. I уст. пут. сообщ.), то несомнѣнно, что ни содержаніе дороги въ исправности, ни извѣстная ширина, ни устройство или исправленіе мостовыхъ сооружений на ней не можетъ быть относимо къ обязанности владѣльца земли, по которой дорога пролегаетъ. Ни предоставленіе владѣльцемъ дороги въ общее пользованіе постороннимъ лицамъ, ни давность этого пользованія не могутъ служить основаніемъ къ возложенію на владѣльца обязанности содержать дорогу въ исправности, такъ какъ право участія частнаго не можетъ быть, какъ то неоднократно разъяснял Пр. Сенатъ (р. Гр. Касс. Д-та 1887 г. № 30, 1885 г. № 125, 1889 г. № 40 и др.), приобретаемо давностью а устанавливается только закономъ или договоромъ (1883 г. № 60). Въ такомъ случаѣ и отвѣтъ на 2-й вопросъ долженъ быть утвердительный.

Иной отвѣтъ пришлось бы дать, если бы дорога, пролегающая по землѣ одного владѣльца, была единственныя (рѣш. Гр. К. Д-та Пр. С. 1887 № 10) средствомъ сообщенія для владѣльцевъ всякихъ угодій (пашни, лѣса, покосовъ), окруженныхъ со всѣхъ сторонъ этою землею. Въ такомъ случаѣ, по праву участія частнаго, даже если бы дорога не была означена въ планахъ генеральнаго или спеціальнаго межеванія, въ силу ст. 449—450 1 ч. Х т. Зак. Гр. (см. также Р. Гр. К. Д. П. С. 87 за № 10) и согласно ст. 524, 802 и 805 ст. 1 ч. XII т. Уст. пут. сообщ., на обязанности владѣльца лежало бы содержаніе такой дороги и мостовыхъ сооружений на ней въ исправности и ширина ея опредѣлялась бы въ 3 сажени. *Какимъ способомъ можно воспрепятствовать проѣздъ отдѣльнымъ лицамъ по неплановой дорогѣ?*

Устройствомъ воротъ, заставы, канавы, предупредительныхъ знаковъ, объявленія окрестнымъ жителямъ о запрещеніи проѣзда, наконецъ, путемъ судебного преслѣдованія по 149, 152 ст. Уст. о нак. и даже по 142 ст. того же Уст., если при проѣздѣ посторонними лицамъ имъ было употреблено насилие.

При этомъ № годовымъ подписчикамъ разсылается 6-й л. Рѣшен. Уголовн. Кассац. Департ. Правит. Сената за 1899 г.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ опубликовано объ ограниченіи правоспособности п о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Мангубц, Давидъ и Савелій Соломоновы, одес. куп.	Сенатскія объявленія 11 Мая 1900 г. № 38. Прекр. дѣло о несост. (откр. С. о. 1899 г. № 49, о. 1, р. VI, ст. 481) за прекращеніемъ претензій Р. VIII, ст. 106.	Одескій в. с.
Глуховцевъ, Василій Савинъ, мѣщ.	Сенатскія объявленія 15 Мая 1900 г. № 39. Прекр. дѣло о несост. (откр. С. О. 1898 г. № 39, о. 1, р. VI, ст. 413) на условіяхъ мировой сдѣлки. Р. VIII, ст. 107.	Новочеркас. о. с.
Зильберманъ, Нута Срулевъ, оргѣв. мѣщ.	Овоич. дѣло о несост. (первонач. публик.—С. О. 1898 г. № 7, р. VI, ст. 87, признан. неосторожною. Р. VIII, ст. 108.	Кишиневскій о. с.
Козловскій, Антонъ Адамовъ, двор.	Прекр. дѣло о несост. (откр. С. О. 1898 г. № 55, р. VI, ст. 609), признан. несчастной. Р. VIII, ст. 109.	Житомирскій о. с.
Козловская, Фелиція Нарцизова, двор.	Прекр. дѣло о несост. (откр. С. О. 1898 г. № 38, р. VI, ст. 402), признан. несчастною. Р. VIII, ст. 110.	Житомирскій о. с.
Кашенко, Владиміръ Андреевъ, сынъ колл. скр.	Прекр. опека (первонач. публик.—С. О. 1891 г. № 58) за смертію. Р. VIII, ст. 111.	Екатеринославск. с. с.
Федосимовъ, Алексій Ивановичъ, вят. цех.	Прекр. дѣло о несост. (откр. С. О. 1898 г. № 25, о. 1, р. VI, ст. 286), признан. неосторожной. Р. VIII, ст. 112.	Вятскій о. с.
Никитина, Варвара Семенова, жена полк.	Прекр. опека (учрежд. С. О. 1892 г. № 41, р. VII, ст. 68) за смертію. Р. VIII, ст. 113.	Моск. дв. оп.
Мыльниковъ, Василій Григорьевъ, торговый каз. и Коцаревъ, Михайль Изановъ, куп.	Прекр. дѣло о несост. (откр. С. О. 1898 г. № 78, о. 1, р. VI, ст. 806), признан. неосторожной. Р. VIII, ст. 114.	Новочеркасск. о. с.

Сенатскія объявл. 22 Мая 1900 г., № 41.

Движеніе по Государственной службѣ.

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

По вѣдомству министерства юстиціи.

13 мая 1900 года № 35:

Назначаются: тов. прок. моск. о. с., н. с. Томашевскій—прок. полт. окр. с.; прич. къ М., в. а. Криль—уч. чл. екатеринослав. о. с., по Верхотур. у.; ст. канд. на д. по суд. вѣд. при кiev. суд. п.; к. с. Черняховскій и Сольскій—уч. мир. с. владимір-волян. окр.; прич. къ М. к. а. Городецкій и 1 ст. ровъ и т. с.: Островскій и Сваржинскій—тов. прок. о. с.: 1—тронцк., 2—новочеркас., 3—мин. и 4—калуж.; прич. къ М., т. с. Хвостовъ—город. судьейо 2-го у. г. Твери.

Перемѣщаются: прок. полтав. окр. с., н. с. Раевскій—прок. ярослав. окр. с.; членъ митав. о. с., н. с. Соколовъ—чл. риж. о. с., согл. прош.; тов. прок. тамбов. окр. с., н. с. Араканцевъ—тов. прок. таганрог. о. с.

Увольняются отъ сл., согл. прош., и д. суд. сл. 3-го уч., Николаев. у. о. самар. о. с., к. с. Кузнецовъ; согл. прош. по бол., и д. суд. сл. 1-го уч., Сум. у., о. сум. окр. с., с. с. Войцѣховскій, съ мунд., исправл. имъ должн. присв.

Умершій исключ. изъ сл., пред. деп. харьков. суд. п., т. с. Милло.

Назначаются: юриск. мин., д. с. с. Петровъ—пред. деп. харьк. с. п.; уч. чл. вологод. о. с., по Вельск. у., к. с. Орловъ и тов. прок. одес. о. с., к. с. Корсакъ чл. к. с. 1—вологод., а 2—одес., изъ нихъ Орловъ, согл. прош.

Перемѣщаются, согл. прош. чл. уман. о. с., к. с. Голубевъ—чл. одес. о. с.

Увольняется, отъ должн., согл. прош., м. с. 2-го уч., Енисейск. у., г. с. Винницкій, по сл. прич. его къ м.

Увольняется отъ сл., согл. прош., пред. благотвѣщ. о. с., д. с. с. Чубаровъ, съ мунд., зан. имъ должн. присв.

По меневому управленію.

Назначается, пом. мин. губ. землем., н. с. Комоцій—стар. губ. землемѣр.

Назначается, мл. меж. ревизоръ при упр. меж. ч., меж. ниж., к. а. Хавскій—меж. чл. тифл. о. с.

По тюремному управленію.

Увольняется отъ сл., согл. прош., по бол., тоб. г. тюремный insp., д. с. с. Эфенбахъ.

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

На 1 іюня, по 1 экзпед. Судебн. Деп.

Апелляц.: Джумайло съ Бѣлозерскимъ о 4.000 р. съ %; Ягодковскаго съ Волошиновымъ о понужденіи къ платежу 9,000 р. съ %; Генердо съ Клемовецкимъ о 4,237 р. 32 к.; о свойствѣ несостоят. торгов. дома „В. М. и П. Жинкины“; Кугервассера съ Кауфманомъ о 1,700 р. съ %; Розенберга съ Викторovýmъ 3,067 р. съ %; опеки надъ имущ. Лившица съ Ратеромъ о 3,067 р. съ %; Хареньковыхъ съ Кировымъ о 740 р., съ %.

Частныя: нпо жалобамъ на Московск. коммерц. судъ:

повѣр. Ваделской анилиновой и содовой фабрики и др.; повѣр. Мухель; повѣр. торг. дома „Евгеній Армандъ съ С-ми“; повѣр. Ласина; повѣр. Гуговскаго; повѣр. Матвѣева; повѣр. Богомольца и Франко-Русск. тов. Московск. шелкокрутильни и др.; на Слб. коммерц. судъ: Шпергазе и Голубина; Куликовой; повѣр. Вапштейна; на Одесск. коммерц. судъ: повѣр. страх. товар. „Саламандра“; повѣр. Василенко на Екатеринославск. губернскаго правл.; прошеніе повѣр. Ремпель; о продажѣ недвижим. имущ. наследниковъ Адамсонъ; о разрѣшеніи выборочной рубки изъ дѣлснй дачи наследниковъ Лисовскаго.

На 1 июня, по 1 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Павловых; Заводскаго съ Лузановымъ; Велижскаго уѣзда. по кр. дѣл. присутствія съ Хрулевичемъ; Троицкаго съ Троицкимъ; Собанскаго съ Слодовскимъ и др.; Борисовыхъ съ Махотиной; Одесской гор. упр. съ Кузьминымъ; Саратовской городской управы и Дмитріева съ Широкинско-Пудовкинскимъ общ. кр.; Злобной съ Осиповой; Ковалевскаго; Левчановскаго съ Солеманъ и др.; упр. госуд. имущ. Ковенской губ. съ Плугницкимъ; Маталанцы съ упр. госуд. им. Виленской и Ковенск. губ.; Кляковича съ Ритами; Глинки съ Депрерадовичъ; Гущина и опека Миропова съ Энка; Эйдлина съ Гольникимъ.

Създовскія: Гриневича; Рожнова съ Черновымъ; Дмитріева съ Богачевымъ; Цытовича съ Ходяновичемъ; Степанюковой съ Юзерчукомъ; Пещанье съ Бубесомъ и Буберманомъ; Курасва 2 дѣла; Клодия съ Блажівичемъ; Соловья съ Рентперомъ; Шкультина съ Вальчиконсомъ; Загурскаго съ Журавской; Перотта съ фонъ-Дитмаръ; Степанова и Матвѣева съ Николаевымъ; Сергѣевой съ Соколовой; Михайловской съ Тальковскимъ; Гурскаго съ Стокоской; Кузнецова съ общ. кр. с. Стринецъ; Бушковича; Вухариновой съ Семеновымъ; Суражскаго гор. упрощ. управл. съ Хомицкимъ; Литовской духовн. консисторіи съ Венцловичемъ; Товгина съ Товгинымъ; Нижегородскаго гор. общ. упр. съ Соколовой; Гоятковскаго съ Де-Карриеромъ; общ. кр. с. Степекъ съ Груминскимъ; Подгорской съ общ. кр. с. Ивахновъ; Колесникова съ Кистовымъ; Кишина съ Немировскимъ; Тройнина съ Андреевымъ; Коломна съ Комаровымъ 2 дѣла, Шашкевичъ съ Лошницкимъ, Столинской и Корево; Брагина съ Колтоковымъ; Павловскаго съ Лучинскимъ; Данцманъ съ Энтинымъ; Борискина съ Ландю; Фокии съ Заффарато; Гринбергъ съ Корнентеромъ; Устьпаденскаго с. общ. съ Шеламскимъ с. общ.; Иalina съ Коробецкимъ; Жовягина съ Лутерманомъ; Яцунскаго съ Яцунскими; Шмеллинга съ Клейбергъ; Кословскихъ съ общ. кр. Горницкой вол.; Шимановича-Якубовича съ Суровичемъ; Гологарскаго съ Раковскимъ; Хатовнера съ Грибельскимъ; Вудкевича съ Раузеромъ; Панченко съ Клюквинскимъ; Грачей съ Врикманъ; Ардагоскаго общ. банка съ Пивникомъ; Ванова съ Березянокимъ; Барановича съ Павловичемъ; Вондаревой; Сидоренка съ Панченкомъ; Пугачева съ Шаталовымъ, Самульцевыхъ съ Бродовскимъ; Муравьева съ Носѣловымъ; Любовичаго и Кринскаго съ Жеро; Забитиса и др. съ кн. Огинскимъ; Паненковой съ Палферовымъ; Долгова-Сабурова съ Ивановымъ; Карабалева съ Вѣтровымъ; Кубанскаго областн. правл. съ Мигуномъ и Добровольскимъ; Абдуль-Каримова съ общ. кр. д. Матривой; Бернецакаго съ Гаевскимъ; Гризеръ съ Рачинскимъ.

На 2 июня, по 2 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Новова съ Файнбергомъ; Одесской конт. госуд. банка съ Стуkenомъ; Кроля съ Федоровымъ; Полтараченко съ Стамеровымъ; общ. кр. с. Даньговки съ гр. Потоцкимъ; Рабина съ Скорделли; Вагнера съ Зеленымъ; Воеводскаго съ Турцевымъ; Саб. мѣщ. общ. съ Харьковскимъ губ. земствомъ; Айвазова съ Мирзоевымъ; Джигита съ Шакаями; Рахлиса съ общ. кр. д. Маньковки; Лебедева съ общ. кр. д. Великой; Сташевича съ Лебецкимъ; Елишевой съ Павловой; Подо съ Назаренками.

Създовскія: Есипова (Маркетова) съ Александровымъ и Вестерлинга; Вобковыхъ съ Музою; Денсовой съ Сергѣевой; Ямона съ опека Вайсберга; Налъейта съ Гусевымъ; Кизенковой съ Присяжнюковой; Валдецакаго съ Самойловымъ; Пердовой съ Новожиловымъ; Равина съ Вашукомъ; Дышель съ Гулерами; Вольнова съ Титовымъ; Граффа съ Гряневской; Кривцова съ Вовченками; Адамовича съ Убартомъ; Гр. Броэль-Плятера съ кр. д. Пудзевичи 2 дѣла; Николаева (Нарабанова) съ Жукоскимъ; Сорокина съ Шнувовымъ; Клюка съ Вѣликовичемъ; Чемегина съ Шенкинымъ, Чернековымъ; Черенково съ Чернековымъ; Шевелева съ Магидовымъ; Золотарева съ Шильгаузомъ и Рапппортномъ; Епанешникова съ Калаянскимъ гор. общ. банкомъ; Сергѣева

съ Папкратьевымъ; Ихтеймана съ Вургартъ; Зива съ Брауде; Сигала съ Карликовымъ и Буберманомъ; Троинова съ Чикаловымъ; Стерло-Орлицкаго съ Герберской; Патинкаго съ Дрейчукомъ; Иманулова съ Балашевой; Сушинской съ Гоухманомъ и Клебановымъ; Кикинаде съ Шевченко; Шполянскаго съ Зазубинымъ; Розова съ Литинскимъ; Камберга и Эльберга съ Жилинскимъ; Трофимова съ Мосячкнымъ; Кременчугскаго съ опека надъ имущ. и сиротами умер. Кираки; Шерстобитова съ Шерстобитовой; Бубдзе съ Вартачовымъ; Филипповыхъ съ Мальковой; Рахлина съ Чижомъ; Берговскаго съ Родзевичами; Смирнова съ Королевымъ; Борды съ Байковскимъ; Мясоедовыхъ съ Курлаевымъ; Бихлера съ Быстрой; Якобсона съ Вѣляевымъ; Яромоловскаго съ Кабешкомъ; Де-Либя-Гоухманомъ и Клебановымъ; Собега съ Даутовой; кн. Урусовыхъ съ Залкомъ; Дяди съ Гр. Ностицкихъ; Клепацкихъ а др. съ Цѣльскимъ; Орлова съ Курпынымъ; Буштейна; Шюльора съ торг. дом. „Л. Клеманъ и А. Юлюсъ“; опека Стрелкопытовыхъ съ Тейле; Ржановскаго съ кн. Яблоновской; Борисова съ Шавевичемъ; Дина съ Богардтомъ; Дмитріева съ Мактевымъ; Портнова съ Колбекинымъ; Молько; Гертевцева съ Армянскимъ Большо-сельскимъ приходскимъ училищемъ; Вилимера съ Влейхъ; опека Сафонова съ Помельниковымъ.

На 3 июня, по 3 отд. Гр. Касс. Деп.

Палатскія: Корсаковой съ Даниловымъ; Житкова и др. съ Андреевыми и др.; Вайсова съ Вилимъ-Колосовской; Ливаца, комм. по д. Россійск. торг. и комис. банка съ Керновскимъ; Леонтьева съ Елинымъ; упр. госуд. имущ. Черниговской губ. съ Андрушевской; Айенштейна съ Омоенко; Меньщикова съ Вѣляевымъ; Мышина съ Ольманъ; Кисловченко съ Киево-Подольскимъ упр. госуд. имущ.; Халатяна съ Арутиновой; Хвалынской гор. упр. съ Протопоповымъ; общ. кр. с. Куабкашъ съ Яценко; Незлютиной съ Курлиными; Дедюхина съ Жужинымъ; Новгородскаго гор. общ. банка съ Соловьевымъ; Харевой и др. съ Камельяковой; конк. франко-русск. общ. „Маргаритъ“ съ Московской гор. упр.; Саратовской гор. упр. съ Новиковымъ; Ваширова съ конк. Воронкова.

Създовскія: Дзизковъ съ Бекельманомъ; Родины съ Перепельничной; Хацмана съ общ. водоснабж. и газосовѣщ. г. Ростова на Дону; фирмы Я. Гиррибергъ и Вильчинскій съ Шилтовымъ; Александрова съ Семеновымъ; Кибуриса съ Кибурисъ; Доброноки съ Кондзеровскимъ; Гр. Тышкевичей съ Штукоремъ и др.; Крикопуло съ Полтавцевымъ; Берне съ Шрайнеръ; Старорыпинскихъ съ Краснянскими, Вучевской, Нетуйской, Салецкими, Мигульской, Красовскимъ, Заѣвской и др.; Лузака съ Абрамовичъ; Валюкова съ Валюковимъ и др.; Мучко съ Мучко; Иванова съ Евсеевымъ; Лурье съ Незабитовскимъ; Родзиевскаго и др. съ Августиновичъ; Морозова съ Забревой; Мартынова съ Валюковимъ; Штейнберга съ Греликомъ 2 дѣла; Бородкина съ Дюминнымъ; Моголова съ Слѣпцовымъ; Шимкевича съ Ташкевичемъ; Каменира съ Бодьяномъ и др.; Липскаго съ Мюнчинскимъ; Заблоцкаго съ Михневичъ; Гусака съ Иваншинимъ; Русаюка съ Гр. Марковымъ; общ. ст. Баталашинской съ Юрченкомъ, Дерикогомою; Грунера съ Фаасъ; Авдѣва и др. съ Либенсономъ; Сердилевича съ Девовымъ; Комстодіуса съ Оедорченкомъ; опеки Гутермана съ Роминнымъ; Кочубея, Лебедева, Жукова съ Тыртовымъ; Столпера съ Лопуховымъ; Моисеева съ Этельгардтомъ; Вудко съ Шотенштеймомъ и др.; Короника съ Израилитомъ; Авдѣва съ общ. кр. д. Рождественской; Усова съ Верентиновымъ и др.; Борисенковой съ Вобровымъ; Членова съ Шишкинымъ; Земли съ Землею; Галиновскаго съ Плескачевскими и др.; Карпуся съ Барцевскими; Печнева съ Хвальковской; Колесова съ Лицинцинымъ; Хомяковой съ Челкевичемъ; Тильгала съ Тонконогимъ 2 дѣла; Неклюдова съ Озеровымъ и др.; Резеновой съ Смирновымъ; Клячкина съ тов. Панченковыхъ и др.; Блока съ Рохлиными; Шокина съ Алѣевымъ; Цимхеа съ Дворецкими; Ямпольскаго съ Рабиновичемъ; Чарновскаго съ Новинскимъ; кр. с. Хропотова съ Тройновской; Слѣпворонскихъ съ Мажевичемъ; Устиновыхъ съ Высоцкимъ 2 дѣла.